

Легенды Солнечного острова

Чужая судьба

Чужая судьба

Немного о целителях

Время проходило незаметно. Я привыкла к работе, а потому уборка мне была не в тягость. Тем более было так приятно подержать в руках книги в красивых обложках, украшенные золотом и даже драгоценными камнями. А внутри столько интересного! К тому же доринг преувеличил масштабы беспорядка. Чувствовалось, что жилище хорошо содержалось. Любопытно, а он женат? Я даже оторвалась от изучения энциклопедии магических созданий империи и задумалась. Нет, не может такой мужчина быть один... Хотя, насколько я поняла, в доме больше никого нет...

— Нравится книга?

Ну почему он вечно так подкрадывается? Обернулась и в очередной раз едва не уткнулась в мужскую грудь. К счастью, на этот раз Данте решил предстать перед девушкой в благопристойном виде. Рубашка оказалась застегнута на все пуговицы, и даже шейный платок повязан. Теперь доринг напоминал богатого аристократа.

— Я ее наизусть выучил, — продолжил Данте, заглядывая на страницы вместе со мной. — С детства таскал повсюду с собой.

— У вас здесь все интересно, — восхищенно проговорила я. — Я хотела спросить...

На самом деле мне было интересно узнать про женщину, но, понятное дело, спросить я об этом я не могла. Но уже ляпнула... Пришлось выкручиваться.

— Спроси, — с улыбкой ответил доринг.

— Ну, вы же маг. Ведь достаточно одного заклинания — и все вокруг чисто.

— Бытовая магия не для целителей, — ответил Данте, усаживаясь за столик. — Мы немного отличаемся от других магов. Если тратить силы на всякую ерунду, потом не сможешь никого вылечить. Могу только в крайнем случае для самозащиты приложить... Пациенты, знаешь, всякие бывают. А обращаться за такими пустяками к другим магам — как-то не принято.

— Но артефактами вы ведь пользуетесь?

— Без этого никак, — признался Данте. — Магические светильники и нагревательные камни — незаменимые вещи просто.

Я отложила тряпку и села за стол напротив доринга. Мне очень сильно хотелось на него смотреть и слушать тоже.

— А как это — колдовать? — спросила я. — Магия... она какая?

— Теплая, — ответил мужчина с улыбкой. — И кожу будто иголочками колет. А потом... впрочем, неважно.

Данте нахмурился и опустил глаза, а я поняла, что перешла всякие границы. Сижу, беседы с хозяином веду задушевные. Он ведь меня работать позвал.

— Извините, светлейший, — сказала я, возвращаясь к полкам.

Поставила энциклопедию на место, едва сдержав грустный вздох. Данте медленно приблизился и дотронулся до моей руки.

— Думаю, на сегодня достаточно, — произнес он. — Пора готовить обед.

Я обернулась и взглянула на него. Надо сказать, что я имела опыт общения с мужчинами. В приюте есть рабочие, и я, бывало, ловила на себе заинтересованные взгляды. Обычно меня это раздражало. А Эбби регулярно таскала меня на танцы, хотя я не очень-то

люблю подобные мероприятия. Веселая и общительная подруга всегда привлекала внимание, а потому и меня часто приглашали танцевать. Некоторые мужчины мне нравились, но дальше пары встреч не заходило. Не лежала душа ни к кому... А у некоторых и вовсе были вполне определенные намерения. С такими, конечно, мы тут же прекращали общение, но Эбби не теряла надежду встретить настоящую любовь. А я... просто плыла по течению, не ожидая ничего хорошего. Мойра ведь сказала, что моя судьба несчастливая.

Рядом с дорингом неловкости я не чувствовала. Да, красивый, ну и что. Он такой взрослый, шикарный, так зачем ему маленькая бедная сиротка? Таких мужчин я воспринимала примерно как экспонаты в картинной галерее — что-то очень привлекательное, но недоступное. К тому же, я не чувствовала от доринга никаких неприличных поползновений. Мне казалось, что его просто забавляла девчонка, смотрящая вокруг восхищенными глазами и задающая кучу вопросов, иногда даже глупых. А еще у меня сложилось впечатление, что Данте очень добрый...

— Опять в облаках летаешь, — раздался насмешливый голос.

Я вскинула голову и встретила голубыми глазами. Кажется, снова что-то прослушала...

— Идем, любопытное создание. К сожалению, кулинария не входит в число моих талантов, а обеды в тавернах ужасно надоели.

Кухня оказалась светлой и просторной, а главное, чистой. Гор немытой посуды я не увидела. Возможно, все-таки женщина... Хотя, Данте ведь сказал, что ест в тавернах...

— А на сколько человек готовить? — спросила я.

По-моему, вполне безобидный и очень уместный вопрос.

— На двоих, — ответил доринг. — Ты ведь составишь мне компанию?

— А разве с вами больше никто...

— Я живу один, — ответил Данте, даже не дослушав. — Была у меня экономка да к детям жить уехала, а новую искать все некогда было. Вот и обратился в приют.

Продуктов оказалось достаточно, и я приготовила для доринга несколько блюд, с которыми управлялась лучше всего. А вот оставаться на обед было все же как-то неловко.

— Пахнет очень аппетитно, — заметил Данте, появившись на кухне. — Мне уже не терпится все попробовать. Давай быстрее обедать!

— Светлейший, мне... как-то неудобно, — проговорила я, рассматривая узоры на тарелках.

— Глупости, — заявил доринг. — Отказа не приму, Амари. Если хочешь, я тебе еще расскажу что-нибудь...

Поговорить с ним хотелось очень. Я быстренько накрыла на двоих и села за стол напротив мага. Все так странно... Даже не верится, что такое со мной происходит. Данте, как и обещал, все попробовал и похвалил меня, отчего я смутилась. Получилось, правда, вкусно, тем более, что я очень проголодалась, поэтому тоже принялась за еду. В конце концов, я ведь хорошо поработала, а, значит, обед заслужила. Потом Данте сам заварил ароматный цветочный чай и поставил передо мной красивую фарфоровую кружку.

— Спасибо за чудесный обед, Амари. Знаешь, я очень рад, что ко мне пришла именно ты.

— Я рада, что вам понравилось, светлейший, — сказала, помешивая чай.

— Ты где-нибудь учишься?

— Я жду императорской стипендии, чтобы пойти в университет. А вы, светлейший, где

учились?

— Меня принял ковен дорингов, когда способности проявились. Наставника нашли на Бирюзовом острове, и я жил там несколько лет и учился. А после все же вернулся в Дианит. Люблю, знаешь ли, этот город...

— А почему так далеко учились? — спросила я.

— Мне уже было семнадцать лет, — ответил Данте, вызвав у меня удивленный вздох. — В столице подходящего наставника не нашлось, поэтому пришлось плыть в такую даль.

— А разве способности не в раннем детстве проявляются?

— В моей семье не было магов, Амари. Я единственный... Просто сила проснулась поздно.

— А как вы это почувствовали? — спросила я, наклонившись вперед, чтобы не пропустить ни слова.

— Вылечил брата, — ответил доринг и почему-то помрачнел.

Странно, мне кажется, это должно быть хорошим воспоминанием.

— Значит, путешествовали, — сказала я, чтобы сменить тему, которая почему-то расстраивала мужчину. — Я бы тоже очень хотела побывать на других островах.

— Обязательно побываешь, у тебя вся жизнь впереди, — ответил Данте, улыбнувшись. — Знаешь, почему Бирюзовый остров так называли? Там повсюду растут такие мелкие цветочки с шестью лепестками, бирюзовые... А наш остров самый теплый, и лето самое долгое, потому и Солнечный... Расскажи теперь ты, Амари.

Я так увлеклась его рассказом, что вопрос застал меня врасплох.

— Нечего рассказывать, — ответила тихо. — Всю жизнь в приюте жила... Ничего интересного нет.

— А как так вышло? — тихо спросил Данте, тоже наклоняясь вперед.

— Я... не помню, — озвучила официальную версию. — Ничего не помню о прошлом... Совсем... Вроде, в лесу меня нашли. Зачарованном...

— И так ничего и не вспомнила? — удивленно спросил доринг. — А целители как же...

— Ничего не помогло, — быстро сказала я, вскочив. — Простите, светлейший, но мне пора уже.

Данте тоже встал и приблизился ко мне.

— Амари, извини, не стоило мне расспрашивать...

Я улыбнулась и быстро пошла в библиотеку собирать инвентарь. Данте попросил подождать, сбегал куда-то, а потом вернулся, собрал все мое имущество и отнес в экипаж, который остановил на улице. Доринг дал кучеру несколько монет, а потом открыл для меня дверцу. Я поблагодарила его за все и уже ступила на первую ступеньку, а он взял меня за руку и развернул к себе.

— Ты ведь приедешь завтра? — спросил он с какой-то затаенной надеждой, словно боялся отрицательного ответа.

— Конечно... — немного растерянно ответила я. — У нас ведь договоренность.

— Тогда до завтра, — ответил мужчина, и я заметила, что к нему вернулась обычная веселость.

На следующий день утром я вновь прибыла в дом нового знакомого. Честно сказать, едва дождалась утра — так хотелось вновь увидеть Данте. Вновь прибиралась в библиотеке, хотя... Честно признаться, большую часть времени разговаривала с дорингом обо все на свете. Ну, я, конечно, по большей части вопросы задавала. Мне-то рассказать было нечего.

Не посвящать же его в самом деле в безумную историю с мойрой, а больше ничего примечательного со мной и не случилось. Чего не скажешь о Данте... За время службы в ковене дорингов он объездил весь наш остров вдоль и поперек, и мог, конечно, поведать много увлекательного. Мне лишь оставалось слушать мужчину с открытым ртом и представлять все эти захватывающие путешествия.

Вечером Эбби убежала на очередное свидание, а я решилась сделать кое-что... Время от времени я позволяла себе ходить к дому своей семьи и подолгу наблюдать за ним. Еще я, бывало, приходила в семейные лавки, будто поинтересоваться товаром, а на самом деле в тайне надеялась увидеть родителей. Стражи появлялись, если я делала этом слишком часто как напоминание о том, что с судьбой нужно смириться. Только я их больше не боялась и даже не кричала, видя безликие фигуры в комнате посреди ночи. По сравнению с тем, что я потеряла, это казалось мне лишь неприятным происшествием.

Моррис стал уже совсем взрослым, а старшая сестра Таяна давно вышла замуж и теперь жила далеко отсюда. Я часто видела, как мама поливает цветы в саду или собирает фрукты. Она обычно улыбалась каким-то своим мыслям, а, бывало, вдруг хмурилась, будто вспоминая что-то грустное. В такие моменты я представляла, что мама вспоминает обо мне... Нет, не явно конечно, просто чувствует, что кого-то потеряла. Неосознанно, смутно... Признаться, меня немного успокаивали такие мысли.

На улице уже стемнело, и в окнах моего бывшего родного дома зажглись магические светильники. Я сидела на скамейке через улицу, которая уже давно стала моим наблюдательным пунктом. Сидела и представляла, как мои родные сейчас ужинают и обсуждают прошедший день. А мне оставалось лишь только вернуться в пустую приютскую комнатку... Давно не плакала, а вот теперь не сдержалась. Наверное, еще повлияли рассказы доринга об интересной и насыщенной жизни... У меня вот ничего нет...

Утирая слезы. Быстрым шагом пошла обратно в приют. По пути столкнулась с кем-то, извинилась, даже не подняв глаз, и услышала знакомый голос:

— Амари?

Обернувшись, увидела Данте. Хотя, не сразу узнала его из-за темно-синего плаща и широкополой шляпы, которые недавно вошли в моду среди мужчин столицы. Доринг был не один. Рядом с ним я увидела мужчину старше его по возрасту, хотя, возможно, так казалось из-за бороды.

— Здравствуйте, светлейший, — тихо сказала я, старательно пряча заплаканные глаза.

— Что ты тут делаешь так поздно?

— У меня... были дела...

Данте вдруг обхватил пальцами мой подбородок и заставил смотреть ему в глаза.

— Ты что, плакала? Кто тебя обидел?

— Ерунда, все нормально, — ответила я, делая шаг назад.

Данте взглянул на своего спутника и сказал:

— Познакомься, это мой друг, Шерман, а это Амари, она...

Доринг запнулся, видимо, подбирая слова, но я ответила за него:

— Временная домработница.

Зачем скрывать правду? Я ведь никто ему на самом деле, даже не друг...

— Очень приятно, — произнес Шерман, даже не пытаясь скрыть удивление, и коротко кивнул мне.

Данте подошел ближе и спросил тихо:

— Точно все хорошо?

— Да... Извините, светлейший, мне пора.

— Мы проводим тебя...

— Не нужно... Я завтра приду, как обычно!

Развернувшись и почти бегом помчалась в приют. И почему судьба постоянно сводит меня с этим дорингом?

Тайна старого дома

Судьба... Нечто предопределенное. Линия жизни, выбранная за нас высшими силами, по которой мы вынуждены идти. Кто-то доволен судьбой, а кто-то просит беспрестанно иной участи. Я ничего не просила... Я была счастливым двенадцатилетним ребенком и радовалась каждому дню. У меня были любящие родители, которые души во мне не чаяли, сестра и брат. Семья... Я воспринимала все, как должное, и не понимала до конца, насколько важно человеку иметь близких. Я была счастлива и не задумывалась о таких вещах.

Прошло много лет, но я все равно вспоминаю тот день. Прокручиваю в голове все до мельчайших подробностей и нахожу кучу способов избежать беды. Только уже поздно... Ничего не вернуть, и на судьбу роптать бесполезно. Моя счастливая жизнь разрушилась в момент. Я потеряла все и потеряла саму себя.

Мой родной город Дианит — столица Империи семи островов. Солнечный остров, на котором и находится столица, без сомнения, самый красивый и теплый уголок страны. Почти круглый год солнечное лето, а повсюду зелень, цветы, фрукты. Все утопает в благоухании и ярких цветах. Такой и моя жизнь виделась — яркой и насыщенной.

Во время каникул для детворы в шумном городе было немного развлечений. То ли дело за городом — в Зачарованном лесу. Родители, узнав, где их дети проводят время, тут же строго-настрого запретили такие забавы. Но нас, детей, запреты не останавливали, а, наоборот, раззадоривали. В лесу жили феи и не очень любили, когда люди вторгались в их владения. Могли человека заморочить, зачаровать, а то и вовсе оставить у себя прислугой. Впрочем, к детям относились хорошо, не обижали. Мы пользовались этим и с удовольствием гуляли в лесу временами, скрываясь от зоркого взгляда родных, отыскивая все новые и новые удивительные вещи. Феи часто показывались, летали вокруг, смеялись. Бывало, бабочками оборачивались, а бывало, и в истинном облике представляли. Красивые очень, в платьях блестящих.

В тот день собрались обычной компанией ранним утром, когда родители были заняты обычными взрослыми делами. В лес не удавалось выбраться уже пару недель, и вот выдалась замечательная возможность. Крис и Бойл — два брата-погодки, оба рыжие с веснушками. Ванесса — лучшая подружка, миловидная девочка с торчащими косичками. Еще я повсюду таскала за собой девятилетнего брата Морриса. Друзья приняли его в компанию, несмотря на то, что он был младше на три года. Брат исправно участвовал во всех наших авантюрах и добросовестно хранил секреты от мамы. Наша старшая сестра в то время училась в другом городе и дома бывала редко.

— Смотрите, что у меня есть! — объявила Ванесса и продемонстрировала длинный вышитый платок. — Можно поиграть в жмурки с феями.

— Мы ненадолго сегодня, — сообщил Моррис гордо. — У папы день рождения, праздновать будем.

— Ух ты, здорово! — воскликнул Бойл. — А что подарите?

Мы с Моррисом переглянулись. Что могли подарить дети? Разве что неумелые рисунки. Это у взрослых есть деньги на подарки.

— Найти бы в лесу что-нибудь интересненькое, — мечтательно сказал Моррис. — Папа уж очень любит всякие магические штуки.

Отец был хозяином нескольких лавок с магическими артефактами, да и сам коллекционировал редкие вещицы. Целая комната была заставлена разными диковинками, с которыми нам строго-настрого запрещалось играть. Мне так захотелось порадовать папу, сделать ему самый настоящий подарок, удивить его.

— Может, у фей попросить что-нибудь? — восторженно сказала я. — Наверняка у них полно интересных штучек.

— Не очень-то феи любят с добром своим расставаться, — деловито сообщил Крис. — Давайте лучше в заброшенный дом сходим, который за оврагом. Там точно отыщем чего-нибудь.

Услышав это, разом остановились и переглянулись растерянно. Да, запреты взрослых нарушались, но так далеко в лес никто не заходил. Смотрели лишь издали на этот дом, хотя скорее его можно было назвать полуразвалившейся избушкой. А среди детворы ходили слухи, что в том овраге живет самый настоящий монстр, который только и ждет, чтобы слопать зазевавшегося ребенка. Мы с друзьями считали себя уже взрослыми и в подобные рассказы, конечно, не верили, но к домику не ходили. Феи сами предостерегали от этого. Да и ясно было, что в Зачарованном лесу человеческого жилья быть не может...

— Я у бабушки спросил про этот дом, — продолжил Крис.

Бойл удивленно воззрился на брата.

— А тебе не рассказывал, потому что ты боишься всего на свете, — сказал ему Крис. — Так вот, бабушка рассказывала, что в том доме раньше жила самая настоящая мойра.

— Ерунда, — перебила Ванесса. — Мойры не живут среди людей.

— А эта жила, — упрямо продолжил Крис. — Ее боги наказали за что-то. Много зла сделала при жизни, вот и обрекли ее нити судьбы прясть. А как долг отработала, смогла за грань уйти и обрести покой. А дом ее остался.

Про мойр я много слышала. Считались они слугами богов и вершителями судеб. Говорят, есть у них волшебные прялки, на которых и сплетают они нити судьбы для каждого человека, переплетают с другими нитями, а выходят узоры, весь мир опоясывающие. Хочешь изменений в жизни — проси мойр, а не богов. Впрочем, говорят, бесполезно просить у них что-то для себя. Мойры обижаются, когда кто-то недоволен их узорами. Что взять с высших существ?

— Что-то не верится мне в такое, — заключила Ванесса.

Мне тоже рассказ Криса показался обычной легендой, которых полно в любом городе. Друг от такого недоверия тут же надулся. Крис вообще очень ревностно относился к собственной репутации самого разумного и взрослого члена нашей маленькой команды.

— А, думаешь, почему феи туда ходить запрещают? — с вызовом спросил он. — Ясно, что из-за мойр.

— Да что вы спорите? — вклинился Бойл. — Пойдемте и проверим. Может, правда, какой подарок найдем.

— Амари, ты как думаешь? — спросил меня брат.

Моррис явно загорелся идеей такого интересного путешествия, но ему всегда нужно было мое одобрение по каждому вопросу. С одной стороны, я знала, что это все сильно смахивает на авантюру, но мне очень не хотелось прослыть трусихой. Да и было ужасно любопытно, что же там, в той избушке. А рассказы про мойр меня всегда завораживали. Так странно было осознавать, что кто-то уже расписал всю мою жизнь еще до того, как я сама стала отвечать за свои поступки.

— Можно сходить, посмотреть, — предложила я. — В крайнем случае, можем убежать.

Ну что страшного может произойти? Подумаешь, заброшенный дом. Тем более каникулы неуклонно близятся к концу, а потому надо успеть набрать побольше впечатлений. Итак, было решено обследовать загадочный объект, который никак не мог больше оставаться без внимания нашей смелой детской команды.

Мы остановились в нескольких метрах от оврага, за которым и возвышалась покатая крыша домика, покрытая разбитой черепицей. На улице было солнечно, но в то место, казалось, солнечные лучики боялись заглядывать. Деревья словно нарочно скрывали избушку в тени густой листвы. Летающие крошечные феи глядели на нас с любопытством и время от времени предостерегающе махали руками, однако остановить нас не пытались. Волшебным созданиям, по большей части, нет дела до людей. Они могут подсказывать и давать советы, если захочется, а вот вмешиваться — это большая редкость.

— Ну что, идем? — в нетерпении спросил Крис.

Ему, конечно же, хотелось как можно скорее доказать собственную правоту. Глянув еще раз на фей, мы неспеша двинулись к оврагу. Мне вдруг стало тревожно, и я бы, наверное, даже не удивилась, если бы оттуда вылезло то самое воображаемое чудовище. Моррис тоже переживал, потому, что есть силы, вцепился в мою ладонь, однако упрямо шагал вперед, потому что ему тоже было очень любопытно.

Еще раз напомнили себе, что мы уже взрослые, все-таки, целых двенадцать лет, а потом решительно заглянули в недра оврага. Естественно, никакого монстра внизу не наблюдалось, чего и следовало ожидать. Но все же по маленькому отважному отряду пронеслись едва слышные вздохи облегчения.

Без происшествий обогнув овраг, оказались у вожденной избушки, которая вблизи казалась совершенно обычной и не скрывающей никаких волшебных тайн. Но тревога не проходила. Оказавшись в тени деревьев, все почувствовали себя неуютно. Здесь, казалось, царила своя особенная атмосфера. Даже обычные звуки леса слышались приглушенно, а ветер не трепал листву. Мы в растерянности остановились недалеко от крыльца, не решаясь идти дальше.

— Ребята, что-то мне не нравится тут, — нарушила тишину Ванесса. — Может, пойдем назад? Посмотрели, и хватит...

Бойл энергично закивал, с надеждой посмотрев на брата.

— Ерунда, — раздраженно сказал Крис и обернулся ко мне. — А ты, Амари, тоже трусишь?

Я смотрела на дверь, которая почему-то была приоткрыта, и чувствовала, что меня манит туда нечто необъяснимое. Одновременно пугает и манит.

— Я все равно посмотрю, что там внутри, — твердо сказал Крис. — Амари, ты со мной?

Он пошел к крыльцу, а я последовала за ним, неожиданно для себя самой. Меня тянуло туда. Тайна, скрытая внутри, завораживала, манила, и сопротивляться было почти

невозможно. Мы ведь только посмотрим, только посмотрим...

Крис взялся за ручку двери. Она заржавела и пачкалась, но мальчика это не останавливало. Я стояла за его спиной и смотрела в щелку, силясь рассмотреть хоть что-то, но видела лишь темноту. Рука Криса дрожала.

— Идем же, — шепнула я, словно опасаясь, что нас могут услышать обитатели дома. Но ведь дом пуст!

Крис обернулся, и я увидела на его лице страх и нерешительность. Сейчас, оказавшись с неизвестностью лицом к лицу, вся его уверенность разом испарилась. Передо мной стоял испуганный ребенок, который больше не хотел строить из себя смелого командира. Крис отпустил ручку, и тут дверь распахнулась, словно от сильного порыва ветра. Мы едва успели отскочить, едва не свалившись с крыльца. Позади раздалась возгласы друзей. А внутри я увидела снова лишь темноту.

— Идем, — снова шепнула, потянув Криса за рукав.

Он шагнул за мной. Я чувствовала затылком его дыхание и слышала, как бешено колотится его сердце. А потом почувствовала толчок в спину и полетела прямо в темный проем, погружаясь в темноту, падая на дощатый пыльный пол. Дверь с треском захлопнулась, и я несколько секунд словно потеряла зрение.

А потом появился свет. Я встала, огляделась и поняла, что нахожусь в большой комнате с высоченным потолком, которая вроде бы никак не могла поместиться в таком домике. На полках стояли подсвечники с горящими свечами. Окон не было, да и двери, через которую попала сюда, я не нашла, к своему ужасу. Убранство комнаты оказалось довольно скромным. Стол, заваленный книгами с пожелтевшими страницами, ветхий комод да кровать с дырявой грязной периной. Приглядевшись, обнаружила дверь в противоположной стене. Она почти сливалась по цвету со стеной, но вот ручка на ней была очень красивая, блестящая, словно из настоящего золота. Я нерешительно потянула за нее, и дверь легко открылась.

Я ничего не смогла разглядеть из-за темноты и уже хотела захлопнуть дверь, как вдруг раздался странный звук. Какое-то жужжание, мерное и низкое. Его темп все нарастал и нарастал, а я стояла, как вкопанная, словно замороженная этим звуком. А передо мной прямо в воздухе вдруг стали возникать светящиеся серебряные нити. Они переплетались друг с другом, словно кто-то невидимый пытался создать узор. Я смотрела и не могла отвести взгляд от такого волшебства. Нити причудливо изгибались, связывались в узелки, изображая то цветы на летней поляне, то птиц в ветвях деревьев, то облака в небе. Красота неопишуемая... Мне нестерпимо захотелось прикоснуться к волшебным нитям. А вдруг я сама смогу создать такой же красивый узор?

Я сделала шаг в комнату и протянула руку к ближайшей серебряной ниточке. На ощупь она оказалась теплой и будто шелковой. Я потянула осторожно, а ниточка вдруг лопнула. Кусочек, оставшийся в моей руке, растворился без следа. Все узоры вдруг стали разрушаться, опадать. Узелки развязывались, а ниточки превращались в огромный клубок. Я бросилась к нему, надеясь как-то исправить собственную оплошность, да и запуталась в нитях, которые оплели меня, словно паутина беспомощную мошку. Кое-как выбравшись из клубка, вернулась в комнату со свечами и с облегчением увидела входную дверь. Хватит с меня приключений! Хотелось немедленно вернуться домой, в обычный понятный мир.

Выбравшись на улицу, друзей не обнаружила, отчего расстроилась еще больше. Как они могли бросить меня здесь одну? Особенно Крис, по вине которого я и оказалась в том странном доме. Еще друг называется! Никогда бы не подумала, что от него можно ожидать

такой подлости!

А вдруг ребята побежали за подмогой? Испугались, что не могут меня вытащить, и пошли за взрослыми... Я побежала знакомой дорогой, чтобы поскорее всех успокоить. Теперь нам точно попадет от родителей по первое число!

Каково же было мое удивление, когда я обнаружила друзей в нашем обычном месте для игр. Они сидели кружком, переговаривались и смеялись время от времени. Похоже, их вовсе не волновало, что подруга осталась в непонятном заброшенном доме. Да и за подмогой они явно и не думали бежать. Феечки порхали над ребятами, щебеча на своем непонятном языке. Я так и застыла от негодования, а потом решительно направилась к друзьям требовать объяснений.

— И чего это вы тут расселись? — воскликнула я. — Значит, бросили меня, да?

Ребята разом на меня уставились. На их лицах отражалось удивление и непонимание.

— Ты откуда здесь взялась? — спросила Ванесса, высматривая окрестности за моей спиной.

— Ты шутишь? — возмутила я.

— Ребята, кто это? — спросил Крис, обращаясь к друзьям.

— Понятия не имею, — ответил Бойл, пожав плечами. — Ты кто такая, вообще?

Я не понимала, к чему друзья затеяли такой странный розыгрыш, но смешно мне не было нисколько.

— Вы что? Это же я, Амари, — растерянно пробормотала, чувствуя, как подступают слезы. — Моррис, братик...

— Эй, ребята, кажется, она ненормальная, — сказал брат, прячась за спину Криса. — Не пускайте ее ко мне!

— Перестаньте! — воскликнула Ванесса, поселив в моей душе смутную надежду. — Никогда не видела ее в округе. Давайте позовем взрослых, может, ей помощь нужна. Девочка, ты где живешь?

Бред... Страшный сон... Просто сон! Я сейчас проснусь, и все будет по-прежнему... Только бы проснуться...

Дары мойры

А сон все продолжался... Ребята, похоже, решили вдоволь поиздеваться надо мной. Ладно, Крис... После его подлой выходки на крыльце старого дома я бы уже ничему не удивилась. Но Моррис! Как мой любимый младший брат согласился подыгрывать этим предателям? Он ведь громче всех кричал, что видит меня впервые, и никакая я ему не сестра. Безумие, настоящий хаос! Меня не покидало ощущение, что я неведомым образом перенеслась в другой мир, где люди меня не знают.

Только Ванесса, казалось, испытывала ко мне жалость. Я все ждала, что она разом прекратит дурацкий розыгрыш, и все станет по-прежнему. Однако из роли подружка выходить не желала. Впрочем, я уже твердо решила, что они все мне больше никакие не друзья!

Ванесса вела меня под руку, даже платочек дала, чтоб слезы утереть. А я все рыдала и рыдала беспрестанно и просила их перестать надо мной издеваться!

— Как ты попала в лес? — спрашивала Ванесса, изображая искреннее удивление. — Пришла, будто из глубины... Что ты там делала?

Я раз за разом пересказывала историю про заброшенный дом, но дети лишь отмахивались от меня.

— Где ты живешь? — снова и снова спрашивала Ванесса. — Мы отведем тебя домой, к маме...

А я повторяла, что живу в Виноградном переулке вместе с Моррисом, ведь он мой младший брат. На что мальчик кричал, что понятия не имеет, кто я такая. Вот так, с криками и слезами дошли до моего дома. Мама обычно помогала отцу, проверяла торговцев в лавках артефактов, но сегодня она осталась дома, чтобы готовить праздничный обед в честь дня рождения. Вот сейчас, думала я, и закончится этот жестокий розыгрыш моих так называемых друзей. Уж мамочка-то точно меня узнает. И вот тогда я выскажу все этим предателям и непременно расскажу о том, что сделал Крис, пусть даже потом попадет за прогулки в лесу. А с Моррисом не буду целый месяц разговаривать! А, может, и целый год!

Мы перепирались, стоя около кованого забора нашего уютного небольшого домика, утопающего в зелени. Моррис заревел в голос, когда я твердо вознамерилась войти внутрь. Видимо, услышав шум за окном, из дома вышла мама — госпожа Анхелика. Я всегда восхищалась ей и считала самой красивой и самой доброй на свете, настоящей волшебницей, которая всегда приходила на помощь и могла справиться с любой детской бедой. Высокая и стройная, с толстой косой, в красивом синем кружевном платье. Она шла к нам, вытирая на ходу руки о передник. Я распахнула калитку и бросилась к ней со слезами.

— Мама, мамочка! — закричала я, кинулась ей на шею и обняла крепко-крепко. — Мамочка, милая, скажи им... Пусть перестанут...

Объятия родного человека принесли облегчение и успокоение, но лишь на несколько мгновений... Ведь мама вдруг поставила меня на землю, взглянула совершенно непонимающим взглядом и спросила:

— Деточка, ты откуда? Заблудилась, наверное... Как тебя зовут, милая?

Мама нагнулась и ласково улыбнулась мне, как улыбалась любому из моих друзей. Как улыбалась любому ребенку в округе...

— Мамочка... — прошептала я, чувствуя, что мир просто рушится вокруг меня.

Тем временем нас окружили остальные дети, которые принялись наперебой рассказывать маме, что нашли меня в лесу и не знают, что со мной делать.

— Тетя Анхелика, она говорит, что вы ее мама, — сообщила Ванесса. — Сказала, что ее Амари зовут.

— Ничего не понимаю, — растерянно произнесла мама, разглядывая меня. — Мою дочку зовут Таная, и она сейчас далеко на учебе. Детка, скажи, где твои родные?

Это был конец... Я, конечно, могла тешить себя мыслью, что сегодня все вокруг сговорились меня разыграть. Но все же отлично понимала, что случилось нечто ужасное. Нечто катастрофическое, откуда нет выхода. Я словно исчезла из этого мира на какое-то время, была стерта из истории, а потом появилась вновь, но для всех людей перестала существовать.

— Нужно позвать констеблей. Похоже, она не в себе...

Я с трудом понимала, о чем говорит мама. Пребывала в таком шоке, что в пору было

валиться без чувств. Но сознание упорно отказывалось меня покидать.

— Детка, зайди в дом, я тебе помогу найти родных, обещаю...

Родных? Похоже, у меня больше никого нет. Я сделала что-то страшное в том заброшенном доме. Порвала серебряную ниточку... Все запуталось, испортилось... Дом мойры, в котором все еще почему-то жива магия. Может, я смогу все исправить? Я должна попытаться...

Мама взяла меня за руку и потянула к дому, но я вырвалась и побежала прочь, не обращая внимания на возгласы друзей. Я мчалась в Зачарованный лес, обещая самой себе, что больше ни за что не пойду туда и брата не пушу, вот только исправлю все, что испортила! Со мной ведь не могло случиться ничего непоправимого! Это просто недоразумение, просто очередное приключение, которое немного вышло из-под контроля. Я вернусь домой, обниму родителей, поздравлю папу с днем рождения и подарю свой замечательный рисунок!

Феи почему-то не летели мне на встречу, как бывало обычно. Они лишь выглядывали из-за деревьев с любопытством, будто тоже впервые меня видели. Ничего, я сейчас все исправлю! Я так убедила себя в этом, что почти поверила в собственные силы... Ступив на крыльцо избушки, замерла, пытаюсь унять бешено стучащее сердце. Зачем, ну зачем я полезла туда? Считала себя взрослой, а на деле оказалась обычным любопытным ребенком, который не может трезво оценить ситуацию и возможную опасность!

Я потянула за ручку, и дверь распахнулась с громким скрипом. Я оказалась снова в комнате с горящими свечами и ветхой обстановкой. Однако никакой двери, ведущей в комнату с нитями, не было и в помине. В панике всю стену обшарила несколько раз, но волшебная дверь так и не появилась. Я не могла поверить в собственное поражение! Принялась обшаривать единственную комнату, в надежде найти хоть что-то полезное, хоть какую-то подсказку, но ничего не было. Совсем выбившись из сил, упала на скрипучую кровать и горько расплакалась. Что мне теперь делать? Куда идти, если никто меня не знает? Остаться в этом жутком доме? В тот момент я поняла, что самое страшное чувство, которое может испытывать человек, это одиночество. Это чувство сдавливало сердце ледяными тисками, не давая дышать полной грудью.

Не знаю, сколько я так проплакала. Кажется, я задремала ненадолго, а когда открыла глаза, обнаружила, что обстановка вокруг изменилась. Комната будто приобрела первоначальный вид. Стало светло, хотя свечи не горели, а источника света я так и не смогла найти. Вокруг был порядок и ухоженность. Слой пыли и грязи исчез, а подо мной оказалось чистое свежее постельное белье.

А напротив за маленьким столиком сидела женщина, уронив голову на сложенные руки. На ней было длинное черное платье, а лицо скрывали густые седые пряди. Будто почувствовав мой взгляд, незнакомка подняла голову, и я невольно вздрогнула. У женщины были неестественно большие глаза ярко-изумрудного цвета с узкими зрачками, как у кошки. Она встала и провела ладонями по волосам, расчесывая их длинными загнутыми когтями. Потом улыбнулась мне, обнажив острые клыки, отчего у меня мурашки побежали по коже. Мне одновременно хотелось спрятаться от нее подальше, но в то же время, хотелось смотреть и смотреть.

— Здравствуй, Амари, — произнесла незнакомка высоким ласковым голосом, который совершенно не подходил к ее жутковатой внешности.

— Здравствуйте... Вы та самая мойра? — спросила, разглядывая женщину во все глаза.

— Та самая, — ответила она, улыбнувшись еще шире. — Мне запрещено теперь появляться в вашем мире, но несколько минут я смогла выпросить. Амари, девочка, не нужно было вам приходить в мой дом. Сама не знаю, почему, но древняя магия судьбы проснулась, как только ты оказалась здесь.

— Госпожа мойра, простите меня, прошу! — взмолилась я. — Случилось что-то страшное! Меня никто не узнает... Помогите, госпожа мойра, помогите мне!

— Тише, детка, не плачь, — ласково ответила она, обняла меня и погладила по голове. — Уже ничего не изменить. Нити судьбы переплелись, и уже ничего не вернуть. Твоя прежняя судьба исчезла, и появилась новая линия жизни. Выбор сделан и одобрен богами.

— Но я ничего не выбирала! Это вышло случайно, я не хотела!

— Это очень древняя магия, Амари, и ее нельзя рассеять. Прости, детка, но тебе придется учиться жить заново. Мне бы хотелось сказать, что твоя новая судьба счастливая, но это не так. Не стану обманывать, ты так запутала нити, что ничего хорошего тебя не ждет. Я не могу обещать тебе счастья...

— Госпожа мойра, прошу вас...

— Не плачь, не надо. Послушай меня внимательно: не нужно роптать на судьбу и просить иной участи, иначе прогневишь богов, и они напустят на тебя Стражей судьбы. И запомни — можно найти радость и покой даже там, где, казалось бы, все безнадежно. И еще... Раз магия проснулась, значит, так должно было случиться. Возможно, именно эта неприятность и принесет тебе настоящее счастье.

Я почти не слушала мойру и уже с трудом понимала, что она говорит. В голове билась лишь одна мысль, что уже ничего не изменить и не вернуть прежнюю жизнь.

— Амари, я не смогу вернуть тебе прежнюю судьбу, но каждая мойра может одарить человека. Ты заслуживаешь моих даров, ведь и моя вина есть в том, что случилось.

В руках у мойры появилась небольшая шкатулка из зеленого камня. Она открыла крышку, и я увидела круглую полупрозрачную пластинку, переливающуюся всеми цветами радуги, золотой гребень и маленькую темно-красную веточку с несколькими лиловыми листочками.

— Что это такое? — спросила, разглядывая странные дары.

— Это все поможет тебе сделать новую жизнь радостнее, — загадочно ответила мойра. — О назначении даров ты догадаешься сама, когда придет время. И еще одно... Лично от меня.

Мойра взмахнула рукой, и у меня на шее появился серебряный кулон в виде паучка на тоненькой цепочке.

— Запомни, Амари, у высших сил бесполезно что-то просить для себя самого. Но этот амулет ты можешь подарить дорогому тебе человеку, и он исполнит одно его самое заветное желание. Амулет ты можешь отдать только добровольно. Отнять или украсть его нельзя.

— У меня нет больше дорогих людей, — прошептала я, бездумно глядя на серебряного паучка.

Глаза застилала слезы, а в голове был туман, не дававший думать и чувствовать. Очнулась я, лажа в траве возле злосчастной избушки. Мойра исчезла, и теперь все произошедшее казалось мне лишь видением. Однако в руках я держала тут самую шкатулку с непонятными дарами, а на шее висела серебряная цепочка. Уже совсем стемнело, и я побрела прочь из леса, с трудом разбирая дороги. Ночной лес совсем не пугал. Феечки

сидели на ветвях деревьев и разбрасывали в воздухе светлячков, освещая мне путь.

С чувством безысходности побрела в родительский дом, так как не представляла, что мне теперь делать. А дальше все было, как в тумане. Кажется, я прервала праздничный семейный ужин, на котором мне больше не было места. Помню, сидела в гостиной на диване и рыдала, прижимая к себе зеленую шкатулку. Говорила про дом в лесу, про мойру, но взрослые не обращали внимания на детские рассказы. Вскоре в дом пришли городские констебли, и остаток ночи я провела в участке. Я без конца повторяла, что меня зовут Амари Брайт, что я живу в Виноградном переулки с родителями, сестрой и братом... Констебли опросили всех в округе, но никто меня не узнал, естественно. И родители тоже...

На следующий день меня отправили в Дом скорби, посчитав сумасшедшей. Я даже обрадовалась сначала, ведь целители, обладающие магией, вполне смогли бы серьезно отнестись к моей истории. И тогда я впервые увидела Стражей судьбы... Их было трое... Высоченные и худые, словно жерди, закутанные в белые одежды. У них не было лиц — просто гладкая кожа. У них были длинные скрюченные пальцы, которые тянулись ко мне. Я лежала на узкой неудобной кровати в палате вместе с другими детьми, смотрела на ночных гостей, и мне хотелось закричать от ужаса. Но вместо крика из горла вырвались лишь хрипы. Один из стражей поднес палец к тому месту, где у человека находится рот, будто прося меня молчать.

И я молчала... Побыв пару дней среди очень странных детей, я поняла, что еще немного — и я в самом деле сойду с ума. Целителям я не стала рассказывать о мойре, да и о родителях говорить перестала. Сказала, что ничего не помню из прошлого, вот и все. Меня лечили травами и заклинаниями, но от них лишь болела голова и накатывала слабость. Да и не от чего было меня лечить-то... Я перестала плакать и говорить вещи, которые не нравились взрослым. Наконец, целители Дома скорби решили, что меня вполне можно выпускать к здоровым детям.

Так я оказалась в Императорском сиротском приюте, находившемся здесь же, в Дианите, что меня очень радовало. Мысль о том, что семья рядом, согревала и немного скрашивала унылые дни. Я не могла больше носить фамилию Брайт, а потому мне сделали новые документы, в которых родители мои числились неизвестными. Мне дали новую фамилию Тай-Лин в честь древнего названия летнего месяца, когда я поступила в приют. Хорошо хоть имя оставили прежнее...

В приют свозили детей, оставшихся без родителей, со всех семи островов. А содержался он лично Его Величеством. Надо сказать, что жилось мне там весьма неплохо. Нянечки очень хорошо относились к детям, не обижали, да и обделены мы ничем не были. И еды всегда вдоволь, и одежды, и игрушек. А в праздничные дни, когда жители столицы собирались на площади послушать торжественную речь императора, сироток наряжали понаряднее и выстраивали поближе к монаршему шатру. Император любил лично разговаривать с нами и даже угощать сладостями. Так пролетели долгие семь лет моей новой жизни.

Неожиданное знакомство

Семь лет... Мне казалось, что я и года не проживу в новой странной реальности, а прошло уже столько времени. Даже не верится. Поначалу было очень тоскливо, просто

невыносимо. Невыносимо было осознавать, что я больше не смогу прийти в собственный дом, обнять родных. Не смогу вернуться осенью в школу, увидеть друзей. Как же я скучала по собственной жизни! Бывало, на городских праздниках стояла в толпе детей на площади, выискивала взглядом родителей... Иногда даже находила. А они смотрели, словно сквозь меня, не замечая, не узнавая.

Видимо, человек ко всему может привыкнуть. Вот и я привыкла постепенно. Подружилась с детьми, с нянечками, прилежно училась и всегда с готовностью помогала по хозяйству. Меня все любили, но самой важной любви мне не хватало, самой искренней. Не хватало нежности и осознания того, что я кому-то нужна по-настоящему.

В восемнадцать лет закончила с отличием приютскую школу, и встал вопрос о том, что же мне делать дальше. Обычно выпускники возвращались в свои города и учились там, получая поддержку от государства. Местных же детей, у которых не была выявлена способность к магии, отправляли в ремесленные мастерские в обучение. Юных магов же принимали различные ковены, и с того момента о них заботились уже наставники. Во мне магических способностей не было, что и неудивительно, ведь в роду вовсе не было магов никогда. Я могла, как большинство сирот, наняться в подмастерья, получить профессию, а позже — скромное жилье. Но меня страшно пугала перспектива уйти из приюта и остаться в одиночестве.

Самым близким человеком в новой жизни для меня стала нянечка Роза, которая сразу полюбила меня и всегда поддерживала. Она-то и похлопотала, чтобы меня оставили в приюте нянечкой для младших детей. Роза настаивала на том, что я непременно должна пойти учиться в университет с моими-то успехами в учебе. И я сама этого очень хотела. Пусть мне и не быть магом, но получить достойную профессию я мечтала. Только так мне бы удалось обустроить свою новую жизнь, чего-то добиться. Я обожала детей и готова была всю жизнь посвятить такой работе. Проблема была в том, что за учебу в университете нужно было платить, а у меня, естественно, средств не было. Сиротам давалась императорская стипендия, но на нее была очередь, а потому мне оставалось только ждать.

Но на судьбу я не роптала. Бесполезное это занятие, да и опасное для некоторых, как я уже успела понять. Все дни проходили одинаково, и я даже не чаяла изменений. Лишь мечтала об университете и даже, бывало, ходила туда, бродила по коридорам, читала объявления, смотрела на студентов и думала, что сложись все по-другому, училась бы я сейчас здесь спокойно. А, может, и вовсе на другой остров уплыла, как сестра когда-то...

Потом возвращалась в приют, занималась с детками, помогала на кухне, мыла и убирала... И так до поздней ночи. Казалось, если загружу себя делами, то и грустить будет некогда. И, правда, почти не грустила. Только внутри что-то ныло болезненно, и на глаза набегали слезы. Вечерами украдкой доставала из шкафчика заветную шкатулку и перебирала загадочные дары мойры, размышляя о том, что же это такое и когда уже пригодится. Если бы не эти вещицы, я бы, наверное, сама бы поверила в то, что никакого заброшенного дома не было, и семьи моей не было, а я — несчастная сиротка, позабывшая прошлое.

Все изменилось неожиданно. Я сама уже не чаяла перемен, но, видно, высшие силы решили добавить немного света в мою жизнь. Кто знает, может, и боги способны испытывать жалость?

Вечером, вернувшись в комнату, обнаружила свою соседку Эбби в слезах. С ней мы были дружны с самого детства, почти в одно время попали в приют. Она местная, из Дианита. Родители рано умерли, и девочка осталась совсем одна, и теперь, как и я, ждала

стипендии, чтобы пойти в университет. А пока подруга зарабатывала на жизнь тем, что нанималась временной прислугой в богатые дома. У людей разные причуды. Например, некоторые не терпят, чтобы в доме были посторонние, а потому не берут постоянный персонал. У других же работа связана с постоянными разъездами. Вот Эбби и выполняла разную домашнюю работу по мере необходимости. Подруга никогда не жаловалась, даже наоборот, была довольна таким положением дел. А тут на тебе, сидит и плачет!

Я бросилась к ней, обняла и стала выпрашивать, что же случилось. Эбби пыталась объяснить что-то сквозь рыдания, но я ничего не могла понять. Наконец, мне удалось ее успокоить немного.

— Нянечка Роза заказ принесла, — сказала подруга, хлюпая носом и протягивая мне скомканный листочек — Вот... Дом большой и платят много. Всю неделю ходить надо, прибирать, готовить...

Я глянула на адрес, сумму вознаграждения и невольно присвистнула. Дом заказчика находился в элитном районе столице, где проживали сплошь богачи да маги.

— А чего ревешь-то? — спросила я недоуменно.

— Хозяин дома — маг! — ответила Эбби с таким выражением, будто речь шла о невероятно опасном преступнике. — Сама знаешь, как я их боюсь! Мои бедные родители... Их убил черный маг, а теперь...

— Эбби, успокойся! — оборвала я ее излияния.

Подруга тысячу раз рассказывала мне историю гибели родителей, которых принес в жертву черный маг, но, как по мне, это вовсе не повод ненавидеть весь магический род.

— Послушай, черных маги давно уже изгнаны на дальние острова, и в столице их нет. Так чего ты боишься?

— Этот хозяин... Он доринг... Маг-целитель.

— Так это же замечательно! Целители ведь людям помогают, они не могут быть плохими. Вот взять нашу госпожу Мартину, такая приятная женщина...

— Да брось, Амари, — воскликнула Эбби. — Госпожа Мартина — очень слабая. Ее и хватает только сироток подлечивать. А этот доринг — настоящий могущественный маг! Ты знаешь о них что-нибудь?

— Ну... читала немного, — ответила я, подумав.

— А я много читала! Про всех магов! Потому как врагов нужно знать в лицо!

Я привычно закатила глаза. Одержимость подруги злобными магами иногда переходила все границы.

— У дорингов после обрядов исцеления всегда бывают приступы, потому что они забирают на себя всю плохую энергию больных, — тоном строгой учительницы поведала мне Эбби. — При этом они даже могут становиться неуправляемыми и не контролируют себя! Это ужасно, Амари... Я не хочу идти к этому магу! Я боюсь!

Я, как могла, пыталась образумить подругу, но она не слушала, все бормоча о своем.

— А если откажусь от заказа? Небось, обидится да распустит обо мне слухи по городу... Да и деньги нужны... Помнишь, то синее платье в лавке мадам Лэйн? А в Клубе развлечений скоро танцы... Я так хотела пойти, Амари, ты даже не представляешь себе...

Я-то как раз очень хорошо представляла, потому что про эти танцы слушала уже несколько дней к ряду. Меня подобные глупости не интересовали... Вдруг глаза Эбби загорелись решимостью. Она повернулась ко мне и обхватила за плечи.

— Амари, солнышко, я так тебя люблю!

— Ты это к чему? — насторожилась я, отпрянув.

— Ты же моя самая лучшая подружка! Пожалуйста, сходи за меня в тот дом! Я очень тебя прошу! А я за твоими детками присмотрю, сколько нужно. С нянечкой Розой договорюсь, обещаю! А деньги пополам поделим! Тут столько, что нам обеим хватит...

— Эбби, да прекрати выдумывать ерунду всякую! Тебе меньше надо книжек читать, а то потом ужасы всякие выдумываешь! Доринги — такие же люди, и ничего в них страшного нет!

— Пожалуйста... — прошептала Эбби, и по ее щеке вновь скатилась слезинка. — Ну, пожалуйста...

Эбби, как никто, умела манипулировать мной. Наверное, моя проблема в том, что я никогда не могу отказать людям в слезных просьбах.

— Ладно, — выпалила я, уже не пытаюсь скрыть раздражение. — Не реви только больше.

Эбби кинулась обнимать и целовать меня, чуть не задушив от радости. Раздражение быстро рассеялось. В конце концов, что у меня в жизни есть, кроме стен приюта да редких прогулок? А тут хоть какое-то развлечение.

Нянечка Роза не очень-то обрадовалась, узнав о плане Эбби, но подружка и ее уболтала, в очередной раз ударившись в слезы. И следующим утром, оставив детей на попечение подруги, я отправилась выполнять заказ, вооружившись ведрами, швабрами и тряпками. Этот инвентарь мне торжественно выдала Эбби и пожелала мне большой удачи. Хорошо, хоть приютский кучер согласился подвести меня в экипаже, иначе не знаю, как бы я дотащилась со всем этим.

В этой части города с поэтическим названием Бульвар Тенистых аллей я не была уже много лет. Что делать бедной сиротке там, где сплошь живет лишь элита? А посмотреть тут было на что. Самый зеленый район Дианита. Здесь много магов, а потому можно увидеть в садах деревья и цветы, которых и в природе не существует. Маги всегда отличаются стремлением к прекрасному и стараются все вокруг украсить. Дом доринга не слишком выделялся среди тамошней красоты. Двухэтажный из темно-красного камня, с покатой крышей, окруженный невысоким деревянным забором, на котором были изображены багровые драконы. Я невольно засмотрелась на красивые рисунки.

Вошла через приоткрытую калитку и направилась к высокому крыльцу по дорожке, выложенной все тем же красным камнем. Этот дом напомнил мне мое бывшее семейное жилище. Наш дом, конечно, был не такой большой и красивый, но такого же цвета. Наверное, по этой причине я была весьма дружелюбно настроена к хозяину, даже еще не видя его. Сгрузив весь свой инвентарь на крыльце, осторожно постучалась. Не дождавшись ответа, постучала смелее. Из глубин дома донесся возглас:

— Входите!

Получив разрешение, втащила имущество внутрь, осмотрелась и восхищенно ахнула. Я оказалась в просторном зале, где из мебели наблюдался только огромный диван с потертой обшивкой, стоящий напротив камина. Стены были украшены фресками с изображением разных волшебных существ. Все было таким красочным и ярким, что я тут же выпала из реальности, рассматривая во все глаза это чудо. Ходила от фрески к фреске, стараясь не пропустить ни одной детали. Драконы, русалки, единороги... Какая красота!

— Нравится?

Я вздрогнула и обернулась, едва не уткнувшись в грудь мужчине, неожиданно

оказавшемуся рядом. Я так залюбовалась, что даже шагов его не слышала.

— Здравствуй, — снова раздался мужской голос.

Медленно подняла голову и наткнулась на улыбку и внимательный взгляд голубых глаз.

— Здравствуйте, — пискнула я. — Простите... я... это... ну...

Очень информативно, Амари. Надо же, увидела мужчину и тут же говорить разучилась. Ну что за напасть!

— Ты, видимо, Эбби? — спросил доринг, чуть склонив голову, продолжая улыбаться.

— Да, — выпалила я. — То есть, нет... То есть...

Ну все, Амари, кажется, зря тебя не долечили в Доме скорби. Вот оно, сумасшествие-то, неожиданно как проявилось...

Мужчина вдруг положил мне ладони на плечи, чуть наклонился и вкрадчиво произнес:

— Пожалуйста, успокойся, выдохни и расскажи все спокойно, по порядку...

Он говорил серьезно, но по глазам я видела, что его забавляет ситуация. Естественно, в дом врывается девица с ведрами и тряпками и мямлит непонятное. Воспользовавшись советом доринга, выдохнула, попыталась расслабиться и сказала, наконец-то, нормальными словами:

— Я из приюта, уборку делать, как просили. Эбби не смогла... А меня Амари зовут. Амари... Тай-Лин.

Мне всегда ужасно не нравилось произносить ненастоящую фамилию. Просто внутри все протестовало.

— Ну, вот теперь все ясно, — произнес доринг и отошел, убрав руки, — А меня зовут Данте Мэйверс, и я очень рад с тобой познакомиться.

Признаться, я не ожидала такого хорошего приема, хотя предрассудками по поводу магов не страдала. Просто Эбби рассказывала, что хозяйева обычно весьма снисходительно к ней относятся и разговаривают свысока, а то и вовсе грубят. Данте же, кажется, вполне милым... И даже очень симпатичным мужчиной. Около тридцати лет, высокий, черноволосый, смуглый... Видимо, поэтому так ярко выделяются голубые глаза. Одет в просторные черные брюки, рубашку, расстегнутую на груди, а сверху бархатный удлиненный жилет. Меня почему-то очень впечатлил вид мужской груди в вырезе рубашки... Ой, глупости какие...

— Договорились?

Доринг смотрел, ожидая ответа, а я к своему стыду понятия не имела, о чем он сейчас говорил. Но в этом я бы ни за что не призналась, а потому просто кивнула. Данте как-то странно на меня посмотрел и снова улыбнулся, будто все понял.

— Идем, начнешь с библиотеки, — сказал он и слегка подтолкнул меня к соседней двери.

Я нерешительно вошла и вновь выпала из реальности. Столько книг я никогда в жизни не видела и просто застыла в изумлении. За семь лет я проштудировала всю скудную библиотеку приюта, а здесь была просто настоящая книжная сокровищница. А сокровищами полки были заставлены до самого потолка, но места все равно не хватало, поэтому книги были даже сложены стопками прямо на полу, и на небольшом дубовом столике у окна.

— Сколько у вас книг, — восхищенно проговорила я. — Так здорово...

— Да, здорово. Знаешь, что наставник часто повторял мне? Целители спасают людей, но это обязанность богов. А потому мы должны быть умнее.

— Вы, верно, все на свете знаете, — сказала я, заворочено глядя на доринга.

— В мире еще много интересного, Амари. [Книги](#) — это, конечно, замечательно, но вот пыль — неизбежная проза жизни. Ну как, справишься?

— Конечно, светлейший доринг...

Данте почему-то нахмурился, услышав от меня общепринятое обращение к целителям. Но на такие пустяки я не захотела обращать внимание. Мне хотелось поскорее окунуться в дивный мир книг, и пусть даже я буду все это отмывать хоть целый месяц! Данте принес мне уборочный инвентарь из зала, а пока я летала в облаках, успел и воды мне набрать. Ладно, пора приступать к уборке!

Забери мою боль

Как-то неудобно было идти к дорингу после вчерашнего происшествия, но все равно хотелось очень. Приходя в его дом, я будто попадала в особенный волшебный мир, а мужчина представлялся мне добрым сказочником, который знает все на свете. К тому же, вряд ли ему есть дело до моих переживаний. Я лишь временное явление в его жизни. Возможно, забавное, интересное, но не более. Как же мне хочется больше узнать о жизни Данте, но задавать слишком личные вопросы я, понятное дело, не могла.

Пришла, как ни в чем не бывало, разложила инвентарь. Сегодня предстояла уборка на втором этаже — помыть полы в коридоре, протереть пыль с картин и статуэток, полить цветы. Данте теперь не уходил, а находился неотрывно со мной и даже помогал. Нет, не потому что не доверял мне или хотел контролировать. Мне казалось, что ему тоже хочется поболтать.

— Амари, может, расскажешь, что случилось с тобой вчера? — спросил вдруг доринг, хотя секунду назад рассказывал о том, как его чуть не зачаровали русалки.

— Ничего особенного, — тихо ответила я. — Знаете, случается такое иногда... Ну, наваливается все разом, и кажется, будто жизнь ужасна. С вами так бывает?

— Я всего лишь человек, — ответил Данте, усмехнувшись. — Впадать в уныние — мое самое любимое занятие.

Я улыбнулась в ответ, думая, что он шутит.

— Просто мне показалось вчера, что ты плакала по вполне определенному поводу.

Доринг подошел ближе и внимательно посмотрел на меня, словно надеясь прочесть мысли. Ой, надеюсь, он не умеет этого! Хотя, не должен вроде...

— У меня не много поводов для радости, светлейший, — уклончиво ответила я.

В глазах мужчины появилось сочувствие. Терпеть не могу, когда меня жалеют! Я отвернулась, чтобы не видеть выражения его лица, а Данте вдруг дотронулся до моего плеча и тихо произнес:

— Я все понимаю, Амари. Знаешь, я тут подумал... хочу попробовать помочь тебе. Я знаю несколько редких заклинаний, и мог бы попытаться вернуть твои воспоминания...

— Нет! — вскрикнула я, обернувшись, и натолкнулась на удивленный взгляд. — Не надо... Целители пытались много раз, и ничего не вышло, и это... причиняло мне боль. А еще... я не хочу ничего вспоминать. Если уж я оказалась в приюте, вряд ли в моем прошлом было что-то хорошее.

— Я понимаю, Амари...

Вновь отвернулась, украдкой утирая непрошенные слезы, и принялась поливать ярко-алый цветок в высоком фарфоровом горшке, стоящем прямо на полу.

— А ваша семья здесь, в столице?

— Родителей я перевез год назад на юг острова, поближе к горячим источникам, чтоб здоровье поправляли. А брат здесь, служит в личной охране императора. Но мы редко видимся...

— Почему же?

— Слишком разные у нас пути, — ответил Данте, и в голосе его сквозила грусть.

— Все равно приятно знать, что где-то есть близкие люди, которые думают о вас, — сказала я, улыбнувшись.

Мне вдруг захотелось подойти к дорингу, погладить его по щеке... Хотя, с чего я взяла, что ему вообще нужно утешение? Мужчина сделал шаг первым... И тут раздался звук, напоминавший птичье щебетание. Данте вскинул голову, оглядываясь. Прямо передо мной в воздухе материализовалась птичка с серебряными перышками и красным хохолком. Она зависла в воздухе и громко щебетала, будто рассказывала что-то. Доринг протянул руку, и гостя опустила прямо к нему на ладонь, перебирая крохотными лапками. Я осторожно погладила серебряные перышки кончиком пальца. На ощупь птичка оказалась, словно холодный металл.

— Это вестник, — пояснил Данте. — Ковен прислал... Значит, задание появилось.

— Она волшебная? — восхищенно проговорила я.

— Конечно. Смотри...

Данте подул на птичку, и она вдруг рассыпалась серебряной пылью, которая тут же растаяла без следа. А в руках у мужчины появился свиток. Он развернул его, и я увидела текст, украшенный вензелями. Данте внимательно прочел письмо, а после сложил лист и спрятал в карман жилета.

— Амари, придется нам с тобой завтра пропустить чудное свидание с метлой и шваброй.

— Вы уезжаете? — спросила я, пытаюсь скрыть грусть в голосе, однако, безуспешно.

— Да, тут недалеко, в деревню одну. Пишут, животные там болеть стали...

— Вы и животных лечите? — изумилась я.

— И даже растения, — улыбнулся Данте. — Доринги способны исцелять все живое. Я сообщу госпоже Розе, когда вернусь, и ты придешь, договорились?

— Договорились, — отозвалась я, в тайне надеясь, что мужчина вернется как можно раньше.

Данте посмотрел на меня пристальным взглядом, а потом подошел и взял меня за руку.

— Ну, чего ты загрустила?

— Я просто... Просто с вами так интересно, — призналась я.

— Мы еще с тобой поговорим обо всем, — пообещал Данте и зачем-то отвел прядь волос от моего лица.

— Удачи вам, светлейший.

Данте, как обычно, проводил меня до экипажа, а когда мы уже распрощались, произнес тихо:

— Я тоже буду скучать, любопытное создание.

Именно эти слова и согревали меня целых два дня. Я вернулась к обычным обязанностям и весь день проводила с детьми. Казалось бы, вернулась моя обычная жизнь, к которой я привыкла, но она вдруг стала тяготить меня. Кто-то сказал бы, что день за днем заниматься уборкой и готовкой в чужом доме — удовольствие сомнительное... Но меня прямо таки тянуло к дом доринга! На третий день я уже решила, что Данте забыл обо мне и

даже не подумал сообщить о том, что вернулся... От выдуманной обиды хотелось плакать. Промаявшись весь день, вечером решила прогуляться. Прошлась к своему бывшему дому, но на этот раз, к своему стыду, не из желания увидеть родных. Просто в прошлый раз я ведь встретила Данте здесь... А вдруг снова...

Конечно же, доринг сегодня и не думал здесь прогуливаться. Ни в одиночестве, ни с приятелем... Сама не заметила, как добрела до его дома, будто что-то тянуло туда. Погуляла так погуляла... Мысленно обругав себя за глупость, пересчитала монетки в маленькой вышитой бусинками сумочке, и с облегчением вздохнула. Этого хватит, чтобы доехать до приюта в экипаже. А то на улице уже темнело, и не хотелось бы идти пешком в такую даль на ночь глядя... И тут мое внимание привлекла интересная деталь. Окна в доме Данте на первом этаже тускло светились, будто внутри горели магические светильники. Но это ведь означает, что хозяин дома! Обида на миг всколыхнулась, но я призвала сама себя к порядку. Возможно, Данте вернулся только сегодня к вечеру. А даже если и днем, это ведь не означает, что он тут же должен бежать к нянечке Розе! Главное, вернулся...

Я хотела вернуться в приют, честно... Даже уже руку подняла, чтобы помахать извозчику, но... не сделала этого. Экипаж проехал мимо, а я пошла к дому Данте, не вполне понимая, что же, собственно, делаю. Хотя, одно я все же понимала — я не смогу спать сегодня, если не увижу Данте. О том, что он может быть занят или вовсе может быть не один, да и не вполне прилично молоденькой девушки приходить к мужчине на ночь глядя, я подумала лишь, когда постучала в дверь. А еще подумала, что сказала бы нянечка Роза, узнай она, чем я сейчас занимаюсь... Дверь никто не открыл, да и вовсе никто не отозвался. Этому могла быть тысячи объяснений, но мне вдруг стало очень тревожно. Взявшись за ручку, я осторожно потянула дверь на себя и удивилась, когда та распахнулась. Отступить было некуда, и я вошла...

В нерешительности остановилась у двери, осматриваясь. В зале горели несколько светильников неприятным желтым цветом. В камине полыхал огонь, отчего было очень жарко, ведь на улице-то самый разгар лета.

— Светлейший доринг! — позвала я.

Ответом мне снова послужила тишина. Я сделала пару шагов вперед и тут услышала слабый стон где-то рядом. Позабыв о неловкости, принялась осматриваться и нашла Данте! Он сидел прямо на полу, прислонившись к дивану. Я не могла его видеть, когда вошла, потому что мужчина находился с другой стороны, лицом к лестнице. Вид у него был болезненный. Данте весь дрожал, будто от сильного холода, хотя в комнате было душно. Он сидел, завернувшись в шерстяное одеяло, с закрытыми глазами и тяжело дышал. Я бросилась к нему, обхватила ладонями лицо, обросшее щетиной, поражаясь, какая у него холодная кожа. Данте медленно открыл глаза и взглянул на меня.

— Амари... Ты, правда, здесь?

— Светлейший, что с вами? — спросила я, сама дрожа от страха. — Что мне сделать? Нужно помощь позвать...

Данте обхватил мою руку ледяной ладонью и проговорил хрипло:

— Ничего не нужно, само пройдет... Это... последствия использования магии... Обычное дело...

Точно! Я ведь читала об этом, да и Эбби рассказывала. Она ведь этого так боялась. Будто и контролировать себя доринги не могут, и агрессивными становятся. Но с Данте ничего такого не было, да и не боялась я его нисколько. Ему сейчас было очень плохо, и я

очень хотела помочь.

Я помогла дорингу встать и усадила его на диван. Он продолжал дрожать и кутался в одеяло.

— Амари, иди домой, — прошептал он. — Не нужно тебе меня таким видеть... скоро пройдет...

— Чем я могу помочь?

— Ничем...

Данте закашлялся, мелко вздрагивая. Я села рядом, обняла его, желая поделиться собственным теплом. Этот мужчина, всегда казавшийся таким сильным, веселым, сейчас был таким беспомощным, что мне хотелось плакать. Я обнимала его и гладила по волосам. Доринг затих на несколько минут, будто задремав, а потом вдруг застонал.

— Амари... больно... больно... — прошептал он, а потом захныкал, словно ребенок.

Данте плакал и стонал от боли, а мое сердце разрывалось. В этот момент мне больше всего хотелось забрать его боль, а самым страшным было то, что я не знала, как помочь ему.

Уложила доринга на диван, закутав в одеяло, а сама села на пол рядом. Шептала что-то успокаивающее, гладила по щекам, стирая слезы, даже целовала, совсем отчаявшись. Данте затих, и дыхание его выравнивалось. Он медленно поднялся, садясь, а потом потянул меня за руку, усаживая рядом. Потянулся ко мне, обнял, утыкаясь лицом в волосы, глубоко дыша. Я замерла, с любопытством погружаясь в новое ощущение. Близость мужчины приносила... покой. Такое необычное чувство, будто нечто волшебное и теплое окутывает со всех сторон, и хочется улыбаться...

— Амари, — шепнул Данте. — Спасибо... Ты избавила меня от боли...

Мне тоже хотелось поблагодарить доринга, ведь он сделал то же самое. С его появлением боль в моей душе притупилась, и мне снова захотелось жить и даже интересно стало, что там дальше, в моей новой судьбе.

Несколько минут мы сидели, обнявшись, и молчали, слушая дыхание друг друга. В этих объятиях не было ничего интимного или неприличного, просто человеческая поддержка. Данте, казалось, совсем пришел в себя, и я решила оставить его. Открыла окна, чтобы проветрить комнату, потому что духота уже стала невыносимой. Заварила дорингу его любимый цветочный чай. Мужчина не дрожал больше, но видно было, что он еще очень слаб. Сама села рядышком, опасаясь, что в любую минуту приступ может повториться.

— Амари, ты как тут оказалась? — спросил Данте.

— Я... была тут, неподалеку и увидела свет в окнах. Решила зайти, поздороваться...

Объяснение не очень убедительное. Впрочем, я и сама до конца не понимала, почему пришла к нему. Даже сейчас этот поступок казался мне легкомысленным. Услышав мои слова, мужчина как-то странно посмотрел на меня, но дальше расспрашивать не стал.

— Что с вами было, светлейший?

— Так всегда бывает... после каждого крупного ритуала. Я будто вбираю в себя плохую энергию, болезнь, и происходит исцеление. А потом начинается откат... Я должен освободиться от всей этой грязи, иначе погибну, а это сопровождается приступами. У каждого доринга по-разному... Вот мне, например, очень холодно и больно. Кажется, будто внутри тысячи иголок... Каждое движение отзывается невыносимой болью.

— Это... ужасно, — прошептала я.

— Такова цена дара, — произнес доринг с горькой обреченностью в голосе. — Я очень рад, что ты оказалась рядом, Амари.

Данте тяжело поднялся и принялся гасить огонь в камине. Мы еще немного поговорили, а потом мужчина отправил меня домой в экипаже.

Договор неумолимо подходил к завершению. Семь дней, которые принесли мне столько приятных и неожиданных впечатлений, заканчивались, и я все чаще грустила. Эбби все пыталась меня растормошить. Рассказывала, как будет замечательно, когда получим деньги от доринга, как купим новые платья и отправимся на танцы. Мне не хотелось ничего этого... Я хотела лишь и дальше бывать в доме мага и слушать его бесконечные истории, которые казались интереснее любых волшебных сказок.

Я не хотела долгих прощаний. В последний день Данте проводил меня, как обычно, до экипажа. Я бы, наверное, сбежала, не попрощавшись. Все равно бы ведь не дождалась, чего хочу... А чего, собственно, хотела? Чтоб доринг вдруг признался, что больше жить без меня не может? Ясно, что невозможно это... Конечно, ничего подобного Данте не говорил. Просто пообещал, что мы обязательно увидимся снова.

Договор

Сама не знаю, зачем согласилась пойти на эти дурацкие танцы. Эбби задалась целью, во что бы то ни стало, вытащить меня куда-нибудь развлекаться. И не хотела слушать, что мне вовсе не скучно, и не нужны мне никакие развлечения. Да, грустила немного, подумаешь... Но причину-то все равно бы не сказала, а подружка и не додумалась. Естественно, ведь все маги для нее все равно, что монстры. Но я-то знала, что это не так. Данте просто необыкновенный...

Я так часто думала о нем, что, порой, даже окружающих не слышала. Эбби решила, что это все от усталости, и даже винила себя в том, что загрузила меня своей же работой. Я же совсем не обижалась, а только была рада этому. Чтобы загладить вину, подруга решила подарить мне платье для этих злосчастных танцев. Не стану спорить, платье и впрямь оказалось чудесным: сшитое из темно-бордового шелка с кружевным пояском под грудью и пышными рукавами. Увидев себя в этом великолепии, я не смогла отказать Эбби. Даже вьющиеся волосы, которые всегда убирала в строгую прическу, распустила, заколов по бокам.

У подруги горели глаза в предвкушении чудесного вечера. Она держала меня за руку и вела сквозь толпу желающих потанцевать и отдохнуть. Эбби пригласила того парня, к которому каждый вечер бегала на свидание, а тот взял с собой друга. Как она объяснила, чтоб мне не было скучно.

— Амари, знакомься, это Роджер, а это Гарри!

Представляя второго парня, она мне многозначительно подмигнула. Я разглядывала двух друзей без особого интереса. Молодые мальчики, может быть, старше нас на пару лет. Оба светловолосые и даже в похожих светло-синих кафтанах. Они казались мне блеклыми, неинтересными, абсолютно одинаковыми. Настроение стремительно портилось... Эбби упорхала с Роджером в толпу танцующих, а я осталась стоять рядом с Гарри у стенки. Парень молчал, изредка бросая на меня заинтересованные взгляды. Разговаривать не хотелось, да и танцевать тоже. Честно говоря, вообще ничего не хотелось, разве что сбежать обратно в приют и лечь спать. Вдруг он приснится...

Гарри спрашивал меня о чем-то, а я отвечала, даже не вполне осознавая, что же он говорит. Голос у него оказался высоким и неприятным, а еще он смеялся невпопад и постоянно хватал меня за руки. Ладони у него были холодными и влажными... Кажется, он

делал мне неуклюжие комплименты, все восхищался, какая я красивая, при этом откровенно плясая в вырез платья. Еще долго рассказывал о том, какое у него состояние, а еще об отце, который был каким-то там министром при дворе... Видимо, по его мнению, меня должно было все это впечатлить. Еще спрашивал постоянно, понравился ли он мне, подчеркивая при этом, что пользуется огромным успехом у женщин. Мне казалось, что я вот-вот сойду с ума... ну, или просто усну. К счастью, музыка немного заглушала его слова, и мне удавалось расслышать не все.

И тут я увидела Данте! Сначала подумала, что все же уснула, прямо там, у стенок, и вижу чудный сон. Однако видение и не думало исчезать. Доринг только вошел в зал и теперь стоял неподалеку, разговаривая со своим другом, который держал под руку нарядную темноволосую женщину. Кажется, его друга зовут Шерман...

Я так увлеклась разглядыванием Данте, что вовсе перестала обращать внимание на своего собеседника, от которого уже давно жаждала избавиться. Наконец, Шерман со спутницей отправились танцевать, а мой доринг остался один. Интересно, он и впрямь явился на танцы в одиночестве, а, может, его пара просто задерживается? Эти мысли оказались мимолетными и совсем не важными для меня. Я вновь поддалась порыву, как тогда, когда вломила в его дом... Меня словно потянуло к дорингу невидимой нитью, словно все вокруг перестало существовать. Подошла, дотронулась до его плеча. Данте обернулся, и на его лице я с облегчением увидела ту самую улыбку, от которой всегда веяло теплом. Я улыбнулась в ответ и быстро спрятала руки за спину, потому что к мужчине так и тянуло прикоснуться.

— Амари... — произнес он, будто не веря своим глазам.

Я так отчетливо слышала его, словно музыка разом сделалась тише. Мужчина окинул меня взглядом, и я вдруг почувствовала себя невероятно красивой, даже захотелось кокетливо покрутиться и пригладить волосы. Его внимание льстило мне и приносило радость.

— Вот уж не думал встретить тебя здесь...

— Как вы поживаете, светлейший? — вежливо спросила я, глядя на мужчину снизу вверх.

— Все хорошо, спасибо... Знаешь, все хотел навестить тебя, но работа...

— Я понимаю.

Скрыть грусть в голосе не вышло... Рядом раздалось покашливание. Обернувшись, увидела Гарри, а котором и думать забыла. Данте смерил парня снисходительным взглядом, а тот сдержанно кивнул. На фоне эффектного доринга в белоснежной рубашке и ярко-зеленом удлиненном жилете Гарри совсем потерялся. Мне нужно было представить их друг другу, чтобы соблюсти приличия, но ужасно не хотелось. Вот сейчас Данте решит, что у меня уже есть компания, и уйдет!

— Амари, идем танцевать, — сказал вдруг целитель вопреки моим мыслям, взял меня за руку и увлек к танцующим.

Я только успела увидеть кислую мину Гарри, а потом уже не видела никого, потому что доринг обхватил меня за талию и прижал к себе. Все в рамках приличия, но все равно необычайно волнующе. Молоденькая девушка и взрослый сильный мужчина... Я уже обнимала его однажды, но тогда ведь все было совсем по-другому. Данте был почти в бессознательном состоянии, а вот сейчас...

Музыка словно подхватила меня и плавно понесла по волнам. Казалось, я парю над

полом, так легко мне было. Даже испугалась, что упаду, вцепившись в мужское плечо, отчего мы стали еще ближе.

— Любишь танцевать, Амари? — спросил Данте, наклоняясь ко мне.

— Люблю, — ответила я, а потом добавила чуть слышно:

— Теперь очень люблю...

— А я не очень-то в восторге от всех этих сборищ, да Шерман вытащил. Сказал, развеяться нужно.

— Как я вас понимаю.

Данте вдруг замер, пристально посмотрел мне в глаза, а потом повел куда-то. Мы вышли на просторный балкон, увитый цветами, с которого открывался красивый вид на ночной город. И даже звезды были как на ладони. Дневная жара спала, и я наслаждалась прохладой, казавшейся блаженством после душного танцевального зала. Данте вновь притянул меня к себе и закружил в танце, чем застал меня врасплох.

— Здесь прекрасно слышна музыка, а толпы людей нет, — пояснил он. — Так ведь намного лучше танцевать.

Я лишь кивнула и спрятала лицо на его груди.

— К тому же избавил тебя от нежеланного поклонника. Он так смотрел на меня, думал, точно придушит...

— Это вовсе не поклонник, — зачем-то принялась оправдываться я. — Просто знакомый... А как вы узнали, что нежеланный?

— Магия мне в помощь, — с улыбкой ответил Данте. — А если честно, это было легко понять. Феечка...

— Почему вы так меня назвали? — смущенно спросила я.

— Потому что ты красивая, словно фея, — ответил Данте.

— Все феи сплошь светловолосые, — буркнула я, пряча смущенно глаза.

— Откуда знаешь? — спросил мужчина с улыбкой.

— В книжках видела... в ваших...

— Ты красивее любой из них.

Я вывернулась из мужских объятий и подошла к перилам балкона. Мне вдруг стало мало воздуха, а сердце стучало так сильно, будто вот-вот выскочит из груди. Данте встал рядом, больше не прикасаясь ко мне, но я буквально кожей чувствовала его взгляд.

— Амари, я обидел тебя? — тихо спросил он. — Поверь, если мужчина делает тебе комплименты, в этом нет ничего плохого.

Он придвинулся ближе и все же дотронулся до моей руки.

— Я хотел поговорить с тобой... У меня есть предложение.

При слове «предложение» я едва не лишилась чувств. В голове уже живо нарисовалась картина, где Данте встает передо мной на колени и протягивает кольцо... Нет, немыслимо...

— Я хочу, чтобы ты стала моей помощницей.

— Что? — глупо переспросила я.

— Заключим магический договор, скажем, на два месяца. Поработаешь со мной... Я хорошо заплачу, обещаю, и ты сможешь оплатить первый год обучения и уже этой осенью пойти в академию. А там и очередь твоя подойдет на стипендию.

Данте, кажется, говорил простые и разумные вещи, но у меня в голове будто туман был.

— Светлейший, но я ведь ничего не умею... ну, в магии... Только ведь мешаться буду.

— Скажи, ты хочешь поработать со мной?

— Хочу! — выпалила я и тут же укорила сама себя за такую смелость.

— Вот и отлично, — обрадовался Данте. — Ты девушка умная, сообразительная, все быстро поймешь. Главное, что я с некоторых пор могу есть только блюда, приготовленные тобой. А еще... В прошлый раз рядом с тобой даже боль отступила.

Я молчала, пребывая в странном оцепенении, и не верила, что это все мне не снится. А вот Данте растолковал мое замешательство по-своему.

— Амари, если ты думаешь, что у меня есть на тебя какие-то... виды... Не волнуйся, я ни за что не обижу тебя. Завтра же пойду к госпоже Розе и обо всем договорюсь. Если ты согласна, конечно...

— Мы будем путешествовать? — восторженно спросила я.

— Обязательно. Я обещаю защищать и оберегать тебя.

— И я увижу то, о чем читала в твоих книгах?

— Надеюсь, что да, — рассмеялся Данте. — Так ты согласна?

— Согласна.

Кажется, ни в чем я не была еще уверена так твердо, как в этом решении.

Данте проводил меня домой, пообещав прийти завтра утром, чтобы поговорить с нянечкой Розой. Спать совсем не хотелось, и я глядела в окно на ночной город, не переставая улыбаться. Эбби вернулась далеко за полночь и тут же устроила мне допрос с пристрастием.

— Ты что это устроила, Амари? Пропала куда-то, даже не сказала ничего. Гарри нес какую-то чушь, будто ты сбежала с каким-то богачом...

— Никуда я не сбежала... Он сам меня увел... — мечтательно произнесла я.

Эбби села рядом со мной и легонько встряхнула.

— Да кто же он такой?

— Светлейший доринг... Данте Мэйверс.

Глаза Эбби расширились от удивления, и она громко охнула, будто я сообщила, что провела вечер как минимум с самим императором.

— Ты чокнулась, Амари? — воскликнула подруга. — Связалась с магом!

— Да не связалась я с ним. Он позвал меня к себе помощницей, вот и все. Деньги нужны, сама знаешь, вот я и согласилась.

Эбби взглянула на меня недоверчиво.

— Помощница, значит... У тебя все на лице написано, Амари. Смотри же, ох, разобьет он тебе сердце...

— Не знала, что ты в пророчицы записалась, — буркнула я и спряталась под одеялом от дальнейших вопросов.

А в голове все звучали слова подруги. Разобьет сердце...

Данте исполнил обещание и явился ранним утром. Нянечка Роза разбудила меня и позвала в свой кабинет. Нянечка Роза все причитала, какая я молоденькая еще, неопытная, и как она меня любит. Данте уверял, что будет заботиться обо мне и никому не даст в обиду. Оказалось, что Роза еще навела справки на доринга еще до того, как принять заказ на прислугу — лично поговорила с главой местного ковена магов-целителей. О Данте отзывались только в хорошем свете, да и я сама просила позволить мне работать с ним. Нянечка сдалась и вместе со мной подписала договор на два месяца, который Данте скрепил магической печатью.

Сумма оплаты, которую доринг определил, меня очень впечатлила. Действительно,

если взять все мои сбережения и прибавить эту сумму, можно будет не только оплатить первый год в академии, но и купить все необходимое для учебы. Я уже мысленно представила, как буду гулять по коридорам не в качестве гостя, а как настоящий студент. Будущее предстало передо мной в радужном свете впервые за долгое время.

— Кажется, я ей понравился, — сказал Данте, когда мы вышли в коридор. — Ты рада, Амари?

— Очень рада, — призналась я. — Мы теперь будем ждать вестника, да?

Теперь уж Данте точно никуда не уедет без меня, и это очень радовало.

— Вестник прибыл сегодня на рассвете, поэтому я и пришел так рано, — сообщил доринг, озорно подмигнув. — Амари, хочешь увидеть драконов?

— Настоящих? — спросила я, ахнув.

— Конечно, настоящих, — рассмеялся Данте и продемонстрировал мне лист бумаги с вензелями. — Мы с тобой едем в Долину золотых светлячков лечить драконов. Сможешь собраться за час?

— Конечно! — воскликнула я.

Собирать мне было особо нечего. Нарядов я не нажила, так несколько платьев да необходимых женских принадлежностей. Достала из шкафа свое главное сокровище — шкатулку от мойры, бережно завернутую в шерстяную шаль. Открыла, полюбовалась на дары, а потом положила шкатулку к остальным вещам. Чувствую, она мне очень пригодится в грядущем путешествии.

Долина золотых светлячков

В экипаже нас было много... Я, Данте и большая часть книг из его библиотеки. Я увидела это, когда доринг приехал за мной в приют. У него была одна небольшая сумка с вещами, скромно стоящая под сидением, а остальное пространство заполняли книги. Впрочем, Данте позаботился обо мне и оставил местечко рядом с собой. Мужчина пребывал в приподнятом настроении и насвистывал веселый мотивчик.

— У нас много вещей, — сказал он с улыбкой, приглашая меня присесть.

— Я помню — нужно быть умнее богов.

— Вот видишь, ты уже постигаешь мудрость целителей. А без книг я никуда... Кто знает, какие знания могут понадобиться в путешествии.

Я уютно разместилась, облокотившись на стопки книг, и любовалась видами за окном. Столицу я покидала лишь однажды, в детстве, когда мы ездили навещать сестру Танаю в соседний город. Но сейчас, судя по всему, мы направлялись гораздо дальше. Вот уже Дианит остался позади. Некоторое время по пути попадались селения, а потом выехали на лесную дорогу. Тень деревьев приносила прохладу, да и аромат лесных трав был очень приятным. Я закрыла глаза, прислушиваясь к пению птиц. Как же здорово путешествовать!

— Неужели у тебя закончились все вопросы? — спросил Данте.

Я обернулась и встретила с внимательным взглядом голубых глаз. В руках доринг держал книгу в потертой кожаной обложке, на которой я прочла: «Драконы семи островов». Придвинувшись к Данте, заглянула в открытую страницу. Там был изображен красный дракон со свирепым видом и распахнутыми крыльями.

— Красавчик, да? Ты знала, что драконов не было раньше на Солнечном острове? Везде водились в изобилие, а у нас нет. Сначала думали, все дело в климате. Все-таки, зимы у нас холодные. Но на самом деле драконы одинаково хорошо переносят холод и тепло, такая у

них особенность. Дело оказалось в другом... В древние времена, когда империя еще не объединила острова под единой властью, здесь жили маги, которые по какой-то причине использовали для своих ритуалов кровь драконов, и постепенно истребили их всех. Драконы разумны в какой-то степени, а в чем-то и человека превосходят. У них будто в памяти было заложено, что на Солнечный остров летать нельзя. Но теперь эти чудесные существа снова возвращаются к нам.

— Как интересно... — прошептала я. — А они, правда, все понимают?

— Некоторые ученые считают, что драконы раньше властвовали в этом мире, но с появлением человека постепенно потеряли первенство. Утратили природную магию, потеряли способность к речи. Драконы всегда являлись излюбленным объектом для магических экспериментов. Знаешь, это особенность людей такая... Стремление покорить кого-то более могущественного... К счастью, император сделал драконов неприкосновенными, и границы их долин охраняю специально обученные маги.

— Мы их увидим? — заморожено прошептала я, дотрагиваясь до рисунка на странице.

— Ты не только любопытная, но еще и храбрая. Даже огромных зубастых драконов не боишься.

Я улыбнулась, взглянула на Данте и вдруг поняла, что сидим мы слишком близко. Просто непозволительно близко... Я забрала у доринга книгу и отодвинулась от мужчины. Дорога длинная, успею изучить все о драконах.

— А почему место, куда мы направляемся, называется Долиной золотых светлячков? — спросила я, вызвав у мужчины улыбку.

— Так и знал, что ты не сможешь долго провести в молчании. А раньше времени я тебе ничего рассказывать не буду, скоро сама все узнаешь.

Мы прибыли на место, когда солнце уже клонилось к закату. Правда, пункт назначения меня весьма удивил. Карета остановилась в открытом поле, и нигде не было и намека на людское жилье. Однако Данте не выглядел удивленным. Он вышел из кареты и замер неподалеку, будто что-то высматривая вдаль. Я прильнула к окну, чтобы ничего не пропустить. Перед дорингом, словно из воздуха, возник высокий светловолосый мужчина в белом длинном плаще, расшитом жемчугом. Данте сказал ему что-то на незнакомом языке, а тот ответил тоже что-то непонятное. После мужчины пожали друг другу руки, и незнакомец исчез, словно его и не было. Данте крикнул кучеру, что можно ехать дальше, и вернулся в карету.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Кто это был? — в нетерпении спросила я.

— Маг-охранитель. Помнишь, я тебе рассказывал... Они охраняют границы долин, где обитают драконы.

— И что, он нас пустит туда?

— Погляди в окно, Амари, — ответил Данте и загадочно улыбнулся.

Я послушалась и не смогла сдержать удивленный взглас. За окном простирался просто сказочный пейзаж. Наша карета проезжала мимо леса, где росли громадные деревья с резными ярко-зелеными крупными листьями. А на ветвях я увидела...

— Это что, цветы такие? — спросила я, сиюсь разглядеть.

— Будь внимательной, феечка...

Голос Данте прозвучал совсем рядом... Казалось, на ветвях чудных деревьев расцвели крупные красные цветы. Но вдруг я увидела, как один из этих цветочков вдруг распустил

кожистые крылышки и перелетел на ветку повыше. На ветвях повсюду грелись на солнце красные дракончики размером с кошку.

— Ух ты! Это что, драконята?

— Нет, это минидраконы. Их искусственно вывели маги много лет назад. Этот вид оказался очень слабым и не способным к жизни в дикой природе, а другие драконы их не принимают. Потому об этих малышах приходится заботиться людям. Здесь неподалеку есть поселение, жители которого наняты специально для этого. Глава Долины отправил письмо в ковен целителей с просьбой о помощи. В последнее время его крылатые подопечные начали болеть, и никто не может понять, что с ними происходит.

Через некоторое время мы въехали в деревню, небольшую, всего в три улицы, но с добротными кирпичными домами. Глава Долины встретил нас при въезде и проводил до своего дома. Там мы, наконец-то, смогли отдохнуть. Лошадей отвели на конюшню, а кучера разместили в пристрое. А мы с дорингом уютно расположились в гостиной. Глава, господин Шейн, весьма внушительный мужчина средних лет, болтал без умолку и без конца благодарил Данте за оказанную честь. Еще мы познакомились с его женой Лили, милостивой черноволосой женщиной, которая хлопотала вокруг нас, собирая на столе ужин.

— Светлейший, вы — моя последняя надежда, — искренне произнес Шейн. — Понимаете, я сам создал это место много лет назад. Будучи при дворе, получил задание от Его Величества... Всем сам руководил: и строительством деревни, и перевозкой минидраконов. Я сделал все, что от меня зависело, все по правилам... Семь лет, светлейший, никаких происшествий! И тут такое несчастье...

— Что с драконами, господин Шейн? — спросил Данте.

— Это началось неделю назад. Мы с Лили утром, как обычно, отправились в лес проверить подопечных. Эти деревья специально вырастили маги. Драконов у нас немного, чуть больше тридцати... осталось... Летом они так и живут там, среди деревьев. Их листья очень вкусны для них и полезны. Первого дракончика мы обнаружили в траве — он хрипел и бился в судорогах. Прежде чем мы успели что-то сделать, он умер.

— Что сказал местный целитель?

— Ничего... Он ничего не нашел, никакой болезни. Думали, может, единичный случай... А на следующий день умерли еще двое, и еще несколько заболели. Симптомы у всех одни — судороги и хрипы. Целитель сказал, что нужно сжечь тела умерших, чтоб болезнь не распространялась, но вылечить так и не смог...

— Сколько драконов погибло? — спросила я, пораженная рассказом.

— Пять, — ответила Лили. — Еще столько же болеют. Мы перенесли их в специальное жилище, где драконы зимуют. А целитель уехал два дня назад, заявив, что ничего не может сделать.

— Тогда идемте осматривать больных, — объявил Данте, поднимаясь.

Я с грустью взглянула на накрытый стол, так как очень проголодалась в дороге, но доринг прав — работа в первую очередь. Мы вчетвером пошли в зимнее жилище минидраконов. Оно представляло собой просторное строение, обитое специальным утепляющим покрытием. Внутри висели плетеные корзинки на веревках разной длины, привязанных к потолочным крюкам. В каждой корзинке была мягкая меховая подстилка. Лили подошла к одной из них и принялась качать. Подойдя ближе, увидела в корзинке минидракона, свернувшегося клубочком. Его тельце дрожало, а дышал он с хрипами и свистом. Постепенно дракончик успокоился и будто задремал.

— Им нравится, когда их качают, — сказала Лили и ласково погладила дракончика.

Рядом качались еще четверо его братьев, тоже находящихся в плачевном состоянии. Бедняжки... Сама не заметила, как глаза наполнились слезами.

— Это еще только начало, Амари, держи себя в руках, — прошептал Данте.

Он осторожно вытащил из корзинки одного из драконов, прижал к себе и покачал, словно ребенка. Ладони мужчины светились, а сам он шептал едва слышно какие-то слова. Нахмурившись, вернул малыша на место, а потом взял на руки другого. А потом еще одного, и еще... Я так верила в доринга, была уверена, что он тут же вылечит бедных драконов, ведь он такой умный, сильный...

— Ничего не понимаю, — произнес Данте и принялся осматривать помещение, будто надеясь отыскать разгадку, — Чем вы кормите питомцев?

— О, мы заказываем специальный корм из столицы, — с готовностью объяснил Шейн. — Минидраконы усваивают лишь растительную пищу. Лучшие маги при дворе занимаются выращиванием пищи для них. В основном, овощи и несладкие фрукты.

— Значит, поставки санкционированы самим императором?

— Да, я же говорю, что это его идея, а я лишь исполнитель. Светлейший, вы ведь видели, какая охрана на границах Долины. Ни один злоумышленник не проникнет.

Но Данте все же захотел обследовать продуктовый склад дракончиков. Однако ничего подозрительного в пище доринг не обнаружил. Пока я стояла и наблюдала сосредоточенное выражение лица Данте, меня кто-то цапнул за ногу. Ойкнув, я обернулась и увидела минидракона. Он сидел в траве и смотрел на меня снизу вверх. У него были удивительные глаза разных цветов — голубого и изумрудного. Дракончик издал звук, похожий на птичье щебетание, и вдруг взлетел. От неожиданности я протянула руки и подхватила его, а хитрый дракон тут же уютно устроился у меня на руках.

— Это Кимми — самая любознательная и общительная, — сказала Лили. — Похоже, вы ей понравились.

Я попыталась опустить дракошу в траву, но она сразу начала верещать. Пришлось мне возвращаться в деревню с необычной ношей.

— Вы не волнуйтесь, она везде в гостях бывает. Потом улетит к остальным.

Я была не против такой компании. Чешуя у Кимми оказалась гладкой, теплой и очень приятной на ощупь. Она смотрела на меня своими чудными глазками, будто изучала.

— Смотрю, уже нашла друга, — сказал доринг, поравнявшись со мной.

— Подружку, — уточнила я. — Светлейший, что мы будем делать дальше?

— Будем читать для начала. Драконы очень сложно воспринимают магическое воздействие, потому как сами в прошлом обладали природной магией. Но я, кажется, знаю один подходящий ритуал... Но проблема все же есть...

Игривое настроение Данте разом пропало.

— Я понятия не имею, почему заболели драконы, — признался Данте.

Кимми сопровождала меня до самого дома Шейна, а на крыльце она востепенно расправила крылышки, ткнула теплым носом мне в щеку, будто целуя, и улетела в сторону леса. Мы с Данте, наконец-то, поужинали, а потом доринг принялся изучать пособие по целительским ритуалам. Его книжки уже успели перенести в дом, и теперь гостиная главы превратилась в филиал библиотеки. Я села рядом с Данте и слушала, как он читает негромко. Я, конечно, не понимала всей этой целительской терминологии, но мне очень нравилось слушать его голос.

— Вот подходящий ритуал, — сказал Данте. — Специально для драконов: улучшает состояние, придает жизненных сил, чистит энергию... Попробуем это для начала, пока не удастся выяснить что-то более конкретное.

Вооружившись полезной книжкой, фляжкой с водой и собственной решимостью, мы с дорингом вдвоем отправились обратно к несчастным дракончикам. Малыши по-прежнему дрожали и постанывали, словно от боли.

— Амари, я буду настраиваться, а ты перенеси, пожалуйста, наших пациентов вон туда, на солому.

В углу помещения и правда лежал большой стог соломы. Я бережно перенесла туда дракончиков и положила рядом. Данте еще раз сверился с книжкой и начал ритуал исцеления. Он долго водил ладонями над красными дрожащими тельцами, шептал слова заклинания, поил драконов водой. Я внимательно наблюдала за происходящим, и мне казалось, что малышам и правда становится легче. Они перестали дрожать и хрипеть и, похоже, спокойно уснули. Закончив, доринг опустился на солому рядом с пациентами, тяжело дыша.

Я отнесла минидраконов обратно в корзинки. Данте отдышался и встал, отряхивая одежду от соломы.

— Думаете, получилось? — спросила я.

— Их аура посветлела, — ответил доринг. — По всему выходит, что ритуал помог. В любом случае, узнаем завтра утром.

Выйдя на улицу, обнаружили, что уже опустилась ночь. Однако на улице не было темно. Источник света находился в драконьем лесу. Казалось, будто на ветвях закреплены сотни магических светильников.

— Амари, ты спрашивала, почему это место называется Долиной золотых светлячков. Вот сейчас и узнаем.

Данте взял меня за руку и повел к лесу. На ветвях деревьев расцвели удивительные светящиеся цветы. Дракончики спали рядом с ними, словно пригревшись. Я дотронулась до цветка на нижней ветке и обнаружила, что он и вправду испускает тепло.

— Здорово, правда? — спросил Данте. — Это цветы распускаются только ночью. Минидраконы их очень любят и согреваются в ночной прохладе. Малыши ведь очень чувствительные и отличаются от своих больших собратьев. Вот тебе и золотые светлячки.

— Как красиво, — прошептала я, заворочено осматриваясь и думая о том, какое счастье бывать в таких удивительных местах.

Мы вернулись в дом Шейна только через час. Хозяева не спали и ждали новостей. Данте успокоил их и пообещал, что все будет хорошо.

— Я приготовила вам гостевую комнату, — сообщила Лили.

— Нам? — подозрительно переспросил Данте.

— Ну, да, — смущенно ответила хозяйка. — Я просто подумала, что Амари — ваша жена.

Услышав такое, я тут же покраснела.

— Нет, мы не женаты, — невозмутимо ответил доринг. — Амари — моя помощница.

— Ой, простите, какая же я глупая! — воскликнула Лили, всплеснув руками. — Просто вы такая пара... Словом, подходите друг другу... Ой, чего болтаю! Сейчас придумаем что-нибудь...

— Не надо ничего придумывать, — оборвал ее Данте. — Амари пусть занимает

комнату, а я отлично расположусь в гостиной на диванчике. Уж очень он мне понравился.

В эту ночь мне никак не спалось. Вроде и комната уютная, и перина мягкая, но сон не шел. Все думала о несчастных драконах и мечтала, чтобы к утру они все выздоровели. А еще думала о Данте... Он ведь колдовал сегодня, а, значит, ему может быть плохо. Не удержавшись, встала и пошла к нему. В темноте, в незнакомом доме это оказалось непросто, но я все же нашла доринга. Вопреки моим опасениям мужчина спокойно спал. Вздохнув с облегчением, хотела вернуться в комнату, но вдруг услышала:

— Амари...

— Простите, светлейший, я не хотела вас будить. Я думала, что... что вам опять стало плохо.

Данте откинул одеяло и сел.

— Должно было быть плохо, — прошептал он. — Но отката нет... Знаешь, что это значит?

— Что? — спросила я с тревогой.

— Я никого не вылечил...

Загадки и артефакты

Мне снился чудесный сон... Данте покрывал мое лицо невесомыми поцелуями, а его пальцы нежно порхали по коже, заставляя покрываться мурашками от удовольствия. А я понимала, что сплю, ведь наяву такого происходить никак не могло, и желала, чтобы ночь не заканчивалась... В какой-то момент поцелуи мужчины стали подозрительно влажными, а пальцы превратились в крошечные коготки...

Открыв глаза, увидела рядом Кимми. Дракоша ползала по мне, щекоча коготками, и тыкалась влажным носом. Спала я на диване Данте. Кажется, ночью мы так и уснули с ним сидя, почти в обнимку. Я боялась уходить, все думала, вдруг приступ начнется все-таки. А доринг все твердил, что ритуал не помог, и готов был прямо среди ночи бежать к драконам. Еле удержала... Но, выходит, он все же убежал, как только расцвело. Даже одеялом меня закрыл, заботливый.

Кимми вспорхнула на спинку дивана и наблюдала за мной, склонив голову. У минидраконов такие смешные острые уши и хвост длинный, а на конце пушистая кисточка. Интересно... Дракоша обнажила остренькие зубки, будто улыбаясь мне, и прошебетала что-то. Может, доброго утра пожелала... Похоже, еще совсем рано.

Я сходила в свою комнату, переоделась, потом умылась. Кимми повсюду следовала за мной и следила за каждым движением. Кажется, я ей и впрямь понравилась. Хозяев в доме не было, как и доринга. Впрочем, я догадывалась, где их можно найти. Хоть бы Данте ошибся, и дракончики поправились!

Я вышла на крыльцо, зябко кутаясь в кофту. Утренняя прохлада еще не развеялась, а на траве блестела роса. Все-таки хорошо здесь, вдалеке от столицы. Спокойно так, без суеты... Внизу послышалось рычание. Кимми схватила зубами подол моего платья и тянула, словно хотела, чтобы я пошла за ней. Может, какую-то игру затеяла, вот только у меня нет времени на развлечения... Однако дракоша не отставала. Она теперь парила над землей, продолжая тянуть меня куда-то.

— Ладно, уговорила, пошли, — проворчала я.

Кимми отпустила мое многострадальное платье, наконец, слетела с крыльца и пошла по траве на задних лапках, медленно, будто подкрадываясь к кому-то. Мне даже показалось, что

дракоша пытается встать на цыпочки. Я направились за ней также осторожно, снедаемая любопытством, что же она хочет мне показать. Мы обогнули дом и прошли вглубь двора, где находился сарай и еще какие-то хозяйственные постройки. Кимми внезапно остановилась, а я от неожиданности едва на нее не наступила.

И тут я услышала голоса — мужской и женский. Второй явно принадлежал хозяйке дома Лили, а вот второй был мне не знаком. Но я могла поклясться, что говорит не Шейн. Кимми выглянула осторожно из-за угла, словно настоящий сыщик. Я последовала ее примеру. Неподалеку от нас, у плетеной изгороди сада стояла Лили в компании какого-то молодого мужчины. Они были так увлечены разговором, что ничего вокруг не замечали.

— Вдруг Стэлла узнает... — донесся голос Лили.

— Она спит, — ответил ее спутник, обхватил женщину за талию и прижал к себе.

У меня глаза на лоб полезли. Лили, конечно, очень красивая женщина, пусть и в возрасте, но ее собеседник был явно намного моложе ее.

— Джордж, не надо, я боюсь... Зря ты пришел, Шейн может вернуться...

— Я видел, он в зимний загон ушел с приезжим магом, подожди, не прогоняй...

Джордж принялся целовать Лили, прижав ее к изгороди, а я смущенно отвернулась, подхватив на руки дракошу. Мы с ней явно увидели то, что было не предназначено для чужих глаз. Конечно, Лили очень плохо поступает, но это ее жизнь. И это не имеет никакого отношения к тому, что происходит с минидраконами... Или имеет? Кимми ведь не просто так показала мне эту сцену. Она ведь самая любопытная и общительная среди драконов и везде летает, даже в деревне, а, значит, много чего видела.

— Как жаль, что ты не умеешь разговаривать, — сокрушенно прошептала я.

Дракоша посмотрела на меня грустно, будто сама жалела об этом.

Я отправилась к Данте, благо неожиданно узнала, где он может быть. Естественно, поспешил проведать маленьких пациентов. Кимми, конечно же, не отставала, кружа вокруг меня и носясь в воздухе за бабочками. В зимнем драконьем жилище стояла зловещая тишина, и я сразу поняла, что ничего хорошего ждать не приходится. Дракоша уселась на крыше, не захотев залетать внутрь, видно, тоже чувствовала неладное.

Данте и Шейн стояли молча около стога сена и что-то рассматривали. Я подошла ближе и едва не вскрикнула. На соломе лежали два мертвых минидракона, а рядом еще пять малышей, у которых наблюдались признаки все той же болезни.

— Эти двое — из тех, которых я вчера лечил, — произнес Данте. — Еще двоих больных нашли в лесу утром. Ритуал не сработал, Амари.

— Что делать, светлейший доринг? — упавшим голосом спросил Шейн.

Данте промолчал, продолжая смотреть на лежащих драконов. Мужчина потер ладони, что-то шепнул, и с них посыпалась светящаяся пыль, которая окутала дракончиков, а через секунду исчезла без следа. Я осторожно подошла и встала рядом с ним.

— Ничего не понимаю, Амари, — тихо сказал он. — Я проверял уже всеми известными способами. Магия не находит болезни. Драконы абсолютно здоровы, но продолжают умирать!

Шейн тяжело вздохнул, отвязал одну корзину, уложил в нее мертвых драконов и унес. Данте сел прямо на солому и обхватил руками голову, раскачиваясь из стороны в сторону. Я опустилась рядом с ним.

— Мы что-то упустили, — шептал он. — Что-то упустили...

— Светлейший, нужно успокоиться и хорошенько подумать, — сказала я, глядя

мужчину по плечу. — Вы говорите, что драконы полностью здоровы... Значит, они не отравились, не заразились болезнью... Как я поняла, минидраконов создали маги. Может, какой-то магический сбой? Я в этом ничего не понимаю и, может быть, говорю глупости...

— Нет, Амари, вовсе не глупости. Я тоже думал об этом... Но диагностика не выявляет никаких нарушений в ауре.

— Хорошо... Значит, не болезнь и не магический сбой. Давайте подумаем, что может быть еще.

— Получается, было какое-то воздействие извне, потому что в окружающей среде никаких естественных причин я не нашел, — проговорил Данте, глядя на меня. — Выходит, все равно человеческий фактор... Их не отравили, не повредили... Остается только магическое воздействие, как ни крути!

— Вы же сказали, что с магией у драконов все в порядке.

— Знаешь, есть такие артефакты, которые могут распознать только очень сильные истинные маги. Я же, как ты знаешь, маг узкоспециализированный.

— Тогда получается, что кто-то из деревенских смог добыть такой артефакт... — продолжила рассуждать я. — А как пронести его сюда, если вокруг Долины такая магическая охрана?

Данте вскочил и принялся ходить туда-сюда, сцепив руки.

— Бред какой-то... — проговорил он. — Уже все теории перебрали, и никакого толку. Закрытая территория под охраной, проверенные люди на службе у императора...

— Вы говорили про артефакты... А бывает еще магия, которую трудно распознать?

Данте остановился и задумался.

— Ну, бывают проклятья разные...

— Проклятья? — переспросила я, чувствуя, что это меня очень заинтересовало, почему-то.

— Проклясть может даже обычный человек без магических способностей, если испытывает очень сильные эмоции. В такие моменты словно энергия выплескивается, трансформируясь в настоящую магию. Так что будь осторожна, если будешь ругать про себя какую-нибудь подружку... Проблема в том, что энергия эта очень быстро рассеивается, и след ее очень сложно заметить. Это под силу лишь самым сильным магам.

— Может, в этом и есть разгадка? — предположила я. — Хотя, кому понадобилось проклинать минидраконов?

В голове рождалась очень интересная мысль... Кимми, супружеская измена, проклятие... Картина вырисовывалась очень интересная.

— Амари, о чем ты думаешь? — подозрительно спросил доринг. — Вижу по глазам, что ты что-то задумала.

Я сбегала к дверям и проверила, чтобы Шейна не было рядом. Потом подошла к Данте и тихо сказала:

— Я сегодня узнала кое-что... случайно. Мне Кимми показала... Я сразу подумала, что это что-то значит. Лили... она, ну...

Как-то неловко было говорить о таком. Данте обнял меня за плечи, притянул к себе и прошептал:

— Да что случилось, Амари?

— Лили, кажется, изменяет мужу, — едва слышно прошептала я, словно опасаясь, что Шейн все-таки может услышать.

— Тогда проклятье вполне может быть объяснимо, — заключил Данте.

Он взял меня за руку, и мы вышли на улицу. Силуэт Шейна мелькал среди деревьев. Казалось, что он боялся оставить своих маленьких питомцев хоть на секунду, словно своим присутствием надеялся их защитить.

— Бери свою новую подружку и пошли.

Я удивленно посмотрела на доринга, и тут же мне прямо в руки спланировала Кимми. Мы втроем поспешили в дом главы. Пока Шейна нет, это хорошая возможность поговорить с Лили.

Хозяйка дома, как ни в чем не бывало, готовила завтрак на кухне и продолжала поддерживать иллюзию нормальной семьи... Интересно, Шейн догадывается о чем-то? Или просто не хочет видеть, что происходит у него под носом.

— Проходите, садитесь, почти все готово, — захлопотала Лили, ставя на стол тарелки.

Мы с Данте застыли, переглянувшись. Как же начать такой щекотливый разговор? В лоб спрашивать как-то неудобно...

— Лили, присядьте, пожалуйста, нужно поговорить, — сказал Данте.

Хозяйка как-то сразу помрачнела, будто безошибочно поняла, о чем мы хотим спросить. Присев за стол, она нервно теребила оборки скатерти. Данте сидел напротив нее и выглядел, как грозный имперский дознаватель. Я скромно сидела рядом, держа дракошу на коленях. Она ни в какую не хотела оставлять меня...

— Я прошу вас подумать и ответить честно, — попросил доринг. — У вас есть недоброжелатели? Кто-то мог пожелать вам плохого?

Лили молча покачала головой.

— Прошу вас, подумайте, — повторил Данте. — Мы считаем, что происходящее с драконами — это результат проклятья. Вы с Шейном здесь главные и в первую очередь отвечаете за драконов...

— Это невозможно, — произнесла Лили. — Проклятье... Невозможно...

Я взяла женщину за руку и заставила посмотреть мне в глаза.

— Лили, где живут Джордж и Стэлла?

Женщина вздрогнула и посмотрела на меня глазами, полными страха.

— Откуда вы узнали? Как...

По ее щекам потекли слезы. Данте вздохнул и закатил глаза. Он встал, потянув меня за собой. Кимми вспорхнула под потолок и принялась качаться на магическом светильнике.

— Амари, останься с ней, а я выясню про эту Стэllu и поговорю с ней, — тихо сказал он. — Похоже, что она и прокляла Лили.

— А почему драконы заболели?

— Возможно, воздействие оказалось слабым и на людях не сказалось, а вот малыши очень чувствительные...

Мне показалось, что Данте сам не уверен в собственной гипотезе. Проклятье выглядело вполне разумно в этой ситуации, но вот мы до конца не смогли связать это с болезнью драконов.

Данте ушел, а я осталась с плачущей Лили. Она говорила и говорила, словно я была для нее единственным собеседником за долгое время. Сказала, что с мужем они давно уже просто соседи, что тепла и любви она от него не видит, что детей у них нет, и никакие целители не помогают... Когда любовь разбилась, уже и не вспомнить, а тут Джордж, красивый, молодой, ухаживать стал. Не удержалась... Кажется, она ждала от меня

понимания и оправдания собственным поступкам, но я молчала. Конечно, жизненного опыта у меня не было, но поведение Лили я не одобряла.

Даже не заметила, как на кухне появился Шейн, только услышала, как громко защебетала дракоша и поймала растерянный взгляд Лили.

— Прости меня, — прошептала она, глядя на мужа. — Прости...

— Госпожа, оставьте нас, пожалуйста, — спокойно произнес Шейн, и в глазах его я увидела боль.

Кимми врезалась мне в спину, словно толкая к выходу. Ой, лишь бы он ее не ударил... Я вышла под тяжелым взглядом Шейна, и дверь за мной резко захлопнулась. С кухни доносился женский плач. Что мне делать? Нужно найти Данте!

— Кимми, ты ведь все знаешь, покажи дорогу, — попросила я.

Дракоша полетела к выходу, но, к счастью, Данте мы встретили на крыльце. Он выглядел обескураженным.

— Амари, представляешь, эта самая Стэлла заявила, что ей вообще наплевать, с кем проводит время ее дражайший, — с ходу начал рассказывать доринг. — Оказывается, она уже давно закрутила роман с магом из пограничной охраны и собирается переезжать в столицу. Ну и нравы в этой деревне! Я теперь вообще ничего не понимаю...

— Светлейший, там Шейн пришел. Они с Лили на кухне заперлись, как бы не случилось чего...

Данте бросился в дом и ворвался на кухню, легко снеся дверь. Однако никакой драки, к счастью, не было. Супруги сидели за столом и оба плакали, держась за руки. Ладно, даже если помирились, хорошо, но что же с драконами, в конце концов.

— Амари, простите за эту сцену, — сокрушенно произнес Шейн. — Я сам во всем виноват... Так погрузился в работу, забыл обо всем. А следовало думать о собственной жене...

Данте сел за стол и обвел супругов внимательным взглядом.

— Вы давно знаете об измене? — спросил он.

— Давно, — ответил сквозь зубы хозяин дома. — Но я сам в этом виноват...

— Но ведь поначалу вас переполняли совсем другие эмоции, не так ли?

— К чему вы клоните, светлейший? — подозрительно спросил Шейн.

— Вы, как никто здесь, связаны с драконами. Я думал о проклятье и связи с ними и у меня остался лишь один вариант. Вас переполняли такие сильные эмоции, что с ними едва можно было справиться. Вы проклинали неверную жену, но в то же время продолжали любить ее и обвинять себя в произошедшем. Энергия проклятья была смешанной и противоречивой. Жене навредить вы не хотели, но спонтанной магии нужен был выход. Она подействовала на самых слабых и чувствительных созданий, с которыми у вас, без сомнения, очень сильная связь. Шейн, я очень сожалею, но вы сами причинили вред драконам. Ваше проклятье поразило самых незащищенных...

Данте прикрыл дверь, оставляя супругов наедине. Мы с ним устало опустились на диван. Доринг осматривал стопки собственных книг и, похоже, в этот раз не находил нужных ответов.

— Вы можете снять проклятье, светлейший? — с надеждой спросила я.

— Нет, Амари, к сожалению, нет... Придется возвращаться в столицу и обращаться за помощью к специальному магу... Столько времени потеряем.

Кимми откуда-то прыгнула мне на колени. Да уж, совсем мы стали неразлучной

парочкой. Малышка, лишь бы не заболела... Я прижала к себе дракошу и погладила по теплой чешуе. Чешуйки в лучах солнца из окна сияли. Я осторожно провела кончиком пальца по ним, любуясь этой красотой. И тут заметила нечто, что заставило задуматься. Окраска минидраконов была пурпурной, но если присмотреться внимательней, каждая чешуйка по отдельности была полупрозрачной и переливалась всеми цветами радуги, а лишь все вместе они создавали красный оттенок... Это мне напоминало что-то... Дары мойры!

Я сунула дракончика в руки доринга, кинулась в отведенную мне комнату и достала из сумки заветную шкатулку. Вот оно... Непонятная блестящая пластинка! Теперь я поняла, что это такое! Это чешуйка дракона, только настоящего, большого. Не может быть совпадением это дело с драконами. Кому, как не властительнице судеб знать это! Взяв чешуйку, поспешила показать ее Данте.

Лучшая помощница для целителя

Если я помогу дорингу, это ведь будет просто невероятно! Вдруг в этой чешуйке скрыто спасение для драконов. Мне очень хотелось спасти малышей, а еще больше хотелось быть полезной Данте, показать ему, как правильно он поступил, взяв меня в помощницы. Пусть в этом не совсем моя заслуга, но ведь судьба тоже задолжала мне. Пусть в моей печальной жизни появится хотя бы лучик света.

Я подошла к Данте и протянула ему драконью чешуйку. Доринг повертел ее в руках, нахмурившись, будто припоминая что-то.

— Амари, что это? — спросил он.

— Думаю, вам лучше знать, светлейший.

— Чешуя дракона... Откуда это у тебя, Амари? — спросил Данте, взвешивая вещь на ладони.

— Светлейший, эта... вещь может помочь минидраконам?

Доринг не обратил внимания, что я проигнорировала его вопрос. Он встал и принялся ходить из угла в угол, как бывало обычно, когда мужчина о чем-то размышлял.

— Кажется, просто чешуйка, но все же есть нечто необычное...

Данте замер на мгновение, а потом зачем-то поднес чешуйку к лицу и посмотрел сквозь нее на меня, потом на Кимми, притаившуюся в углу дивана. Подошел ближе, еще ближе...

— Удивительно... — проговорил он. — Знаешь, на что это похоже? На специальные стеклышки, которые маги используют для распознавания разных видов воздействий. А этот артефакт, похоже, настроен конкретно на драконов. Я смотрю на тебя сквозь него, а вижу лишь черноту, будто артефакт не срабатывает... А вот Кимми вижу ярко! Вижу ее ауру во всех подробностях! Я так никогда еще не видел магическим зрением, и это поразительно. Идем!

Мы поспешили в драконье жилище. У Данте, похоже, возникла идея, даже глаза загорелись, а мне оставалось лишь надеяться на лучшее. Больные дракончики лежали на сене, заботливо укрытые мягкой шерстяной тканью. Они уже не дрожали и не стонали, и лишь хриплое дыхание говорило о том, что в них еще теплится жизнь. Данте присел над ними и взглянул на них сквозь чешуйку.

— Я вижу, Амари! Вижу черные всплохи в ауре — последствия проклятья. Нужно попробовать убрать их...

Данте встал посреди загона, зажмурился и прошептал несколько слов. Чешуйка вспыхнула, поднялась в воздух и застыла прямо напротив глаз целителя. Артефакт

увеличивался в размерах, расплывался, словно растекался водой, превращаясь в прозрачную мерцающую пленку, которая приблизилась к лицу мужчины и прилипла к его вискам, скрывая глаза.

— Это невероятно, Амари, — проговорил Данте, вода руками перед собой. — Я вижу столько всего... Удивительно...

Он продолжал шептать заклинание, и тела минидраконов окутывало нежно-голубое свечение, сквозь которое струйкой вытекал полупрозрачный темный дым, который впитывался в пленку на глазах Данте. Завершив ритуал, Данте бросился наружу и быстрым шагом направился к лесу. Я побежала вслед за ним, но мы не успели дойти до деревьев, потому что все минидраконы вдруг разом вспорхнули и полетели к нам навстречу. Они словно чувствовали зов драконьего артефакта. Даже Кимми была здесь.

Малыши окружили Данте, усаживаясь в траву. Он шептал заклинание, а драконы сидели, зажмурившись, словно наслаждаясь теплом голубого свечения. Дымок закружился над головой доринга, который стоял, раскинув руки. дракончики раскачивались в такт напевным словам заклинания. Ритуал длился и длился, а потом, в одну секунду, дым втянулся в мерцающую пленку, и она разлетелась брызгами воды.

Данте стоял с закрытыми глазами и улыбался. Минидраконы поднимались в воздух один за другим, и каждый из них задевал крылом раскрытую ладонь доринга, будто благодаря его за спасение. Только Кимми не улетела никуда, продолжая сидеть в траве и внимательно следить за нами. Данте покачнулся и повалился назад, а я едва успела его подхватить. Сама опустилась на траву и устроила его голову у себя на коленях. По лицу Данте стекали капли воды, а глаза были воспаленными, красными. Мужчина тяжело дышал, а сердце его бешено колотилось.

— Амари, все получилось, — прошептал он. — Я словно был кем-то другим... Настоящим, сильным магом...

— Давайте, светлейший, пойдемте домой.

Я помогла ему встать, и мы поковыляли в деревню. Данте был очень слаб, и я чувствовала, что сейчас неприятные последствия исцеления неминуемы. Войдя в дом, завела мужчину в свою комнату и уложила на кровать, не обращая внимания на вопросы хозяев. Села рядом с дорингом, взяла его за руку

— Амари, я справлюсь, — прошептал он. — Ты... Не хочу, чтобы ты видела меня таким...

— Все хорошо, светлейший, я рядом, — ответила упрямо, обнимая его крепко-крепко.

Судороги начались через секунду. Данте дрожал, стонал от боли. Он обнимал меня в ответ, будто цепляясь за последнюю надежду, будто ища поддержки, отбросив лишнюю гордость. Он не хотел показаться слабым в моих глазах, но принимал помощь, а я искренне хотела облегчить его боль.

— Спасибо... — шептал Данте, постепенно успокаиваясь. — Спасибо тебе... Как хорошо, что ты есть...

Кажется, я задремала, а когда очнулась, обнаружила, что Данте сидит рядом и смотрит на меня, глядя по волосам. Поймав мой взгляд, мужчина отдернул руку.

— Как вы, светлейший?

— Как новенький, — ответил доринг и улыбнулся обычной задорной улыбкой. — Только глаза болят...

Данте взял дорожную сумку, порылся в ней и небольшую баночку.

— Заживляющая мазь, — пояснил он. — Лучше сейчас не трогать магию...

— Я помогу, позвольте, — сказала, поддавшись непонятному порыву.

Взяла у него из рук баночку и открыла. В нос ударил приятный запах трав. Подхватив мазь кончиком пальца, осторожно прикоснулась к воспаленной коже мужчины. Доринг не сводил с меня глаз, а я была так близко, что чувствовала его дыхание.

— Откуда у тебя чешуя дракона, Амари?

— У меня есть кое-какие вещи, оставшийся из прошлой жизни, которую я не помню. Так, безделушки всякие... Я даже не подозревала, что это какой-то магический артефакт.

— А что еще в этой шкатулке?

— Не спрашивайте, светлейший! Мне... тяжело говорить об этом.

Я отвернулась, но Данте перехватил мои руки.

— Ты сама лучшая помощница, Амари, — сказал он, прикоснулся губами к моей щеке и быстро вышел из комнаты.

Минидраконы поправились, и у Шейна осталась лишь одна проблема — отношения с женой. Но, к сожалению, для любви у целителей магического ритуала не существовало, так что мужчина должен был разобраться во всем самостоятельно. А нам с Данте пора было возвращаться в столицу. Кимми прилетела провожать меня. Я обняла дракошу, поцеловала ее и еще раз поблагодарила за помощь, ведь, уверена, она все-все понимала. Долина золотых светлячков осталась позади, и я поняла, что соскучилась по дому. Соскучилась по своим деткам, по Эбби, по нянечке Розе... Но в то же время понимала, что с Данте готова отправиться куда угодно.

Думая обо всем этом, в приют я возвратилась в противоречивых чувствах. Вроде бы радостно с одной стороны, но в то же время чего-то не хватает. Когда я была рядом с дорингом, все остальное в моей жизни будто отходило на второй план, а все мои горести казались не такими уж и серьезными. Я словно попадала в другой мир, интересный и волшебный.

Данте приходил каждый день по вечерам и приглашал меня погулять. Встречи с ним становились едва ли не смыслом моей жизни, что меня очень пугало. Эбби обижалась, что я никуда не хожу с ней, но теперь мне все это стало просто совсем неинтересно. К чему какие-то знакомства с молодыми людьми, когда перед глазами доринг. Все остальные меркли на его фоне. Подруга ругала меня за бесполезную привязанность, предостерегала от чувств, которые вряд ли станут взаимными. Да я и сама осознавала это, но так хотелось хоть просто помечтать, что я нравлюсь Данте.

Через неделю после нашего триумфального возвращения, Данте пришел ко мне поздно. Гулять мы не пошли, лишь вышли на крыльцо поговорить. Доринг протянул мне разрисованную коробку. Я с любопытством открыла и обнаружила внутри несколько маленьких пирожных с разными фруктами и разноцветным кремом.

— Ух ты! — восхитилась я. — Это все мне?

— Конечно, девчонки же любят сладкое, — с улыбкой ответил Данте. — Поделишься с подружкой.

Я знала, что такие пирожные делают в городе Сакторин неподалеку от столицы. Сакторинские сладости славились отменным вкусом и стоили дорого, а потому я их могла позволить себе лишь в исключительных случаях. Ходили слухи, что вместе с кондитерами работают маги, которые и помогают делать вкус таким изысканным.

— Спасибо, светлейший, мне очень приятно, — смущенно сказала я, прижимая к себе

заветную коробочку.

— Амари, завтра мы с тобой отправляемся в новое путешествие. Правда, недалеко, в Сакторин, от того и подарок такой. Сегодня получил вестника... У управляющего тамошней сети кондитерских и пекарен заболела маленькая дочь. По каким-то причинам родители не хотят обращаться к местным целителям, а потому попросили помощи в столичном ковене.

— Но мы ведь со всем справимся, правда, светлейший?

— Даже не сомневаюсь, Амари, я ведь теперь не один. Я приеду утром, будь готова.

Полночи я не могла уснуть, переполненная эмоциями. Суетилась, собирала вещи, а Эбби наблюдала за мной, поедая пирожные, и вновь читая мне лекцию о вреде привязанности к дорингу. Честно говоря, я ее не слушала. К счастью, мне удалось отвоевать у подружки парочку сакторианских сладостей.

И вот вновь я покидаю столицу в уютном экипаже в компании доринга. Снова повсюду книги, но на этот раз Данте ничего не читает, так как из заявки не ясно, чем же болеет ребенок. Бессонная ночь брала свое, и я чувствовала, что вот-вот усну.

— Амари, я тут нашел кое-что про тот артефакт... драконью чешуйку, — осторожно начал Данте. — Оказывается, эти артефакты древние и очень сильные, но считаются давно утраченными.

Я напряглась, слушая его, отвернувшись к окну.

— Это очень интересно и необычно, — продолжил он, следя за моей реакцией.

Видимо, помнил, как я взорвалась в прошлый раз, но хотел поговорить об этом. Оно и понятно, ведь маг должен интересоваться артефактами, к тому же, такими странными... Но я не могла рассказать ему всю правду, да и не хотела признаваться, что по собственной глупости разрушила собственную жизнь. К тому же, неизвестно, как отреагируют на это Стражи. Я вроде бы смирилась с их существованием, да и не видела их давно, но новой встречи старалась избежать любыми путями.

— Я же сказала, что ничего не знаю, — сказала я, даже не пытаясь скрыть раздражение. — Эта вещь просто всегда была со мной, вот и все. И я... не хочу говорить об этом.

Данте вдруг притянул меня к себе, и я с готовностью опустила голову ему на плечо. Очень хотелось спать, а рядом с ним было так тепло и удобно...

— Я все понимаю, Амари, прости, что вмешиваюсь в твою жизнь. Просто ты появилась так неожиданно, такая загадочная, необычная...

Его голос обволакивал, погружал в сладостный сон, где я видела уже совсем другие картины, где Данте обнимал меня вовсе не по-дружески...

Так и проспала всю дорогу, которая оказалась намного короче прошлого путешествия. Санкторин хоть и уступал в размерах столице, но архитектура здесь была такая же богатая и современная. А воздух тут был необычайно... вкусным. Да, по-другому и не скажешь. В городе витал аромат свежей выпечки и еще чего-то столь же приятного.

Жилище заказчиков располагалось на окраине города — роскошный особняк из белого камня, окруженный высоченной посеребренной оградой. Нас вышел встречать сам хозяин всего здешнего сладкого производства — господин Бернард Купер. Он тепло поздоровался с нами, пригласил в дом, где нас встретила его жена — Рэйчел. Женщина выглядела уставшей, заплаканной, с синяками под глазами, будто мало спит.

— Меня зовут Данте Мэйверс, а это моя помощница Амари. Обещаю, мы сделаем все возможное и окажем посильную помощь.

— Я так рада, что ковен откликнулся на нашу просьбу, — проговорила Рэйчел, утирая слезинку платком. — Вы наша единственная надежда.

Хозяева предложили расположиться в уютной просторной гостиной, полной дорогущей антикварной мебели. Я заметила, что в камине горел огонь, несмотря на то, что на улице стоял жаркий летний день. Теперь понятно, почему в доме было так душно. А в сочетании с плотно задернутыми шторами и тусклыми магическими светильниками все это производило угнетающее впечатление. Бернارد заметил, как я изумленно осматриваюсь и обмахиваюсь веером, который так предусмотрительно взяла с собой, ожидая жаркую погоду, и поспешил объяснить:

— Мишель... наша дочка... после произошедшего очень мерзнет и плохо переносит дневной свет.

Данте нахмурился, и мне показалось, что он не вполне понимает, симптомы какой болезни описывает мужчина.

— Это случилось две недели назад, — начала рассказ Рэйчел. — Мишель часто гуляет с друзьями тут недалеко, у пруда. Он давно обмелел и зарос, там и воды-то почти нет... Дочка не вернулась к ужину. Я пошла искать ее, спрашивала у ребят, но они в один голос говорили, что весь день играли в другом месте и Мишель даже не видели. Я побежала к пруду и нашла в траве ее туфельку. Мы осмотрели там все вдоль и поперек, но дочь исчезла. Там нельзя утонуть, понимаете? Даже для ребенка слишком мелко... Так продолжалось два дня, и я думала, что с ума сойду. Весь город искал ее, констебли, простые жители... А потом она вернулась, просто постучала в дверь... Я открыла, а на крыльце она — вся грязная, мокрая, в тине какой-то.

Рэйчел отвернулась, закрыв лицо руками. Ее плечи мелко вздрагивали от рыданий.

— Мишель так и не сказала, что с ней случилось, — продолжил Бернارد. Она только недавно начала говорить немного, но... она стала очень странной. Мы ее не узнаем...

— Как это, странной? — спросил Данте.

— Она не ходит на улицу, не играет, как другие день, а от яркого света впадает в истерику. Даже не плачет... рычит... Не могу объяснить всего... Целый день сидит в своей комнате, есть перестала. А на днях жена увидела, что она ночью уходит из дома к тому пруду. Мы ее догнали тогда, еле увели обратно домой, пришлось даже успокоительное зелье давать. Признаться, мы все чаще так делаем, чтобы Мишель спала, иначе...

— Я боюсь ее, — прошептал Рэйчел. — Боюсь собственную дочь...

— Что говорят местные целители? — спросил доринг.

— Один даже смотреть ее не стал, — ответил Бернارد. — Как услышал обо все, посоветовал Мишель в Дом скорби отвезти, в столицу. Ну мы сразу в ковен обратились, там ведь маги опытные, сильные... Да и не хочется, чтобы слухи по городу пошли. У меня ведь положение, сами понимаете...

— Светлейший, прошу вас, помогите, — взмолилась Рэйчел. — Я не хочу, чтобы моя дочь в Доме скорби оказалась!

Я подалась вперед и взяла женщину за руку, чтоб хоть немного поддержать ее.

— Не плачьте, прошу, мы во всем разберемся, обещаю.

Рэйчел взглянула на меня с такой надеждой, что у меня самой на глаза слезы навернулись.

— Ну что ж, давайте посмотрим на маленькую Мишель, — сказал Данте.

То, что внутри

Мрак длинного коридора разгоняли лишь несколько тусклых свечей. Признаться, мне стало жутко от такого контраста. За окном — светлый летний день, а этот богатый дом будто в настоящий склеп превратился. Остановившись около двери, разрисованной веселыми рожицами, которые в тусклом свете казались злыми оскалами, Бернард достал ключ и несколько раз провернул его в скважине. Мне было страшно входить внутрь, и я стыдилась собственной реакции. Там ведь просто маленький ребенок, которому нужна помощь... Повернувшись, взглянула на Рэйчел и поняла, что она сейчас испытывает похожие эмоции. Серебряный подсвечник в ее руках дрожал, а в глазах отражались желтые огоньки и ужас.

Бернард забрал у жены подсвечник, открыл дверь и первым вошел в комнату. Мы с Данте вошли следом. В свете свечей мне удалось разглядеть яркую детскую мебель, множество игрушек повсюду, большую кровать с балдахином, которая была пуста... И тут я услышала тихий плач. В углу виднелся маленький темный силуэт... Ребенок сидел прямо на полу, дрожал и всхлипывал. Мое сердце наполнилось бесконечной жалостью. При виде плачущей девочки у меня в голове возникали мысли о родителях-злодеях, которые обижают ребенка, запирают в темной комнате, издеваются... Я хотела броситься к ней, но Данте меня удержал.

— Мишель, милая... — позвала Рэйчел дрожащим голосом. — Поговори с нами, пожалуйста.

Девочка затихла, замерла, словно насторожившись, но ничего не ответила. Бернард щелкнул пальцами, и на стене зажегся магический светильник в виде розового тюльпана. Из угла донеслось недовольное ворчание...

На вид Мишель я бы дала лет семь-восемь. На ней было веселенькое платьице в цветочек, а длинные русые волосы распущенны и спутаны. Девочка закрывала лицо ладошками и раскачивалась из стороны в сторону.

— Прошу, оставьте нас, — попросил Данте.

Родители покинули комнату, как мне показалось, даже с каким-то облегчением. А я поймала себя на мысли, что тоже готова была сбежать отсюда подальше. Это ведь просто ребенок, только ребенок... Я ведь так люблю детей...

Данте закрыл глаза и водил ладонью, словно прощупывая воздух перед собой. Я взяла с полки тряпичную куклу с роскошными бантами и осторожно села рядом с Мишель.

— Привет, — сказала дружелюбно. — Меня зовут Амари. Хочешь поиграть, милая?

— Хочешь поиграть?

Мишель произнесла это, продолжая закрывать лицо. Она спросила очень странно, словно... словно повторила новую для себя фразу. Данте сел рядом и внимательно рассматривал девочку. Я придвинулась ближе, оставив бесполезную куклу на полу, протянула руку и осторожно погладила ее по волосам.

— Мишель, детка, посмотри на меня.

— Посмотри...

Девочка вдруг бросилась ко мне, раскинув руки, издавая громкий рык. Так делают дети, когда хотят напугать понарошку... Только я испугалась по-настоящему. Вскрикнула, отпрянув, больно ударяясь затылком о стену. Мишель вцепилась мне в плечи, и ее лицо было прямо передо мной. Милое детское личико с пухлыми щечками... Она улыбалась неестественно широко, будто не знала, как это правильно делается, а глаза... абсолютно

белые, усеянные черными точками, будто множеством зрачков...

— Хочешь поиграть?

Может, мне почудилось со страха, но голос на этот раз был совсем не детским. Не знаю, как удержалась, чтобы не отбросить от себя ребенка... Данте оказался рядом, обхватил затылок Мишель ладонями. В следующую секунду глаза девочки стали ярко-голубыми, как у матери. Она запрокинула голову назад, обмякла. Доринг обнял ее, взял на руки и принялся ходить по комнате, укачивая Мишель, словно маленького ребенка. А она замурлыкала какую-то мелодию, время от времени издавая странные свистящие звуки. Я хотела встать, но поняла, что ноги отказываются меня держать.

— Светлейший, ее глаза... Это было ужасно, — с трудом произнесла я. — Что вы сделали?

— Успокаивающее заклинание, — отозвался Данте, не сводя глаз с ребенка.

— Она уснет? — с надеждой спросила я.

Больше всего я боялась снова увидеть эти страшные нечеловеческие глаза.

— Она уже спит... По крайней мере, тело. А вот то, что внутри...

Я все же подошла к нему, убеждая себя, что я смелая помощница целителя и не должна ничего бояться. Мишель продолжала напевать что-то неразборчивое, заунывное, и от этой мелодии все внутри сжималось от тоски.

— Что же у нее внутри? — задумчиво спросила я.

— Если бы знать...

Данте осторожно уложил Мишель на кровать, прошептал несколько слов, погладил маленькие ручки. Девочка затихла, расслабилась, и теперь казалось, что перед нами обычный спящий ребенок... Доринг закрыл глаза и положил ладонь на лоб девочки. Некоторое время ничего не происходило, а потом из-под ладони полилось свечение, и Данте отдернул руку, словно обжегся.

— В ней магия! — воскликнул он. — Не ее собственная, а чужеродная. Такая неприятная, словно в грязь вляпался... Руки помыть хочется.

— Думаете, в Мишель кто-то вселился?

— Она часто играла у пруда... Может, душа утопленника вселилась неупокоенная. Я читал о таких случаях... У маленьких детей еще никакой энергетической защиты нет, вот подселенцы этим и пользуются.

— А как же ее глаза и вообще... поведение странное?

— Вряд ли можно не повредиться рассудком, когда в тебя вселяется кто-то чужой, — ответил Данте, немного подумав. — Да и душа... Это ведь не совсем человек, а скорее остатки чувств, энергии, но никакого разума.

— А глаза? — упрямо повторила я.

— Тебе могло показаться, — ответил доринг, возвращаясь к осмотру ребенка.

А мне стало так обидно, что он мне не поверил! Ведь я же видела, точно видела!

— Вы сможете убрать этого... подселенца? — спросила я, глядя девочку по волосам.

— Я знаю ритуал разделения душ. Знаешь, как бывает? Когда человек теряет кого-то очень близкого, он так убивается, что душа покойного цепляется за его эмоции и превращается в подселенца. Это тоже своего рода болезнь... Только есть одна проблема.

Я похолодела.

— Похоже, что внутри нее душа мага, причем очень сильного, — закончил Данте. — Изгнать его будет непросто. Он будет цепляться за этот мир изо всех сил.

— А разве души умерших не стремятся обрести покой?

— По-разному бывает... Например, самоубийцы обречены скитаться здесь, не удостоившись милости богов. Знаешь, Амари, пойдем-ка взглянем на этот пруд, изучим магический фон.

Оставив мирно спящего ребенка, мы с дорингом покинули комнату. Бернард и Рэйчел ждали нас в коридоре. Бернард взглянул на дочь, а потом закрыл дверь на ключ.

— Мишель спит, — сказал Данте, поймав усталый материнский взгляд.

— Что с ней, светлейший? — тихо спросила она. — Вы поможете ей?

— У нас с Амари есть теория, но нужно кое-что проверить. Обещаю сделать все возможное...

После угнетающей атмосферы дома Куперов солнечный яркий день казался чем-то противоестественным. Хотя дышать мне сразу стало легче, а возвращаться, честно говоря, совсем не хотелось. Данте взял меня за руку, и мы отправились к пруду, следуя указанием Бернарда. Мне с одной стороны было приятно держать доринга за руку, но с другой, казалось, будто он считает меня маленькой и глупой и повсюду водит за собой, чтоб не потерялась. Думать о том, что, может быть, ему просто приятно, я себе не разрешала.

— Сложное дело на этот раз, правда? — спросил Данте, с любопытством глядя на меня.

— Грустное, — призналась я. — Так ужасно, когда дети страдают... Светлейший, я хотела спросить вас...

— А я хотел попросить, — перебил меня доринг. — Амари, может, прекратишь уже общаться со мной так официально? Я вот считаю себя твоим другом, а ты?

— Конечно, — ответила я смущенно.

— Тогда ни к чему все эти официальные обращения. Больше никаких «светлейших»! надеюсь, ты еще не забыла мое имя?

— Нет, не забыла, — рассмеялась я.

— Вот и замечательно, — обрадовался Данте. — Значит, по имени и на «ты»...

— На «ты» не могу, — быстро сказала я, поймав его удивленный взгляд. — Просто, я вас так уважаю... Данте.

Произносить его имя оказалось необычайно приятно, но все же дистанцию между нами я была обязана оставить, чтобы сохранить свое собственное спокойствие. Или хотя бы его остатки...

— Как тебе будет удобнее, феечка, — весело отозвался Данте. — Так что ты хотела спросить?

— У вас всегда такие сложные задания?

— Такое редко бывает... Меня не покидает ощущение, что сама судьба прислала тебя ко мне в такой непростой период.

При упоминании о судьбе я невольно вздрогнула. Неужели Данте на самом деле радуется, что мы встретились? Вот для меня обстоятельства, которые привели к этому, обернулись трагедией. Как по-разному влияют на людей линии судьбы...

Пруд оказался больше похожим на заросшее болотце — повсюду высокая трава, камыши, а вода едва бы достала до пояса. Однако она была кристально-прозрачной, и в ней виднелась мелкая рыбешка. Я присела и провела ладонью по водяной глади. Несмотря на жаркое лето, вода казалась ледяной.

Данте скинул ботинки и вошел в воду, не страшась замочить брюки. Он замер и зажмурился, словно наслаждаясь легким ветерком. А я прилегла на траву, чтобы отдохнуть

хоть немного. Путешествие в экипаже и последующие события вымотали меня, прежде всего, душевно. А хорошо тут как... Я бы тоже тут гуляла на месте местных ребятишек. Трава такая мягкая, ароматная... Вытянула руку, провела ладонью по траве и вскрикнула от неожиданности и боли. Отдернув руку, увидела крошечную каплю крови на пальце. Раздвинув траву, принялась искать, чем же укололась, и обнаружила небольшой осколок с острыми краями, кажется, чего-то фарфорового. Осколок был блестящий, черный, с рыжими крапинками.

Хотела выкинуть находку, но что-то меня удержало. Во мне отчего-то возникло стойкое ощущение, что непонятный осколок имеет какое-то отношение к произошедшему с бедным ребенком. Подошла ближе к Данте и невольно залюбовалась его силуэтом. Белая рубашка необычайно шла ему, да и темно-синий жилет так подходил к глазам... Доринг обернулся, словно ощутив мой взгляд. Он неспеша вернулся на берег и сел, продолжая всматриваться вдаль. Мужчина хмурился, словно размышлял о чем-то неприятном. Я опустилась рядом и осторожно тронула его за плечо.

— Данте...

Нужно было потренироваться называть его по имени. Это было непросто, хотя и приятно. Внутри все сладко сжималось от звука его имени.

— Все очень странно, Амари, — произнес задумчиво доринг. — Я не смог уловить ни следа той магии, которую почувствовал, прикоснувшись к Мишель. Я вообще не почувствовал ничего постороннего, никакой энергии.

— Где же девочка подхватила подселенца?

— Это очень интересный вопрос, Амари... Блуждающая душа покойного мага — это очень интересно. Надо обследовать дом, идем...

Данте поднялся и принялся обуваться. Я достала из кармана свою непонятную находку и протянула ему.

— Кажется, улика, — почти шепотом произнесла я. — Как думаете?

Данте с интересом рассмотрел осколок.

— Да уж, наша работа нередко напоминает настоящее расследование. Что-то знакомое, но никак не могу вспомнить... Сохрани это, надеюсь, выясним.

Вернувшись в дом Куперов, застали хозяев в столовой. Был накрыт обед, но они, похоже, даже не притронулись к нему, сидя в полумраке и разговаривая вполголоса. Интересно, что они приняли решение повсюду скрыть дневной свет, хотя их дочь постоянно находилась в собственной комнате. Родители словно хотели разделить участь своего ребенка, да и с болезнью из дома ушли радость, свет и яркие краски.

Мы с Данте приняли приглашение пообедать, потому как уже очень проголодались.

— А Мишель у себя в комнате обедает? — спросила я.

— Поначалу она вообще ничего не ела, — ответила Рэйчел. — Подносы переворачивала, даже кидала в меня... А потом, где-то на третий день после возвращения, все-таки стала есть. Я оставляю поднос в ее комнате.

Данте слушал внимательно, словно собирая для себя малейшие детали, которые рано или поздно должны сложиться в единую картину.

— Скажите, у вас в роду были маги? — спросил доринг, обращаясь к обоим супругам.

Они в ответ лишь покачали головой.

— А в этом доме до вас жил кто-нибудь?

— Нет, я сам его построил для своей семьи, — ответил Бернارد.

Данте снова нахмурился, встал из-за стола и медленно пошел вдоль стены, проводя по ней ладонью. Хозяева внимательно за ним наблюдали.

— Да где же ты подхватила его, Мишель? — задумчиво спросил сам себя Данте.

— Он во всем разберется, — произнесла я и погладила Рэйчел по руке, чтобы хоть немного поддержать.

— Вечер скоро, — сказала женщина, словно речь шла о чем-то ужасном. — Как стемнеет, Мишель снова будет рваться из дома. Поэтому мы и запираем ее в комнате... Ее так и тянет к чертовому пруду. Когда она сбежала первый раз, я нашла ее там... Это было ужасно... Мишель лежала лицом в воде и как-то странно дергалась. Я ужасно испугалась, вытащила ее, а она вырывается, рычит...

Бернард тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

— Сонное зелье уже не помогает, — сказал он. — Мишель почти не спит...

— Не волнуйтесь, — отозвался Данте. — Я усыпил ее успокаивающим заклинанием... А пока мне нужно осмотреть ее комнату.

Мы вчетвером поднялись в комнату Мишель. Я была готова к чему угодно, однако ребенок мирно спал в кровати, посапывая. Рэйчел опустилась на колени рядом с дочерью, целовала ее пальчики, гладила по волосам.

— Что мы ищем? — шепотом спросила я у Данте.

— Все, что покажется необычным.

Я послушно принялась за дело, но ничего, кроме обычных детских вещей мне не попадалось. Игрушки, книжки, разноцветные украшения и прочие безделушки... И тут кое-что привлекло мое внимание. Из-под розового детского комода торчали две красные веревочки. Потянув за одну из них, вытащила бархатный мешочек. Открыв, обнаружила внутри несколько круглых камешков — блестящих, черных, с рыжими крапинками. У меня даже сердце чаще заколотилось. Достав загадочный осколок из кармана и сравнив, поняла, что один из таких шариков все-таки разбился.

Разделение душ

Мишель заворочалась и вновь принялась напевать ту странную тоскливую мелодию, будто почувствовав, что происходит вокруг. Рэйчел отпрянула от нее, испугавшись в который раз, но потом все же взяла себя в руки, обняла дочь, зашептала что-то ласковое, но девочка принялась вырываться и стонать.

— Позвольте мне, — мягко попросил Данте.

Женщина отстранилась, отпуская ребенка, а доринг привычным движением положил ладонь на затылок девочки, а та вдруг резко села и схватила мужчину рукав рубашки. Данте вскрикнул от неожиданности, а Рэйчел закрыла ладонями лицо, с трудом подавляя крик.

— Опять... — прошептала она. — Ее глаза...

Бернард прижал ее к себе, глядя по волосам. Данте закончил заклинание и прислонился к стене устало, прикрывая глаза. Мишель вновь легла, расслабилась, продолжая едва слышно напевать только ей знакомый мотив. Я подошла к Данте и тронула его за плечо.

— Прости, что не поверил, Амари, — прошептал доринг. — Я тоже видел ее глаза... Нечеловеческие глаза.

— Смотрите, что я нашла.

Я протянула Данте мешочек с камешками и осколок, найденный у пруда. Доринг внимательно осмотрел необычную находку, вовсе не похожую на обычные детские

безделушки.

— Очень интересно, — протянул мужчина. — Знаешь, эта полутьма меня ужасно раздражает... Идем-ка поближе к книгам.

Мы спустились в гостиную, где были разложены книги доринга. Он зажег все магические светильники, отчего комната приобрела жилой вид. Хозяева последовали за нами в ожидании хоть каких-то обнадеживающих новостей. Возражать против света в комнате они не стали.

Данте сел за стол и высыпал из мешочка камешки. Он долго рассматривал их, перебирал. Бернارد первым решился нарушить размышления целителя.

— Что-то не так, светлейший?

— Откуда Мишель взяла эти камни?

— Мой брат ей подарил. Он путешествует по всей империи и часто привозит разные сувениры. Дочка увидела у него эти камешки и выпросила себе. Он рассказывал, что купил их у какого-то торговца артефактами. Вернувшись в город, брат спрашивал у одного знакомого мага, но тот не смог объяснить предназначение камней и не нашел в них никакой плохой магии.

— Магии в них и правда нет, — задумчиво произнес Данте. — Но есть что-то другое, что-то скрытое...

Данте принялся разгребать стопки книг, видимо, разыскивая какую-то определенную. Рэйчел с Бернардом о чем-то негромко спорили. Похоже, женщина сетовала на легкомысленного брата мужа, который вечно собирает всякую ерунду, а потом тащит в дом. Клялась, что больше его к дочери в жизни не подпустит.

Доринг же погрузился в чтение книги и ничего не замечал вокруг. Сначала были «Древние артефакты. Том первый», потом том второй... Мужчина листал страницы, и вместе с ним смотрела, надеясь увидеть изображение загадочных камней. Наконец, мое сердце екнуло. На одной из страниц были нарисованы круглые черные камешки с рыжими крапинками...

— Точно! — воскликнул Данте. — Я же чувствовал, что где-то уже их видел! Давно я не заглядывал в эту книгу...

Доринг бегло пробежался по тексту, шевеля губами. Я невольно засмотрелась на него... На губы, на прищуренные глаза, на нахмуренные брови... Мужчина встал и подошел к столу, снова внимательно глядя на артефакты.

— Неподходящий подарок для ребенка, — произнес он. — Совсем неподходящий.

Рэйчел гневно взглянула на мужа, словно в этом была его вина.

— Эти артефакты называются ловцами душ, — продолжил Данте. — В давние времена у некоторых магов было в обыкновении черпать силу из-за грани. У душ умерших остается много энергии, хотя она и не такая, как у живых людей... Через некоторое время было выяснено, что эта потусторонняя энергия только вредит, и этот метод запретили, но артефакты остались, хотя их пытались уничтожить без остатка.

— В этих камешках заключены человеческие души? — пораженно спросила я, касаясь кончиком пальца одного из шариков.

— В том то и дело, Амари, что неизвестно. При определенном ритуале артефакт вылавливал из-за грани душу, но маг не мог знать, какому существу она принадлежит. Мир множество, и жизнь принимает разные формы. Можно было поймать душу человека, а случалось — и вовсе неведомого существа.

— Вы хотите сказать, что Мишель... — начала Рэйчел дрожащим голосом, но не смогла сказать догадки вслух.

— Эти артефакты следует хранить особым образом, что, естественно, не соблюдают современные нерадивые торговцы. Они порой не интересуются, что именно находят в древних магических храмах. Ими движет лишь жажда заработать... Души — субстанции нестабильные. Их одолевают страсти, эмоции и переживания — все, что было при жизни, но за гранью они обретают покой. Вернувшись в наш мир, души страдают. Шарик нельзя разбить, но если душа в нем очень беспокойная и эмоциональная, без контроля мага артефакт может разрушиться.

— Что и случилось с несчастной Мишель, — заключила я.

— Именно, Амари. Шарик разбился, душа освободилась и вселилась в тело девочки. Вот только душа эта оказалась нечеловеческой. Отсюда и все странности в поведении. Душа стремится к своему привычному образу жизни, но чужеродное тело не позволяет. Подселенца тянет к воде, он отвергает нашу пищу... Но тело девочки берет свое, и он оказывается заложником в этом теле, способным лишь время от времени проявляться. Например, рычание или страшные глаза...

Слушая Данте, я вспомнила тоскливую мелодию, и мне стало жаль душу неведомого существа, которая страдает и мучается. Ее ведь выдернули из лучшего мира, прервали покой. Интересно, что это за существо? Наверное, его среда обитания связана с водой, раз уж бедняжку Мишель так тянет к злосчастному пруду. Поэтому я и нашла осколок шарика на берегу. Едва душа оказалась в теле, ее тут же потянуло к привычному — к воде, вот только человеческое тело оказалось неприспособленным для этого. Но существо все равно стремится туда и страдает. Чужой мир, чужое тело...

— Вы поможете Мишель, светлейший? — с надеждой спросил Бернارد.

— Я проведу ритуал разделения душ, хотя...

Данте замолчал, задумавшись о чем-то. В прошлый раз он говорил об этом ритуале с большим энтузиазмом. Неужели то, что внутри девочки нечеловеческая душа, может усложнить дело?

— Да, проведем ритуал, — твердо сказал доринг. — Но сначала нужно уничтожить камни. Пожалуйста, побудьте пока с дочерью.

Супруги послушно удалились на второй этаж. Данте положил камни обратно в мешок, а потом кинул его прямо в горящий камин. Я заворуженно смотрела, как огонь пожирает бархатную ткань. Через несколько минут от нее остался лишь пепел, а черные камни лежали на дровах, и в них отражались языки пламени.

— Разве можно вот так их уничтожить? — спросила я.

— Очищающее пламя... Повторная смерть по-простому, как бы странно это не звучало. Боги примут их назад.

Рыжие крапинки на камнях постепенно превращались в пятна, а потом и вовсе скрыли черный цвет. Шарiki светились, охваченные пламенем, и на их поверхности образовывались мелкие трещинки.

— Открой окно, Амари, — попросил Данте.

Я раздернула шторы и распахнула ближайшее окно, впуская в комнату прохладный вечерний воздух. Последние лучи солнца скрывались за горизонтом, и ночь готовилась вступать в свои права. Я наслаждалась прохладой, которая после пребывания в душном доме Куперов казалась настоящим блаженством. Данте взял меня за руку и потянул на себя. От

неожиданности я прижалась к нему, а отступить уже не смогла.

— Гляди... — прошептал он.

Рядом с камином вился желтоватый дымок. Он то взлетал к потолку, то снова приближался к пламени, принимая причудливые формы. Вот мне показалось, что я вижу человеческое лицо, а вот, кажется, могу разглядеть черты незнакомого сознания... Реальность это или воображение — так и не поняла. Немного полетав по комнате, магическая дымка скрылась за окном, растворившись в вечерних сумерках.

— Невероятно, — прошептала я, встретившись с глазами Данте.

Мы по-прежнему стояли рядом, и он обнимал меня, а я... позволила себе лишь положить ладони на широкие мужские плечи.

— Ты всем вокруг восхищаешься, — произнес доринг, улыбнувшись.

А меня вдруг переполнила такая нежность к нему...

— Хотите, я отыщу для вас нужную книгу, Данте?

— Не нужно, — ответил мужчина, нахмурившись. — Ритуал изгнания человеческой души я и сам знаю, а вот души иной... К сожалению, об этом не написано ни в одной книге, Амари. Не хотел говорить об этом при родителях...

— То есть, ритуал может не подействовать? И что же делать тогда?

— Помнишь, я говорил о повторной смерти...

Я охнула и отстранилась от доринга.

— Конечно, это не вариант, Амари, — сказал мужчина, вновь притягивая меня к себе. — Обещаю, что сделаю все возможное... Всю энергию отдам, чтобы вернуть Мишель.

Я смотрела в его глаза и верила безоговорочно. Данте склонился и прикоснулся невесомым поцелуем к моему виску. Так не целуют любимых женщин, так не целуют любовниц... В этом жесте я видела стремление успокоить, поддержать. Видела нечто покровительственное...

В комнате Мишель по-прежнему горели магические светильники. Рэйчел сидела у кровати дочери, а Бернард стоял, прислонившись к стене, и беззвучно шептал что-то. Наверняка, просил богов спасти его дочь. К сожалению, боги здесь ничем не помогут. По большей части им наплевать на людские горести.

Данте сел на кровать рядом со спящей девочкой и обхватил ее маленькие ручки своими ладонями. Мишель спала так сладко, и ничего не напоминало сейчас, что внутри ребенка заперто неведомое создание. Две души спали и, наверное, обе видели какие-то особенные сны.

— Бернард, Рэйчел, я прошу вас подождать внизу. Во время ритуала происходит всякое... Своими эмоциями вы будете только мешать мне. Пожалуйста...

Бернард обнял жену за плечи, шепча что-то успокаивающее, и вывел из комнаты. А я заметила, что руки доринга дрожат. Он правда боялся, что ничего не выйдет. Я встала за его спиной и положила ладони на его плечи.

— Давайте, Данте, вы сможете, — шепнула я.

Мужчина глубоко вдохнул и зашептал слова заклинания. Из его ладоней полился свет, окутавший тело ребенка. Мишель выгнулась и застонала. Доринг наклонился и прижал ее к кровати. У девочки начались судороги. Она распахнула глаза, и я невольно вздрогнула, увидев пятнистую белую радужку. В какой-то момент над Мишель в воздухе стал вырисовываться призрачный силуэт. Данте вскочил, отодвигая меня за собой, рассматривая необычное явление.

— Вот он, подселенец, — прошептал он.

Фантом был полупрозрачным, но детали можно было разглядеть отчетливо. Существо было явно человекообразным, высокого роста и очень худым с непропорционально длинными руками. Еще я разглядела красноватую кожу с узорами в виде колец по всему телу, а голова... небольшая, приплюснутая с огромными раскосыми глазами их я видела у Мишель. Голову существа обрамляли черные волосы, которые шевелились, будто живые. Существо распахнуло рот, словно в беззвучном крике, обнажая ряды острых зубов...

Мне стало так жутко, что я вцепилась в Данте, неотрывно следя за происходящим.

— Все хорошо, Амари, все идет по плану, — шептал доринг.

Он тяжело дышал, а лицо его покрывала испарина, словно уже начался магический откат. Он продолжал шептать заклинание, время от времени повторяя шепотом:

— Уходи! Уходи же!

Фантом подселенца становился все прозрачнее, невесомее... Вот уже остался лишь контур... Еще немножко! И тут что-то пошло не так. Мишель задергалась, сжимая ручкам и покрывало, закричала. Призрак резко опустился вниз, словно втянувшись в нее, а детские крики превратились в рычание. Мишель резко села, распахнув страшные глаза, а в следующую секунду прыгнула на Данте, обхватывая его руками и ногами. Доринг повалился на пол, увлекая меня за собой. Девочка билась и кричала, и нам вдвоем едва удавалось удерживать ее. Данте попытался снова ее усыпить, но вышло лишь немного ее успокоить. Она сидела на коленях у доринга, по-прежнему вцепившись дрожащими ручками в его рубашку, дышала с хрипами, но вырваться больше не пыталась.

— Нужно попробовать еще раз, — сказал Данте. — Еще один ритуал... Я должен, должен...

Видела, что доринг совсем выдохся. Занятие магией не проходит бесследно, а в этот ритуал он, похоже, вложил всю энергию. Он же вот-вот потеряет сознание, а я даже не могу ему помочь... Или могу? Как там Данте говорил? Меня ему судьба прислала как подарок... Светлейший доринг, кажется, у меня для вас есть новый сюрприз. Я выбежала в коридор, едва не сбив с ног родителей Мишель, на ходу бросив им, чтоб не вздумали входить. Наши с Данте вещи все еще лежали в гостиной, ведь разместиться в гостевых комнатах у нас не было времени. Я достала из дорожной сумки заветную шкатулку с дарами и открыла ее — золотой гребень, веточка и медальон, исполняющий желание. Что мне поможет сейчас? Рука сама потянулась к гребню. Он оказался теплым на ощупь, и меня затопило странное чувство, словно я способна на все... Способна помочь маленькой девочке и несчастному гостю из иных миров.

Вернувшись наверх, обнаружила, что Данте уложил Мишель на кровать, а сам сидел на полу, тяжело дыша.

— Сейчас, Амари... — прошептал он. — Мне нужно пару минут...

Я нежно погладила мужчину по щеке, а потом села на кровать, приподняла Мишель, бормотавшую что-то неразборчивое, и прижала к себе.

— Сейчас, милая... — ласково проговорила я. — Тебе станет легче. Давай-ка причешемся...

Я провела гребешком по длинным спутанным волосам. Зубья прошли сквозь них беспрепятственно, словно по волшебству разделив мягкие пряди. Мишель замерла, а потом замурлыкала, словно наслаждаясь моими прикосновениями. Я продолжала причесывать девочку, а из-под золотых зубьев вдруг посыпались искры. Данте наблюдал за мной, но

помешать не пытался, будто застыл от изумления и потеряв дар речи.

— Вот так, дорогая, — приговаривала я. — Какая ты стала красивая...

Волосы девочки окутало красноватое сияние, а гребень будто вычесывал его, превращая в искры, которые тут же растворялись в воздухе без следа. Сияние тусклоло постепенно, а искр становилось все меньше и меньше. Наконец, сияние погасло совсем. Я в последний раз провела гребнем по волосам, которые стали необычайно мягкими и гладкими, как шелк.

— Что ты сделала, Амари? — потрясенно спросил Данте.

— Сама не знаю, — призналась я.

Мишель завопилась у меня в руках, взглянула на меня ярко-голубыми глазками и спросила высоким детским голоском:

— А где моя мамочка?

Подарок судьбы

Рэйчел обнимала и целовала дочь, обливаясь слезами. Маленькая Мишель недоуменно спрашивала, что случилось, и от чего такой переполох посреди ночи. Обычный ребенок, живой и жизнерадостный. От подселенца не осталось и следа, а я даже понятия не имела, как сделала это. В руках по-прежнему сжимала золотой гребень, который потускнел, будто разом растеряв сияние металла, а в некоторых местах почернел даже. Данте кидал на меня подозрительные взгляды, впрочем, на расспросы сейчас у него явно не было сил. Я чувствовала, что приступ уже на подходе. Доринг тяжело дышал и опирался на стену. Он разговаривал с Бернардом, убеждал его поговорить с братом, чтобы тот отправился в ближайший ковен магов и сообщил, где купил злополучные камни. Лавочник, торгующий такими опасными артефактами, непременно должен быть наказан.

Рэйчел без конца благодарила Данте за спасение дочери, благодарила меня, а Мишель весело щебетала что-то, знакомила меня со своими куклами. Я очень радовалась, что все закончилось благополучно, но сейчас я могла думать лишь о состоянии доринга. Извинившись, я взяла мужчину за руку и увела его в отведенную комнату.

— Ну что же вы, Данте, — сказала укоризненно. — Совсем вымотались, нужно отдохнуть.

Доринг устало опустился на кровать и закрыл глаза. Я села рядом, погладила его по волосам, не удержавшись. Такой красивый...

— Знаешь, я больше не чувствую боли, — прошептал Данте. — Ты словно фея... Рядом с тобой все проходит, Амари...

Он взял меня за руку и потянул, заставляя прилечь рядом. В другой ситуации я бы сочла подобное ужасно неприличным, но с дорингом мне все казалось естественным и правильным, словно он самый близкий мне человек. Я лежала, прислушиваясь к его глубокому дыханию, а он гладил меня по руке ледяными пальцами. Мужчина снова дрожал, а я обнимала его, делясь собственным теплом. Если рядом со мной ему и вправду лучше, я только рада помочь.

Я, похоже, задремала, как бывало обычно, а проснулась о т того, что Данте заворочался рядом. Потрогав его лоб, с облегчением поняла, что жар прошел, да и руки его потеплели. Доринг смотрел на меня, не отрываясь, и в тусклом свете магического светильника, его глаза казались бездонными. Он вдруг обхватил меня за запястье и забрал золотой гребень, который я по-прежнему сжимала в руке, словно важную улику.

— Ты все больше поражаешь меня, Амари, — произнес Данте, разглядывая вещь. —

Это тоже лежало в твоей шкатулке?

— Да, — едва слышно отозвалась я.

— А как ты поняла, что гребень волшебный?

— Не знаю... просто почувствовала.

— Амари... Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Я не решалась посмотреть на него. Рассказать всю правду? Для меня это означало разрушение собственного маленького мира. Когда Данте появился, все поменялось. Когда-то в детстве у меня была настоящая счастливая жизнь, а потом была другая — серая и безрадостная. С появлением доринга словно все преобразилось вокруг. Мне захотелось жить и каждый день узнавать что-то новое, поразительное. Открыв Данте правду, я вернусь обратно в ту нить реальности, где я всего лишь несчастная сиротка, по глупости разрушившая собственную жизнь. Не хочу говорить об этом, не хочу становиться прежней. Хочу еще хоть немного насладиться иллюзией счастья.

— Вам нужно хорошенько отдохнуть, Данте, — сказала я, забрала у него гребень и быстро вышла из комнаты.

Спать совсем не хотелось. Из детской доносились веселые голоса, и мне оставалось только порадоваться за воссоединившуюся семью. Как бы и мне хотелось обнять своих родителей... Да и вообще обнять кого-нибудь и почувствовать любовь и нежность. Я уже забыла, что это... Когда Данте меня обнимает, у меня внутри все замирает, а сердце бешено стучит. А еще тепло переполняет, живое, тягучее... Это и есть нежность? Наверное... А что он чувствует при этом? хотелось бы верить, что нечто большее, чем простой интерес. Тем более теперь, когда я так его заинтриговала.

Оказавшись в гостевой комнате, достала шкатулку мойры и положила туда гребешок. Сейчас он выглядел обычной безделушкой, словно исполнил свое предназначение. Взяла веточку, погладила кончиком пальца лиловые листочки. Теперь настала ее очередь помогать... Я прислушалась к собственным ощущениям, но у меня не возникло ни одной идеи, для чего она предназначена. Подобных растений я не встречала даже в травниках доринга. Впрочем, я уже поняла, что дары мойры просто так не отыскать в нашем мире.

На следующий день мы покинули мрачный дом Куперов. Хотя, надо сказать, что он перестал быть мрачным. Камин погас, а окна распахнулись, впуская свежий воздух. Шторы раздернули, и теперь в комнатах стало светло и уютно. Дом наполнил детский смех, а место слезам и грусти больше не осталось. Бернард не спускал Мишель с рук, опасаясь отпустить дочь хоть на секунду, намереваясь защищать каждый миг. Супруги тепло попрощались с нами, поблагодарив еще десятки раз. Всю дорогу до дома я спала, уютно устроившись на плече Данте, что меня, к счастью, избавило от неудобных вопросов. Пусть все останется, как есть. Пусть я буду и дальше его помощницей с сюрпризами. Помогаю ведь, и это главное...

Данте проводил меня до ворот приюта и неожиданно попросил:

— Амари, приходи завтра.

— Разве уже прилетал вестник? — удивленно спросила я.

— Нет, просто... Я так привык, что рядом.

— Но ведь... Вы теперь хорошо себя чувствуете...

— А ты думаешь, что нужна, только когда мне плохо? — спросил Данте с улыбкой.

Я, конечно, пришла, потому что и сама привыкла к дорингу так, что самой становилось немного страшно. Несмотря на возмущенные возгласы, немного прибрала в гостиной и на кухне и приготовила ужин.

— Амари, ты ведь не служанка, — увещевал меня Данте. — Ты вовсе не обязана...

— Но мне нравится заботиться о ком-то, чувствовать себя нужной...

— А кто позаботится о тебе? — спросил мужчина, неожиданно оказываясь рядом. Я обернулась, встретившись с его внимательным взглядом.

— Позволь мне, — тихо попросил он, дотронувшись до моей щеки.

Чем были продиктованы его слова? Жалостью к несчастной сиротке или чем-то большим? Я не смогла найти ответа на собственные вопросы, а потому промолчала и опустила глаза. Жаль мойра не оставила мне ничего полезного для отношений с мужчиной...

Данте взял меня за руку, усадил за стол и сам накрыл ужин.

— Признаться, дорогая Амари, я скучал по твоим деликатесам, — сказал он с улыбкой.

— Ну что вы, обычная еда, — смущенно отозвалась я.

Доринг отложил приборы, откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на меня.

— Вы что-то хотите спросить?

Вопрос вышел немного нервным.

— Знаешь, я полночи шгудировал книги об артефактах, — задумчиво произнес Данте. — О твоём гребне я не нашел ни слова.

В ответ лишь пожала плечами. А что сказать? сама ведь понятия не имела, что это за штука и как действует... Наверное, чужеродную энергию вычесывает...

— Теперь вот думаю, чем же ты еще удивишь меня, Амари?

— Я просто очень хочу помочь вам, вот и все, — ответила, осмелившись, наконец-то взглянуть ему в глаза. — Мне пора возвращаться в приют, Данте, уже поздно...

Я встала, но доринг перехватил мою руку.

— Ты настоящий подарок судьбы, — произнес он, отчего, кажется, внутри меня бабочки запорхали.

Больше к теме моих необычных способностей мы не возвращались, что приносило мне облегчение. А рассказывал Данте о дальних островах, о странных ритуалах тамошних магов, о своей учебе, о неудачах и достижениях. А я смотрела на него и слушала, замерев от восторга.

Новое дело появилось через шесть дней после фееричного ритуала разделения душ, который я провела, неожиданно для себя самой.

— Амари, ты ведь наверняка уже устала от душного города, — сказал Данте, протягивая мне листок с вензелями. — Пора насладиться сельским пейзажем и отдохнуть от суеты. Правда, совместив отдых с работой, ведь я и там очень надеюсь на твою помощь.

— Я очень постараюсь, обещаю! — воскликнула я.

— На этот раз задание посерьезнее, — принялся инструктировать Данте, приобняв меня за плечи. — Отправимся на восток острова. Область называется Ветряными полями. Там нет городов, лишь несколько сел и крошечных деревень. Люди возделывают землю, поставляют в ближайшие города овощи и фрукты, тем и живут. В ковен обратились жители одного из поселений, которое носит поэтическое название Цветущий сад.

— Ух, ты! — восхитилась я. — Там правда все цветет?

— Похоже на то, — ответил Данте. — Я узнал, что уже пару лет селяне собирают просто удивительный урожай и зарабатывают продажей намного больше, чем их соседи. Даже непогода и вредители им не помеха.

— Может, к магам обратились? — предположила я самое очевидное.

— Не исключено, — ответил доринг. — Хотя, сомнительно для такого захолустья. Главный в этом селе — настоятель местного храма. Они там поклоняются какому-то древнему богу, что весьма характерно для отдаленных областей острова.

— Там кто-то заболел?

— Похоже на эпидемию, — ответил Данте. — Как я понял из письма, едва ли не все жители заболели чем-то непонятным.

— Ничего себе... А мы точно справимся?

— Я на всякий случай позвал на помощь своего друга. Ты его видела уже, помнишь? Шерман... Он был моим наставником на последней ступени обучения в ковене, когда я вернулся в столицу. Так и дружим до сих пор. У него служба стабильная, а сейчас заслуженный отпуск, но Шерман жить не может без целительства, а потому с радостью согласился отправиться в путешествие. Его дар шире, чем мой, так что очень пригодится.

Путь в Ветряные поля предстоял неблизкий, поэтому нужно было выехать с утра, чтобы прибыть к месту назначения следующим вечером. Только на этот раз нам с Данте и книгам компанию собирался составить еще один доринг. Экипаж остановился около шикарного особняка подстать жилищу Данте. Как я уже успела понять, целители, состоявшие в ковене, очень даже неплохо жили. Правда, для этого нужно было обладать исключительными способностями и очень много учиться.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Шерман, усаживаясь напротив нас, пожимая руку Данте. — Замечательный денек, чтоб прокатиться, не правда ли, барышня?

— Вы правы, светлейший, — ответила я.

— А я сразу понял, что никакая вы не временная домработница, — сказал доринг, улыбнувшись. — Мой ученик очень хорошо разбирается в людях.

— Я уже давно не твой ученик, — ворчливо отозвался Данте. — А Амари — самая замечательная помощница.

— Надеюсь, что и мне удастся оправдать твои ожидания, дружище, — отозвался Шерман, расслаблено откидываясь на спинку лавки. — Дорогая Амари, вы не представляете, сколько у меня историй в запасе. Данте в детстве был невероятно забавным...

— Не ври, не видел ты меня в детстве. Мне было двадцать лет, когда ты стал моим наставником.

— Для тебя это почти, что детство, — отмахнулся Шерман.

Было очень забавно наблюдать за шутливой перепалкой мужчин. Шерман изменился с того дня, как я видела его на тех дурацких танцах. Он сбрил бороду, что делало его моложе. На вид была ему лет тридцать семь, а может, и больше. У него были выющиеся русые волосы и голубые глаза, но не такие, как у Данте. У моего доринга глаза были яркие, глубокие, сияющие. У Шермана же цвет был менее насыщенный, почти серый, словно капли дождя. Я бы не назвала этого мужчину красивым, но было в нем что-то, что притягивало взгляд. Хоть Шерман шутил и смеялся, мне почему-то казалось, что он очень серьезный на самом деле, а в глазах его сквозила усталость. И даже когда он улыбался, мне виделась тень грусти на его лице. В целом доринг произвел на меня весьма приятное впечатление.

— Светлейший, а где вы служите? — спросила я у Шермана, ведь Данте так и не рассказал мне об этом.

— В Доме скорби, — ответил доринг, и я невольно вздрогнула. — Почти у всех людей подобная реакция.

— Просто там так... неприятно... Я была там в детстве недолго.

Ну вот, ляпнула... И кто просил меня болтать?

— Вы были в Доме скорби? Никогда бы не подумал...

Данте молчал, с интересом прислушиваясь к нашему разговору.

— Я просто не помню ничего из детства... Но это неважно, — быстро сказала я. — Наверняка у вас очень непростая работа.

— Вы правы, Амари, — ответил Шерман. — Душевные болезни намного тяжелее болезней тела. В Доме скорби находятся не только сумасшедшие, но и люди, которым просто тяжело, которые пережили горе или просто разочаровались в жизни. Им тоже требуется помощь, ведь глубины души — зачастую загадка даже для нас самих.

— Да, с этим не поспоришь, — отозвалась я, размышляя над его словами.

— Шерман — начальник над тамошними целителями, — сказал Данте. — По правилам, в подобных заведениях должен быть представитель ковена.

Теперь понятно, откуда в глазах Шермана усталость. С такой-то работой... Я бы тоже на его месте при первой же возможности уехала подальше от собственных пациентов.

Дорога вовсе не показалась мне долгой. Шерман, как и Данте, оказался интересным собеседником. Их истории увлекали меня, будоражили воображение. Я много узнала о том, как учился Данте, о разных забавных случаях, связанных с этим. Да и пейзаж за окном очень радовал. Города и леса остались позади, и перед нами раскинулся самый настоящий простор. Ветряные поля... Лишь мелкие поселения попадались по дороге. Мы проехали мимо десятка, наверное, прежде чем прибыли в Цветущие сады. Это место и вправду отличалось. Пшеница, которой были засеяны окрестные поля, казалась более высокой и золотистой. Огороды и сады были полны зелени, овощами и фруктами, которые были, как на подбор, крупными, спелыми, яркими. А еще повсюду цвел выюнок. Его стебли и усики оплетали каждый забор и изгородь, а цветы на нем были ярко-алые в форме колокольчиков. Вот уж действительно, Цветущий сад...

— У меня в глазах уже рябит от здешних красок, — проговорил Шерман, разглядывая в окно сельский пейзаж.

Село оказалось небольшим, всего три улицы, а на окраине — полуразвалившийся храм, больше похожий на деревянную хижину, двери которой украшало изображение ворона с распахнутыми крыльями и красными глазами. Видимо, это и есть тот самый бог, которому поклонялись местные жители. Я не слишком хорошо знала божественный пантеон, а в древних богах так и вовсе не разбиралась, поэтому этого красноглазого ворона не опознала.

Мы проехали по всему селу, осматриваясь, и на улицах собирались любопытные жители. Они что-то приветливо кричали, живо обсуждали между собой появление столичных гостей. Дети бегали и играли вокруг с радостными выкриками.

— А мы случайно селом не ошиблись? — спросил Данте. — Шерман, это ведь ты изучал карту... Что-то не похожи они на больных.

Шерман еще раз взглянул на карту, спросил у кучера, но по всему выходило, что это и есть та самая искомая деревня. Экипаж остановился около храма, и мы смогли, наконец-то, выйти и поразмяться. Двери скрипнули и распахнулись, отчего черного ворона стало не видно, и мне от этого, почему-то стало спокойнее. На пороге показался пожилой мужчина седыми волосами, собранными в хвост и карими глазами. Одет он был в черный костюм — просторные штаны и рубашку, а на шее у него висела длинная цепочка с кулоном, из которого торчали черные вороньи перья.

— Приветствую, светлейшие, — произнес он низким грубоватым голосом. — Приятно, что не только на богов, но и на магов можно надеяться в трудной ситуации. Меня зовут Сафид. Я настоятель храма Великого Вейлана.

Мужчины переглянулись между собой, нахмурившись.

— Ворон? — спросила я.

— Это одно из его основных воплощений, — с готовностью пояснил Сафид.

— Не думал, что кто-то в Империи еще справляет его культ, — заметил Данте.

— Древние боги самые могущественные, молодой человек.

В словах настоятеля слышалось неподдельное уважение, граничащее с восхищением. Он пригласил нас войти внутрь и поговорить.

— Ты помнишь, чему покровительствует этот Вейлан? — шепотом спросил Данте.

— Понятия не имею, — отозвался Шерман. — Кто их разберет, этих богов...

Мы оказались в тесной комнате, которая заменяла, похоже, необходимые помещения настоящего храма, включая даже спальню настоятеля. Здесь был ветхий деревянный стол, низкая кровать, расколовшийся шкаф, а на стене огромная картина с изображением ворона, а перед ней постамент, уставленный горящими свечами. Магических светильников здесь не было и в помине, к счастью имелось большое окно, впускавшее дневной свет.

— Маловато места для обрядов, — заметила я.

— Мы не проводим обрядом. Истинная вера у человека в душе. Каждый желающий приходит сюда и разговаривает с Вейланом, когда захочет.

— Поговорим о деле, уважаемый Сафид, — сказал Данте. — Что тут у вас случилось? Жители выглядят вполне бодро.

— Нас поразила непонятная кожная болезнь, — ответил настоятель. — Больше симптомов нет, все чувствуют себя хорошо, если бы не это...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сафид закатал рукав до плеча, и на его кожи я увидела красные бесформенные пятна, в центре которых было странное круглое углубление. Целители внимательно осмотрели непонятные отметины, и по их лицам я поняла, что подобное они видят впервые.

— И так у всех жителей, — пояснил настоятель. — Проявилось недели две назад назад буквально за пару дней.

— Пойду-ка я поставлю магический экран вокруг села, — сказал Шерман. — Объявляем карантин. Амари, идем со мной, тебе тоже защита не помешает.

Я послушно пошла за дорингом, чувствуя, что на этот раз у нас очень серьезное дело.

Прекрасная жизнь в Цветущих садах

Шерман первым вышел из храма, о чем-то поговорил с нашим кучером. Я же решила осмотреться и насладиться здешним свежим воздухом, который, без сомнения, отличался от городского. Чувствовалась в нем свобода, простор, а еще... сладкий цветочный запах, что было неудивительным, учитывая обилие зелени вокруг. Поначалу он казался приятным, но через некоторое время становился слишком приторным и навязчивым.

Отсюда виднелись огороды, засаженные всевозможными овощами. В них работали люди, усердно и энергично, о чем-то переговариваясь между собой и смеясь. Пололи траву, поливали, сажали — казалось, что неожиданная болезнь совсем не изменила обыденной жизни крестьян, не помешала ей. Я подошла к высокой раскидистой яблоне, что росла прямо рядом с храмом. Не смотря на середину лета, на ее ветвях висели крупные спелые яблоки с

алыми боками. У меня даже слюнки потекли, тем более обедали мы давно... Я уже встала на цыпочки и протянула руку, чтоб сорвать сочный плод, но что-то меня остановило. То ли неудобно было рвать без разрешения, то ли какое-то смутное ощущение...

— Хорошо здесь, правда?

Я вздрогнула, услышав голос Шермана. Он стоял рядом со мной, откинув голову и прикрыв глаза.

— Да, правда, — отозвалась я.

— Люблю бывать в таких местах, подальше от людской суеты. Даже думаю поселиться в какой-нибудь крошечной деревеньке и наслаждаться покоем в старости... Но здесь как-то слишком все безмятежно, не находите?

— Вы правы, светлейший. Меня не покидает чувство нереальности, словно все вокруг какое-то сказочное, волшебное.

— Цветы эти, от запаха которых уже голова трещит... Овощи огромные, люди все доброжелательные... Неплохое начало для романа ужасов, не находите?

Я даже поежилась от его слов. Доринг улыбался, но я так и не поняла, серьезно он говорит или шутит.

— Вон там подходящее место.

Шерман указал на ближайший холм, с которого, наверняка, будет видно всю округу. Солнце уже садилось, уступая место вечерней прохладе. Я скинула туфли и пошла по траве босой, наслаждаясь приятным покалыванием и щекотанием. Даже трава в этом месте, казалось, была зеленее и сочнее... Хотя, наверняка, это всего лишь мое воображение.

— У вас есть какие-то предположения о том, что случилось с жителями? — поинтересовалась я, рассматривая широкую спину доринга.

— Честно говоря, такие симптомы мне встречаются впервые, но не думаю, что все очень серьезно, — ответил Шерман, останавливаясь, чтоб я поравнялась с ним. — Возможно, реакция на какие-то растения. Семена часто заказывают издалека, с других островов, и неизвестно, что там маги намагичили. Если сами не разберемся, вызовем комиссию из ковена, и все дела... Красивый закат!

Мы остановились на вершине холма и замерли, глядя на алые лучи заходящего солнца. Такое умиротворение стояло вокруг, такая безмятежность... Даже самой захотелось поселиться в подобном месте, как и дорингу. Такое чувство странное... легкости, радости, надежды на светлое будущее...

— Значит, все будет хорошо? — спросила я с улыбкой и наткнулась на хмурый взгляд Шермана.

Приятные ощущения, поглотившие меня мгновенье назад, рассеялись. Мир вновь показался совершенно обычным.

— Не хотелось бы пугать вас, Амари, но у меня дурное предчувствие.

Шерман взял меня за руки, легонько встряхнул и произнес шепотом несколько слов. Кожу закололо, и я поежилась, стараясь избавиться от неприятного ощущения.

— Сейчас пройдет, — сказал доринг. — Это защитное заклинание. Вы магией не владеете, к сожалению. Не хватало еще заразу подхватить от этих веселых крестьян.

Он кивнул в сторону. Жители села возвращались с огородов шумной толпой, пели бодрую песню и махали нам приветственно. Доринг сдержанно кивнул в ответ и отвернулся.

— Карантин не помешает, — заключил он.

Шерман долго водил ладонями в воздухе, шептал заклинание, и я даже увидела на

секунду прямо перед собой полупрозрачную преграду, походившую на мыльный пузырь, но потом все исчезло. Я осторожно протянула руку, но препятствий не ощутила. Магия...

— А Данте не может так? — спросила я, когда мы возвращались в храм.

— Весь его дар ушел в лечение. Такое редко бывает, но очень ценится среди целителей. Он очень сильный, даже сильнее меня в чем-то... Он мне рассказывал о вас.

— Правда? — спросила, смутившись немного.

Шерман улыбнулся, будто прочел мои самые сокровенные мысли.

— В последнее время Данте вообще только о вас и говорит...

Казалось, Шерману нравилось наблюдать за моей реакцией.

— Я стараюсь помогать ему во всем, — ответила, тщательно подбирая слова.

— Данте всегда предпочитал работать один, даже друзей в колене не завел особо. А вам доверился... Это много стоит, впрочем, для того и нужна молодость — время романтики, томных взглядов и сладких речей.

— Вы так говорите, будто совсем старый.

— Дело не в возрасте, юная леди, а в жизненном опыте, — наставительно произнес Шерман, и в его голосе я уловила печальные нотки.

Данте и Сафид ждали нас на улице у входа в храм. Экипаж стоял уже без лошадей, видимо, их уже успели разместить. Кучер вместе с местными мальчишками куда-то понес вещи и книги Данте. Оказалось, для нас выделили целый просторный дом, где можно было отдохнуть с дороги, а с утра приступить к осмотру селян.

Мы вчетвером, переговариваясь, пошли неспеша по улице. Данте расспрашивал настоятеля о том, где крестьяне берут семена и рассаду, где закупают продукты, и не было ли каких-то изменений перед вспышкой болезни. Фарид говорил, что все поставщики проверенные и надежные, да и закупают всегда одни и те же сорта овощей и фруктов, к которым уже привыкли.

— Но вот уже пару лет у вас замечательный урожай, и даже непогода ему не помеха, — заметил Данте. — Значит, все-таки были какие-то изменения. Может, маги постарались?

— У нас все естественно, светлейший доринг, — немного обиженно ответил настоятель. — Любое магическое вмешательство в природу недопустимо. Мы всегда обходились лишь собственными силами, усердно работали, и Великий Вейлан ниспослал нам благодать. Наши земли плодородны, и остается лишь возносить похвалы высшим силам.

Данте переглянулся с Шерманом, скептически изогнув бровь.

— А болезнь, надо полагать, кара небесная? — спросил мой доринг.

Сафид на его сарказм никак не отреагировал, лишь сжал в руке кулон с торчащими перьями и шепнул несколько непонятных слов. Что сказать, религиозный фанатик...

Пока шли к гостевому дому, по дороге я заметила необычное. Несколько домов стояли с заколоченными окнами. В палисадниках не было ни цветов, ни фруктовых деревьев, лишь пожухлая сорная трава. Не было даже пресловутого вьюнка, который, казалось, захватил все вокруг. Поначалу я решила, что эти дома нежилые, но калитка одного из них вдруг скрипнула. В проеме показался мужчина, который воровато огляделся по сторонам, увидел нас и тут же скрылся во дворе, словно чего-то испугавшись.

— А кто живет в этих домах? — спросила я.

— Отступники, — ответил настоятель, презрительно скривившись. — Эти семьи живут в нашем селе уже давно и отказываются почитать Великого Вейланда. Но ворон милостив, а потому мы не гоним заблудшие души. У них свои огороды за околицей, своя земля, но в

общину они не приняты. Неприятные люди, неразговорчивые, злые...

— А кому же они поклоняются, если не ворону? — спросил Данте.

— Кто ж их знает? — отмахнулся Сафид. — Говорю же, не общаются они ни с кем из местных.

Гостевой дом оказался светлым и просторным. Семья, живущая здесь, перебралась к родственникам, предоставив его в наше полное распоряжение. Честно говоря, лично я бы не обрадовалась, если бы у меня дома поселились чужие люди, но в селе этом, как уже стало понятно, царили совершенно особенные нравы. В доме было чисто убрано, имелся хороший запас продуктов, вот только раздражали красноглазые фигурки воронов, растыканные повсюду. Я заняла детскую комнату, судя по обилию игрушек и яркому убранству. Шерман разместился в хозяйской спальне, а Данте — на диване в гостиной поближе к любимым книгам.

Теперь мне предстояло заботиться уже о двух мужчинах. Я приготовила ужин, и мы уютно разместились на небольшой кухне, обсуждая впечатления прошедшего дня.

— С фанатиками мне еще не приходилось сталкиваться, — заметил Данте, с подозрением рассматривая фигурку ворона, которая стояла прямо посреди стола.

Казалось, сам загадочный Вейлан следит за нами через красные глаза статуэтки. Мне было не по себе и хотелось убрать ее подальше, но как-то неудобно было перед хозяевами.

— Возможно, отступники — как раз самые нормальные люди в этом селе, — сказал Шерман. — Завтра и узнаем.

Мы еще немного поговорили, и разошлись спать. За окном совсем стемнело, да и устала я очень, все-таки прошлую ночь не удалось хорошо выспаться в трясущемся экипаже. Однако сон не шел. Безмятежное чувство покоя и уюта с наступлением ночи куда-то испарилось, уступив место непонятной тревоге. Статуэтка ворона, стоявшая на розовом детском столике, казалось, смотрела прямо на меня и ужасно раздражала. Не знаю, чем они здесь их раскрашивают, но красные глаза ворона светились в темноте. Не удержавшись, встала и накинула на статуэтку шаль, которой укрывалась в прохладные ночи. А сон не желал приходить...

Подошла к окну, отдернула шторы и посмотрела на ночное село. Тишину нарушал лишь стрекот сверчков и звуки домашнего скота. Луна была скрыта облаками, и я могла разглядеть лишь темные силуэты домов. Я всматривалась в темноту, и у меня мурашки бежали по коже. Стебли выюнка казались щупальцами неведомого громадного монстра, который стремился поглотить все вокруг, добраться до каждого человека... Вот воображение разыгралось!

Торопливо задернула шторы, словно так могла надежно скрыться от ночных страхов. Закутавшись в ту самую шаль, которую набрасывала на ненавистную статуэтку, вышла из комнаты. В гостиной горел магический светильник. Так и знала, что он тоже все еще не спит...

Почти бесшумно приблизилась, но Данте произнес, не оборачиваясь ко мне:

— Хорошо, что ты пришла, Амари... Не спится?

Доринг сидел на диване, закутавшись в плед, и изучал один из своих бесчисленных справочников по целительству. Я села рядом, заглядывая на страницу, где описывались разновидности кожных болезней. Мужчина притянул меня к себе, обнял за плечи, укрывая пледом.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил он, опалая щеку дыханием.

А я уже забыла обо всех своих глупых страхах. Теперь, когда Данте был так близко, меня уже ничего не беспокоило...

— Не могу заснуть, — прошептала, уютно устроившись на мужском плече. — Не могу...

А сон уже обволакивал, утаскивал в неведомые глубины... Я падала, и сквозь дрему слышала тихий смешок.

— Доброй ночи, феечка...

Его голос ласкал меня, убаюкивал, забирал все неприятное... А, может быть, это были его губы, что так нежно прикасались к моей щеке... Нет, я хочу не так... Пожалуйста, прикоснись к моим губам, прошу... Я так мечтала об этом! Нежный, сладкий поцелуй — его губы на моих губах. Так прекрасно, так правильно, словно ради этого я и жила...

Проснулась резко от слепящих лучей восходящего солнца. Данте спал рядом, откинувшись на спинку дивана, и целовать меня, ясное дело не пытался. Значит, приснилось... Удивительно, но сидя на этом старом диване в обнимку с дорингом я выпалась гораздо лучше, чем в удобной постели. Засмотрелась на спящего мужчину... Не удержавшись, обрисовала кончиком пальца контур его губ. Почти не прикасаясь... И сбежала на кухню, пока Данте не проснулся и не застал меня за этим странным занятием. Нужно было приготовить мужчинам завтрак, ведь сегодня нас ждал очень насыщенный день.

Сафид пришел часа через два. Он сказал, что сегодня жители села не разошлись, как обычно, работать в полях и огородах, а остались дома, чтобы целители могли их осмотреть. Начать было решено с самого настоятеля. Сафид послушно сел на диван, снял рубашку. Странные отметины покрывали только руки. Больной еще раз повторил, они не болели и вообще никак не беспокоили, и больше симптомов болезни не наблюдалось.

— С магической точки зрения ничего необычного не чувствую, — сообщил Шерман.

— У меня тоже ничего, — ответил Данте. — Похоже на обычное раздражение. Попробую стандартный исцеляющий ритуал.

Мой доринг принялся за работу, а его бывший наставник внимательно наблюдал и одобрительно кивал головой. Я чувствовала, что Шерман гордится своим учеником, и сама чувствовала гордость за него. Тем более, ритуал явно действовал, потому что пятна на коже настоятеля становились все бледнее и бледнее, а после стали и вовсе едва заметны. Мужчины, казалось, сами были удивлены таким легким излечением.

— Благодарю, светлейший, — произнес настоятель, разглядывая свои руки. — Зря я считал магию бесполезной.

Целители решили разделиться. Мы с Данте начали с ближайших домов, а Шерман с настоятелем отправились вглубь села, чтобы доринг смог заодно проверить магический фон многочисленных даров природы. Вдруг появится какая-то версия о причинах болезни?

В каждом доме нас встречали неизменно доброжелательно. Симптомы у всех были одинаковые, даже у детей, но стандартный ритуал легко с ними справлялся. Кожа становилась чистой, и уже ничего не напоминало о неприятных отметинах. Это все, конечно, радовало, но все же меня грыз червячок сомнения. Все слишком просто... Не бывает так... Хотя, может, все дело во вчерашних словах Шермана, которому происходящее казалось подозрительным...

— Данте, у вас бывало такое? — спросила я доринга, когда мы шли к очередному дому. — Ну, чтоб так легко все излечивались?

— По правде сказать, так и бывает в большинстве случаев. Это тебе достались такие сложные дела с драконами и подселенцем. Обычно все гораздо прозаичнее... Хотя,

признаться, я не ожидал, что в этот раз все так быстро разрешится.

Доринги целый день занимались лечением. Исцеленные селяне возвращались к своим повседневным делам, работали по хозяйству, в огородах и садах. Обычный день, ну подумаешь, столичные маги приехали...

Мы встретились с Шерманом и Сафидом на главной улице. Шерман рассказал, что ничего особенного в магическом фоне не нашел, разве что व्यюнок выделялся из общей картины. Возможно, это растение как раз и вывели магически, хоть селяне так ратовали за естественность. Впрочем, это уже было не наше дело, ведь ритуал сработал. Дорингам надлежало вернуться в столицу и доложить обо всем в ковен. После в Цветущие сады прибудет специальная группа магов для выяснения причин болезни. А карантинное заклятье до того момента будет действовать.

— Остались только те, кого вы зовете отступниками, — сказал Данте настоятелю. — Их тоже нужно осмотреть обязательно.

Как обычно упоминание об изгоях общины вызвало у Сафида раздражение.

— Это бесполезно, светлейший. Они не станут даже разговаривать с вами, вот увидите.

Данте и Шерман долго стучались в заколоченные окна, просили впустить, обещали помощь, но из домов так никто и не вышел. Я ждала дорингов около забора, и тут услышала шорох. Заглянув в щель между досками, увидела светленькую девочку лет четырнадцати в длинном вышитом платье.

— Подойди сюда, не бойся, — как можно мягче сказала я, но девочка тут же скрылась в глубине двора.

— Что будем делать? — спросила я у целителей.

— Вламываться в дома мы не можем, — ответил Шерман. — Если люди не хотят помощи — это их выбор. Идемте, пора отдохнуть и подкрепиться.

Вернувшись домой, первым делом принялась за готовку, тревожно поглядывая на Данте — он выглядел усталым, хотя и старался шутить. Скоро ему снова будет плохо. За время нашего общения я уже безошибочно научилась определять приближение отката. Глаза у доринга становились пустыми, бесцветными, наполненными невыносимой тоской... Интересно, а Шерману тоже будет плохо? Боюсь, что два болеющих доринга — это для меня слишком.

Данте стало плохо почти сразу после ужина. Шерман отвел его в свою комнату, уложил. Сам он чувствовал себя вполне бодро...

— А с вами не будет так? — спросила я доринга, хорошенько укрывая Данте.

— Нет, Амари, уже не будет. Просто Данте еще не научился рассеивать часть плохой энергии, которую забирает у больных. Это очень сложно и приходит с опытом. Он все берет в себя... Так лечение гораздо эффективнее, но и последствия вы сами видите.

Шерман прикоснулся к руке друга и прошептал несколько слов.

— Побудьте с ним, он скоро заснет.

— Спасибо вам!

Доринг улыбнулся и вышел из комнаты, прикрыв дверь. Данте и вправду засыпал, бормоча что-то неразборчивое сквозь дрему. Я наклонилась, прислушалась.

— Амари... Амари...

— Я рядом, — шепнула и поцеловала его в губы.

Почти невесомое прикосновение... Пусть не так, как я мечтала... Пусть он об этом даже не вспомнит.

Помня о вчерашней бессоннице, решила прогуляться перед сном, подышать свежим воздухом. Не ночевать же, в самом деле, снова вместе с дорингом. Вышла на крыльцо, прошла немного по улице... И чего я вчера испугалась? Хорошо здесь, спокойно. На улице еще попадались редкие прохожие. Они неизменно приветствовали меня, благодарили за помощь. Я уже вернулась к своей калитке, как кто-то сзади схватил меня за руку. Удивляюсь, как не подняла крик на все село. Отпрыгнула, больно приложившись о забор. Передо мной стояла та самая девочка, которую я видела днем во дворе дома отступников. На ней было то самое красивое платье, но теперь я заметила важную вещь. Рукава у платья были короткими, и я ясно видела, что на руках у девочки нет никаких отметин.

— Уезжайте отсюда! — прошептала она, нервно озираясь вокруг. — Уезжайте прямо сейчас!

Девочка попятилась, намереваясь убежать. Я взяла ее за руку, остановила.

— О чем ты, милая? Давай поговорим...

— Гроза скоро! — выкрикнула она и убежала, оставив меня в полном недоумении.

Божественные милости и кары

Что за ерунда тут творится? Честно говоря, эта чудная деревенька уже начала меня раздражать. Жители здесь бросаются из крайности в крайность: то доброжелательны сверх меры, а то вообще гонят прочь, да еще и грозят непонятно чем. Наверное, зря мы не уехали сегодня... Просто Данте нужно было отдохнуть хорошенько, да и приступ очередной...

Я стояла на крыльце и смотрела на дома с заколоченными окнами, которые теперь казались зловещими среди цветущих садов. Глупость, конечно, но ничего с собой поделать я не могла. Даже мурашки по коже бежали от страха... Почувствовав прикосновение, я вскрикнула и чуть не свалилась с крыльца, но к счастью Данте меня подхватил.

— Амари, что с тобой? Ты вся дрожишь.

— Я просто... не знаю, предчувствие какое-то... — ответила я, прижимаясь к нему, наслаждаясь теплом. — Вы зачем встали?

— Мне уже лучше. Тебя долго не было... Расскажи, что тебя так встревожило?

Я пересказала дорингу странный разговор с девочкой.

— Амари, мне тоже отчего-то не нравится это место, — признался Данте. — Завтра мы уедем, и все закончится. Ну что может случиться за одну ночь? Да и гроза эта... Взгляни, на небе ни облачка.

Небо и вправду было чистым и ясным, и непогоды совсем ничего не предвещало. Наверняка, доринг прав. Всего лишь дождаться утра, и вперед — к суете столичной жизни. Хватит с нас сельского умиротворения.

Ночью я проснулась от шума и голосов. Сначала не могла понять, что происходит, но проснувшись окончательно, мне стало ясно, что началась гроза. В другое время я бы не обратила внимание на это, но после странного вечернего происшествия... Я похолодела от страха. Это ведь не может быть совпадением! Завернувшись в шаль, встала и подошла к окну. На улице творилось что-то непонятное. Вся округа была освещена странным оранжевым светом, источника которого я так и не смогла найти. Небо, казалось, опустилось ниже, нависло над селом, словно грозившись вовсе поглотить его без остатка. Черные тучи клубились, и их то и дело прорезали сверкающие молнии. Гром звучал глухо, словно издалека, но от этого было еще страшнее. Казалось, что все самое ужасное только приближается.

В гостиной Шерман и Данте тоже стояли у окна, обсуждая, что же происходит. Я подошла к своему дорингу, взяла его за руку, ища защиты и поддержки. Данте с готовностью обнял меня.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал Шерман. — Можно, конечно, надеяться, что это обычная гроза...

Следующий раскат грома оказался таким оглушительным, что даже стекла задрезбуждали. Я вскрикнула, пряча лицо на груди Данте. Мужчины удивленно охнули, отпрянув от окна, испугавшись, что стекло вылетит. Но оно уцелело, а через секунду по нему забарабанили капли дождя.

— Ты тоже это видишь?

Слова Данте заинтриговали меня, и я решила открыть глаза. Капли дождя светились... Да, буквально горели, словно вместо воды с неба лилась раскаленная лава. Странная субстанция тут же впитывалась в землю, в траву, исчезала в бревнах домов. На стекле светящиеся капли оставляли прозрачные густые подтеки.

У домов зашевелились тени... Присмотревшись, поняла, что это тот самый вьюнок. Он впитывал в себя светящиеся капли и от этого еще больше разрастался, змеился, полз по земле, словно живой, стараясь не упустить ни капли влаги. Сладкий запах усилился, проникая даже в дом, стал резким, тошнотворным, отвратительным...

Неожиданно гром стих, а молнии перестали прорезать небеса. Ночную тишину нарушал лишь мерный стук дождевых капель, а еще мы слышали голоса... Стройный хор голосов, напевавших заунывный мотив. А потом появились люди... Жители села выходили из домов, стояли, запрокинув голову, а светящаяся жидкость омывала их тела, делая одежду и волосы блестящими. Они пели, вознося молитву небесам, их голоса становились громче и громче. Люди, как по команде раскинули руки в стороны, и тут же стебли вьюнка оплели их, а алые колокольчики пульсировали и становились еще ярче, словно тянули кровь из тел.

— Что это такое? — шептала я, в ужасе наблюдая за происходящим.

Мне так хотелось, чтобы маги, стоящие рядом, такие сильные и надежные, защитили меня от всего, убедили, что ничего страшного не происходит...

— Похоже на какой-то ритуал, — ответил Данте. — Уж не от этого ли дождичка их овощи растут, как на дрожжах?

— Эти люди... они будто не в себе.

— Фанатики...

На улице появился Сафид. Он свободно шел, не скованный вьюнком, и гордо осматривал владения. Его одежда и волосы блестели, а глаза светились красным. На его плече сидел ворон с такими же глазами, время от времени поддерживающий монотонное пение громким хриплым карканьем.

— Пойте громче! — крикнул настоятель. — Вознесем хвалу Великому Вейлану!

— Слава Вейлану! — вторил стройный хор голосов. — Слава Вейлану!

Толпа продолжала скандировать, а Сафид двинулся дальше с одобрительными возгласами.

— Да они все просто сумасшедшие! — воскликнул Шерман.

Присмотревшись, я заметила, что из домов так называемых отступников никто не вышел. Это могло означать, что на них странная одержимость селян не действует. Видимо, все дело в искренней вере в этого Вейлана. Нам вот тоже ведь не захотелось выйти на улицу под дождь и горланить молитвы...

— Ребята, кажется дело — дрянь, — сказал Шерман, взглянув на нас с тревогой.

За окном люди перестали восхвалять Вейлана и хором повторяли:

— Изгнать неверных!

Ничего хорошего это явно не сулило, но мы даже не представляли, что делать? Каких кар ждать от древнего божества? Куда бежать? На улицу явно соваться не стоило, ведь неизвестно, что за дрянь капает с небес и как действует на неверующих.

Раздался гул. Он слышался откуда-то снизу, словно из-под земли. А потом неподалеку раздался треск и звон разбитого стекла. Дома отступников сотрясала невидимая сила, а это означало, что... Я едва не оглохла от карканья. Комната разом наполнилась воронами, словно все статуэтки в доме разом ожили. Птицы кинулись на нас. Я закричала, а Данте прижал меня к себе, упал на пол, накрывая меня. Рядом Шерман выкрикнул несколько слов, и отчетливо запахло чем-то горелым, а карканье превратилось в визг. По полу и стенам прошла вибрация, а потом дом затрясся, мебель задвигалась, а с потолка посыпалось что-то...

— Изгнать неверных! Изгнать! Изгнать!

Данте дернул меня и откатился, уберегая меня от падающей сверху балки. У меня очень болела рука. Ворон все же успел меня достать, и глубокая ранка болела и кровоточила. Дымящиеся тельца птиц валялись повсюду на полу. Шерман лежал без сознания, а по его виску стекала капля крови. Данте бросился к нему, оттащил к стене. Я приползла следом, прислонилась к ней спиной, и рядом тут же появилась трещина. Дом рушился... Данте осмотрел Шермана и облегченно выдохнул.

— Жив...

Сам Данте был покрыт кровоточащими царапинами и синяками.

— Изгнать неверных! Изгнать!

Данте взял меня за руку и сказал торопливо:

— Оставайся здесь, Амари! Я прекращу это! Только ни в коем случае не ходи за мной!

Доринг вскочил и выбежал из комнаты, уворачиваясь от взбесившейся утвари и валившихся с потолка осколков лепнины. Я бы бросилась за ним, но не хотелось оставлять раненого Шермана. Я забилась в угол, подтащив доринга к себе, обхватила его голову. Стена была уже вся испещрена трещинами. За окном что-то вспыхнуло, и голоса затихли. Подземный гул прекратился, и стены перестали сотрясаться.

Я бросилась к окну: люди лежали на земле, а дождь почти прекратился, лишь падали редкие капли. Тучи расходились, уступая место первым лучам солнца. Я выбежала на крыльцо и увидела Данте, лежавшего в траве. Закричала, кинулась к нему. Его кожа покраснела, словно от ожога, одежда и волосы блестели. На меня упало несколько капель. Кожу зажгло и выступили красные пятна. Я кричала, звала на помощь...

Из домов отступников выбежали люди — несколько мужчин и женщин. Одна женщина оттащила меня от Данте, укрыла какой-то клеенчатой тканью. Остальные обили доринга водой из ведер и понесли в дом. Я успела заметить, что остальные люди по-прежнему лежали без движения, а стебли выюнка почернели, обуглились...

Кажется, я потеряла сознание, а когда очнулась, увидела рядом ту самую женщину. Она улыбнулась и погладила меня по голове.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально... кажется. Голова немного кружится... А вы...

— Меня зовут Донна. Я из тех, кого местные зовут отступниками.

Моя рука, которую поранил ворон, оказалась перевязана. Только ожоги от дождевых капель болели.

— Спасибо вам... Данте!

Я вскочила и бросилась искать доринга. Гостиная оказалась вся разрушена, повсюду валялись мертвые вороны, а мебель сломана и перевернута. Данте лежал на диване, который теперь стоял посреди комнаты. Его одежда и волосы все еще были влажными, но от светящегося вещества, похоже, следов не осталось. Кожу его лица и кистей рук покрывали коричневые пятна, но мужчина, к счастью, дышал и даже был в сознании. С облегчением увидела Шермана, который разговаривал о чем-то с мужчинами, что помогли Данте. На голове доринга и на израненных руках были повязки.

Я села рядом с Данте, дотронулась до его волос. Ужас, ведь на нем живого места нет!

— Амари, не плачь, — хрипло прошептал он.

Сама не заметила, как по щекам побежали слезы. Осторожно дотронулась до его руки, стараясь не потревожить ожоги, приподняла рукав рубашки. Под тканью кожа тоже оказалась повреждена.

— Я помогу ему, — сказал Шерман, оказавшийся за моей спиной. — Вот только сам немного восстановлюсь.

Доринг дотронулся до повязки на голове и тяжело опустился в кресло. Мужчины ушли, и с нами в комнате осталась лишь Донна. А мы намерены были узнать, что же творится в этом селе.

— Это началось два года назад, — начала рассказ женщина. — Тогда была засуха, и много овощей не уродилось. Ничего фатального, обычные трудности, с которыми мы и раньше сталкивались. Храм Вейлана стоял здесь еще до того, как появилось село. Никто из людей, поселившихся здесь, ему не поклонялся, но храм разрушить побоялись. Все-таки, священное место. А вот Сафид очень заинтересовался древним божеством. Он ездил в ближайший город, рылся в архивах, искал любую информацию об этом культе... Не знаю, что он сделал, но однажды бог ответил ему. Сафид тогда объявил себя настоятелем храма, увещался странными амулетами. Никто не воспринял всерьез его увлечение, и он решил всем доказать, что его вера истинна. Сафид заключил договор с Вейланом — у нас впредь не должно было быть проблем с урожаем.

— А что взамен? — спросил Шерман.

— Сафид не говорил... Мы потом поняли, в какую ловушку попали. Этот бог... ему нужна людская жизненная сила или что-то вроде того. Он... питается ей. Поначалу все шло хорошо. Село процветало, а урожай был просто замечательным. А потом стали пропадать люди... Ворон первым забрал семью Сафида — жену и детей, а тот лишь повторял, что это необходимые жертвы. Потом исчезли еще несколько человек... В грозу, когда впервые пошел этот странный дождь. Он не наносил увечий тогда, но что-то делал с нами, словно превращал в безвольных кукол. Несколько семей, и моя в том числе... мы просили Сафида прекратить это, выступили против, но остальные нас не поддержали. Так мы стали отступниками. И в следующую грозу дождевые капли уже причиняли нам вред, а дома сотрясались. Пришлось строить убежища во дворах, прятаться там всякий раз, когда начиналась гроза. Те, кто попадал под светящийся дождь, превращались в безвольных слуг Вейлана. Все заросло этим вонючим вьюнком... Он пьет из людей кровь, питает ворона энергией. Каждую грозу мы дрожали, сидя в убежищах, а когда все заканчивалось, восстанавливали сломанную мебель, покореженные стены... Этот ужас происходил

примерно раз в три месяца.

— Почему вы не уехали отсюда? — спросила я.

— Мы пытались, но для нас это невозможно. Дорога будто заколдована. Куда бы не поехал — возвратишься обратно. А одержимые свободно могут ездить куда угодно, торговать. У них ведь и мысли нет о побеге.

— Зачем Сафид вызвал нас? — спросил Шерман.

— Вьюнок появился где-то полгода назад, и после гроз люди, очнувшись после дождя, стали все забывать. Они не помнили, что происходило, что их кровь выкачивали, и даже о договоре забывали. Видимо, это растение так действует. Они лишь славил Вейлана, работали усердно и нас, как полагается, старательно игнорировали. А после последней грозы, пару недель назад, Сафид вдруг решил вызвать целителей лечить кожную болезнь, хотя раньше отметины от вьюнка никого не беспокоили. Мы думали, вы быстро уедите, и ничего плохого не случится... А вечером увидели, что вороны кружатся над храмом. Так бывало перед каждой грозой. Мила, дочка моя, побежала предупредить вас, да только поздно было уже... Похоже, Вейлан вовсе решил известить всех, раз так быстро вернулся.

За окном раздавались голоса. Люди приходили в себя, недоуменно рассматривали руки в отметинах, обугленные стебли вьюнка, бродили по улице с удивленными лицами.

— Проснулись, — сказала Донна, усмехнувшись. — Они ничего не вспомнят...

— Как Данте удалось остановить это? — спросила я, глядя доринга по волосам.

Он закрыл глаза и, кажется, задремал.

— Он выплеснул всю магию, которая была в нем, — ответил Шерман. — Это повредило портал.

— Портал? — удивленно переспросила я.

— Боги, Амары, это такие же живые существа, как и мы, только из миров высшего порядка. Их логику и желания нам никогда не постичь... Они приходят в наш мир порталами, когда захотят поразвлечься, а иногда помочь или подпитаться энергией. Вейлан, возможно, какая-то паразитическая сущность, которой подходит людская энергия.

— Светлейшие, прошу вас, помогите нам, если сможете, — попросила Донна, поклонилась нам и ушла к родным.

— Что нам делать? — спросила я.

— Я отправлю вестника в ковен. Нужно сообщить Императору, ситуация-то из ряда вон... Здесь понадобится целый отряд магов, причем боевых. Да и целителей нужно побольше. Ума не приложу, что делать с людьми. Этот странный дождь... Он как-то влияет на ауру, разрушает ее. Будто капли оставили отметины не только на коже, но и жизненная энергия стала рваной, тусклой. А у Данте еще и магическое истощение... Он все выплеснул, понимаете? Все, что было внутри, всю магию...

— Это очень плохо? — осторожно спросила, похолодев от страха.

— Очень, — тихо ответил Шерман, и по его глазам я поняла, что все не просто плохо, а почти безнадежно.

— Ему нужно в госпиталь при ковене... Нужно восстановить магический резерв, и только тогда ауру можно будет вылечить, но...

— До госпиталя слишком далеко, — закончила я за доринга, глядя на Данте, который едва дышал.

Нет, так не должно быть! Данте не может исчезнуть из моей жизни! да я сама лучше умру! Бросилась в комнату, отыскала среди обломков мебели сумку, достала шкатулку...

Кулон, исполняющий желания, или лиловая веточка? После нескольких секунд раздумий, вернула паучка на место и вернулась к Шерману. Протянула ему веточку.

— Светлейший, вы знаете, что это?

Глаза доринга округлились. Он протянул руку и взял у меня растение так бережно, словно самое величайшее сокровище. А я поняла, что в очередной раз мне удалось всех удивить подарками мойры, которые были собраны словно из разных миров и времен.

— Это же мандрагора, — прошептал Шерман. — Невозможно... Немыслимо... Я читал о ней лишь в справочниках, она вообще считается едва ли не мифической!

— Это поможет Данте? — нетерпеливо спросила я о том, что меня интересовало в первую очередь.

— Конечно... Нужно сварить отвар. Он поддерживает жизненные силы, спасает даже безнадежно умирающего...

— Тогда поторопитесь, Светлейший! — воскликнула я, потянув мужчину на кухню.

— Амари, откуда у вас мандрагора?

— Не спрашивайте, прошу вас! Быстрее, пожалуйста, быстрее!

Время откровений

Шерман методично помешивал бурлящее зелье в небольшой кастрюле с цветочками. Ни дать, ни взять, настоящий ведьмак. Вариво получилось густым и ярко-лиловым, совсем как листья мандрагоры. Книга Данте о лекарственных травах очень пригодилась, пусть даже это растение числилось там в разделе исчезнувших. Я как всегда полна сюрпризов...

Сильный аромат от зелья перебил тошнотворный запах цветов вьюнка вперемешку с горелым. Очнувшиеся люди сначала скрылись в домах, а потом принялись за свои обычные дела. Они ходили по улицам, даже не обращая внимания на обугленные стебли под ногами. Вид у всех был потерянный, угрюмый. В наш дом никто не приходил, словно о существовании дорингов и вовсе забыли. Шерман отыскал нашего кучера, который тоже пострадал от дождя. Вылечить его оказалось намного легче, чем Данте, ведь магическое истощение к ожогам не прилагалось. Правда, теперь кучер наверняка не захочет работать на магический ковен, после таких-то приключений.

Шерман отправил вестника в столицу, и теперь оставалось только ждать помощи и надеяться, что она придет как можно раньше, ведь неизвестно, когда Вейлан вновь объявится, чтобы пожить.

Донна снова пришла вместе со своей дочерью — той самой девочкой, что предупредила меня об опасности. Оказавшись в собственном селе, как в ловушке, отступникам приходилось нелегко. Ни о какой торговле речи не шло, да и урожай перестал радовать, как только они выступили против культа ворона. Людям приходилось довольствоваться теми крохами, что давала земля, а еще, что греха таить, подворовывать у одержимых селян. Так и жили, словно в опале, не зная, каких неприятных сюрпризов ожидать от следующего дня. Когда мы появились в селе, они даже подумали, что это очередные проделки безумного божества. Лишь та девочка втайне от всех решила предупредить меня. А потом, когда Данте остановил все это безумие, отступники поняли, что мы, возможно, их последняя надежда на спасение.

Зелье, наконец, было готово, и у меня появилась надежда, что с Данте все будет хорошо. Он уже пару часов лежал без сознания, и лишь мерное дыхание показывало, что в нем по-прежнему теплится жизнь. Мужчина будто в одночасье постарел на несколько лет — под

глазами залегли тени, скулы заострились, а на висках проступила седина. Я боялась спрашивать, но по взгляду Шермана, когда он смотрел на друга, понимала, что дело плохо. Магическое истощение, поврежденная аура... Как же я мечтала, что он сейчас откроет глаза, улыбнется привычно и прошепчет: «Ну, что ты плачешь, феечка? Со мной все хорошо...» Но Данте молчал, а я не могла сдержать слез.

Шерман принес стакан с зельем из мандрагоры, сел рядом с другом и чуть приподнял его, чтобы напоить. Шерман больше не спрашивал, где я взяла растение, которое уже лет сто как никто не видел, но бросал взгляды, полные подозрения. Интересно, что будет, если я расскажу ему всю правду? Поверит ли он мне? А, может, запрет в Доме скорби... Нет, если я бы и рассказала кому-то, то только Данте. Только бы он очнулся, только бы поправился!

— Давай, друг, очнись... Ну же!

Веки Данте дрогнули. Я едва не вскрикнула, когда увидела, что глаза у него словно подернулись полупрозрачной белесой пленкой. Его красивые голубые глаза, в которых я тонула...

Шерман заставил Данте выпить все зелье до капли. Мой доринг без сил опустился обратно на кровать и затих. А мы ждали чего-то... какого-нибудь эффекта, знака, что ему стало лучше. Мужчина вдруг дернулся и зашелся мучительным кашлем. Его щеки порозовели, а на лбу выступила испарина. Он попросил пить. Я сбегала на кухню за водой. Данте взял стакан дрожащими руками, сделал несколько жадных глотков. Шерман взял его за руку, на мгновение зажмурился.

— Жить будешь, — констатировал он. — И больше не вздумай так пугать нас.

— Не могу обещать, — хрипло ответил Данте.

— Если шутит, значит, до госпиталя продержится.

Шерман вышел из комнаты, оставив нас одних. Я обтерла лицо доринга влажным полотенцем, пригладила растрепанные волосы. Сколько раз я видела его обессиленным во время магических откатов, но сейчас мое сердце просто разрывалось. Данте смотрел перед собой невидящим взглядом. Он поднял руку, дотронулся до меня, словно убеждаясь, что я рядом, скользнул ладонью по щеке.

— Амари, — шепнул он. — Знаешь, я и не знал, что способен на такое... Я так хотел вас спасти, прекратить этот хаос... Просто выплеснул всю магию в небо и все, провал. Оказывается, я годен не только для лечения...

— Вы самый лучший, — прошептала я. — Самый сильный... Все пройдет, и вы обязательно поправитесь.

— Амари, милая Амари... Добрая моя феечка...

А к вечеру село наводнилось разношерстными столичными магами. Они явились не обычным способом, а через порталы, чем изрядно напугали меня. Когда я увидела в окно, что прямо в воздухе возникает сияющий белый проход, чуть сознание от страха не потеряла. Думала, оттуда Вейлан собственной персоной появится. Были среди магов целители, которые не носили отличительной формы, как и Шерман с Данте. Были маги в сверкающих серебряных доспехах — боевые. А еще маги в длинных черных мантиях, увешенные с ног до головы непонятными штуками — маги-артефакторы. Прибыл сам глава ковена дорингов, а еще начальник магической службы при дворе Императора. Когда я увидела всю эту великолепную команду, у меня не осталось сомнений, что проблема будет решена.

Вейлан оказался древней сущностью одного из миров высшего порядка. Бессмертное существо, после многих тысяч лет нуждающееся в энергетической подпитке, не

гнушающееся кровью, плотью, страхом и другими эмоциями. Как и прочие сущности, не обделен манией величия, а потому ждал от людей беспрекословного поклонения. Вейлан терроризировал людские поселения долгое время, пока маги не изгнали его и не запечатали на границе двух миров. Сафид от любопытства и по глупости освободил его из заточения, вычитав подходящий ритуал в манускрипте. Для этого, оказывается, не нужно обладать магическими способностями. Достаточно правильного призыва, или в просторечье — молитвы. Как сказал Шерман, все эти подобные сущности — и есть те, кого люди считают богами. Прожив дольше, чем существует наш мир, и познав все тайны бытия, им остается лишь наблюдать за насыщенной жизнью созданий, которые еще способны чувствовать, любить и ненавидеть, страдать и радоваться. Некоторые боги помогают, другие же ищут свою выгоду.

Вейлану требовалась энергия, много энергии. Заключив договор с Сафидом, он превратил людское село в собственную арену для развлечений. Тут для него было все: радость жителей от неожиданно наладившейся жизни, безмерное преклонение, страх и отчаяние отступников... Но богу требовалось все больше и больше. Люди пропадали, а мерзкий вьюнок устраивал кровавый пир. Но время шло, и губительное воздействие божественной магии все больше сказывалось на людях. Они теряли память, рассудок, становились словно механические куклы. Очнувшись в очередной раз после дождя, настоятель решил позаботиться о жителях и вызвал целителей. Но и здесь Вейлан решил поживиться, явился раньше срока, чтобы добить, выжать все соки из своих безвольных рабов... А Данте ему помешал, едва не поплатившись жизнью.

Жителям Цветущих садов предстояло долгое лечение, и никто не мог дать гарантии, что их ауры полностью восстановятся. Слишком уж серьезные повреждения. Отступникам же было обещано новое жилье, и они с радостью согласились покинуть место, с которым было связано так много плохих воспоминаний.

Для нас маги открыли портал, ведущий напрямик в ковен. Шерман не позволил мне остаться с Данте, пообещав, что доринги позаботятся о нем. Я всю ночь не спала, все думала о нем... К счастью на следующий день Шерман отвез меня в госпиталь при ковене целителей и договорился, чтобы меня пустили к Данте. Правда, поговорить не удалось, потому что доринга погрузили в магический сон, чтобы силы быстрее восстановились. Я посидела рядом с ним, поговорила немного шепотом... О том, как жду его, как скучаю по нашим разговорам, как мечтаю о том, чтобы ему больше никогда не было больно.

Три недели Данте пребывал в магическом сне. Я навещала его почти каждый день. Целители без вопросов пускали меня к нему, решив, похоже, что я его возлюбленная. Мне было все равно, лишь бы видеть его. И вот, наконец, настал день, когда доринг очнулся. Зрение еще не полностью восстановилось, но чувствовал он себя намного лучше, хоть и был еще слаб. Я чуть не закричала от счастья, когда увидела его сидящим в кровати, улыбающимся.

— Я знаю, что это ты пришла, любопытная феечка...

Бросилась к нему, обняла, даже не задумываясь о приличиях. С густой щетиной на лице он выглядел старше, но все равно оставался для меня самым красивым мужчиной на свете.

— Я так переживала за вас, очень!

— Амари, прошу тебя... Мы столько вместе пережили, так что прекрати все эти церемонии! — с притворной строгостью попросил доринг. Ты ведь не только моя помощница, но и добрый друг... Больше, чем друг...

— Как хорошо, что вам... тебе лучше...

Данте поправлялся быстро. Я с удовольствием готовила для него, носила в госпиталь всякие вкусности. Зрение восстановилось полностью, и дорингу разрешили прогулки. В один из таких дней мы отправились прогуляться по саду вблизи госпиталя. Данте взял меня под руку, и мы шли неспеша, разговаривая о разных пустяках. Ту историю с Вейланом мы не обсуждали с тех пор, как Данте очнулся. Я была даже рада этому, но в то же время понимала, что рано или поздно разговор все равно состоится. Доринг опустился на скамейку под раскидистой яблоней, увлекая меня за собой. Некоторое время мы молчали, а потом мужчина произнес, внимательно глядя на меня:

— Шерман рассказал мне о мандрагоре.

Я промолчала, не зная, что сказать.

— Сначала чешуя дракона, потом волшебный гребень, о котором вообще никто ничего не слышал... Теперь это... Снова достала из своей загадочной шкатулки?

Кивнула, отводя глаза. Данте придвинулся ближе, приобнял меня, прошептал, опалая дыханием лицо:

— Амари, я обязан тебе жизнью... Ты самое удивительное создание в этом мире. Я понял это сразу, как только увидел тебя... Ты фея, настоящая фея...

Я слушала его, и голова шла кругом от слов, от его близости.

— Как бы мне хотелось отплатить тебе тем же, Амари... Знаю, ты не любишь, когда я спрашиваю об этом, но я вижу, что тебя гнетет что-то, беспокоит. Знай, ты всегда можешь рассчитывать на меня, можешь довериться, обратиться за помощью... Я все для тебя сделаю.

Я смотрела в его глаза и таяла... таяла... Какой же он необыкновенный! Если чужая судьба послала мне этого мужчину, я готова с ней смириться. Само провидение сжалилось надо мной, скрасило долгие годы одиночества и грусти. Мне так захотелось рассказать Данте обо всем, что произошло со мной. Я так долго молчала об этом, так долго хранила на душе этот тяжелый груз, слишком долго. Даже если это грозило появлением Стражей, я готова была рассказать дорингу обо всем. Я нуждалась в этом... нуждалась в понимании, в утешении, в близости.

Я говорила долго, рассказывала все подробно, словно заново погружаясь в прошлое, словно в очередной раз сама старалась понять, как же можно было избежать роковой ошибки. Я говорила, говорила, а слезы катились по щекам, и Данте бережно стирал их теплыми пальцами, смотрел на меня внимательным и нежным взглядом. Он слушал, не перебивая, давая мне возможность выговориться, выплеснуть боль и горечь, скопившуюся в душе.

— Мойра сказала, что судьба моя будет несчастной, что я сама все испортила, и ничего изменить нельзя. Я смирилась, правда смирилась...

— Не стоит, Амари, — впервые нарушил молчание Данте. — Не все зависит от богов помни это. Да и в линии судьбы записано не все. Человек сам может многое изменить.

— Тогда я не думала об этом, а лишь о том, что жизнь моя закончилась. Мойра пожалела меня и решила одарить меня. Сказала, будто дары ее могут скрасить несчастливую судьбу. Три предмета, совершенно непонятных мне. Я не знала, что это такое и для чего предназначено до тех пор, пока не стала работать с вами. Всякий раз я будто чувствовало, что мне поможет один из даров: чешуя дракона, золотой гребень или ветка мандрагоры. Есть еще один дар, который остался у меня...

Цепочку с паучком я теперь носила на шее, ведь шкатулка стремительно опустела, и не

было нужды хранить там один лишь последний дар. Чешуя дракона растворилась во время ритуала, из мандрагоры Шерман сварил зелье, а гребень, почерневший и утративший силу забрал Данте, когда пытался хоть что-то выяснить об этом артефакте. Я вынула кулон из-под ворота платья и показала дорингу.

— Вот он, последний дар мойры. Единственный, о назначении которого она мне рассказала.

У Данте глаза расширились от удивления. Он взял кулон двумя пальцами и рассматривал так потрясенно, словно не верил собственным глазам.

— Это ведь то, о чем я думаю? Я читал о нем, но думал, что это всего лишь легенда. Артефакт, исполняющий желания, меняющий судьбу...

— Да, так мойра и сказала. Я пока еще не знаю, как этот дар может повлиять на мою судьбу...

— Амари, — позвал вдруг Данте, глядя на меня странным взглядом. — Знаешь, я... Он будто хотел сказать нечто важное, но никак не решался.

— Если бы ты... если...

— Данте, что ты хочешь сказать?

Я видела, что рука доринга, сжимающая кулон, дрожала. Он смотрел на меня еще несколько томительных секунд, а потом отпустил паучка и отвернулся, отчего-то нахмурившись.

— Данте... — шепотом позвала я. — Ты ведь не думаешь, что я все выдумала? Как те целители из Дома скорби...

Доринг взглянул на меня, будто очнувшись от собственных мыслей, вновь обнял меня, погладил по волосам.

— Что ты, Амари, конечно, я верю тебе. Мне очень жаль, что так все случилось, поверь. Но в моих силах сделать так, чтобы твоя жизнь стала ярче, счастливее...

После разговора с Данте я чувствовала такую легкость, какой не бывало много лет. Стражи и вправду явились той же ночью. Безликие монстры, которые окружили мою кровать, а я вновь лежала скованная ужасом, не в силах пошевелиться, не в силах прогнать их. Я слышала шепот, но не могла разобрать ни слова. Но понимала главное — Стражи обещали мне наказание за то, что пошла против судьбы, за то, что рассказала обо всем. Мне не было страшно. Я вообще ничего не боялась с тех пор, как встретила Данте. А самое главное — я не боялась будущего. Я еще не разобралась до конца, что же значу для этого мужчины, но верила, что он не оставит меня в беде.

Наш договор с Данте закончился, и я перестала быть помощницей целителя. Когда нянечка Роза сообщила, сколько денег доринг перевел на мой счет, я едва дар речи не потеряла. Сумма оказалась в несколько раз больше оговоренной. Теперь я могла не только оплатить год обучения в Академии, но и жить безбедно все это время, тем более учитывая мои скромные запросы, могла купить все необходимое для учебы.

Я пыталась поговорить с Данте, объясняла, что мне неудобно принимать такую сумму, но доринг и слушать ни о чем не хотел. Лишь сказал, что я всегда буду для него самой лучшей помощницей, и он обязательно будет брать меня с собой в путешествия, если у меня будет свободное время. А пока мне нужно было готовиться к поступлению, ведь до осени оставалось не так уж много времени. Впрочем, экзаменов я не боялась, да и рекомендации из приюта и статус сироты намного увеличивали мои шансы на поступление. Моя главная мечта сбывалась стремительно, и это необычайно радовало. Но и без огорчений не

обошлось. Данте после лечения и восстановления магического резерва требовалась переподготовка, и он уезжал в другой город на пару недель. Мне было так жаль расставаться с ним, что даже плакать хотелось.

Мы прощались с дорингом около ворот приюта. За углом его ждал экипаж, а я отчаянно пыталась не разреветься. Отчего-то казалось, что скоро все изменится не в лучшую сторону. Наверное, появление Стражей так на меня повлияло. Обычно они надолго заражали меня беспричинной тоской.

— Амари, ну чего ты грустишь? — укоризненно спросил Данте. — Можно подумать, что я на год уезжаю... Всего лишь две недели. Вот вернусь и обязательно проверю, как ты готовилась к экзаменам.

Я лишь грустно кивнула. Мужчина подошел ближе и осторожно притянул меня к себе.

— Обещаю, что сразу же навещу тебя, как только вернусь.

— Правда?

— В первую очередь приду к тебе... Держи!

Данте взял большую коробку, повязанную яркой лентой, стоявшую за его спиной, и протянул мне.

— Это подарок, — сказал он, улыбнувшись. — Погляди...

Я развязала ленту и сняла крышку, пока Данте продолжал держать коробку. Там оказались учебники, тетрадки, письменные принадлежности. Все новенькое, красивое, дорогое... Я даже ахнула от восхищения, но тут же смутилась.

— Данте, не стоило... Ты и так много мне заплатил...

Мужчина молча запаковал все, как было, сунул подарок мне в руки и нежно поцеловал в щеку.

— До встречи, Амари!

Данте ушел, а я еще долго стояла, смотря вслед экипажу, и глупо улыбалась. Уже потом, внимательно рассматривая подарки, увидела на дне коробки открытку с белыми розами, на которой обнаружилась надпись: «Моей феечке».

Рядом с тобой

Впервые за долгое время я чувствовала себя счастливой. Просто ходила и улыбалась, а иногда ловила себя на мысли, что попросту не слушаю собеседника, увлеченная собственными грезами. Эбби без труда разгадала причину моего состояния и снова принялась меня предостерегать. Мол, взрослый мужчина, маг, что бы он нашел во мне? Наверняка, из какой-нибудь корысти... А что с меня взять? Может, поразвлечься решил с глупенькой сироткой... Поиграется да и исчезнет, только его и видели... То ли правда подруга за меня переживала, а, может, завидовала просто. Мне было все равно...

Я не верила, что Данте может быть таким... Он казался мне самым замечательным, самым добрым, самым ласковым... Хотя, ласки я от него не видела особо наяву, но вот во сне постоянно. Я почти ощущала его теплые объятия. Он целовал меня, прикасаясь необычайно нежно, и меня наполняли такие невероятные эмоции, что просыпалась я с бешено бьющимся сердцем, и было жаль до слез, что это всего лишь сон.

Две недели без доринга, которые показались мне вечностью, подходили к концу. Я ждала его все время, думать ни о чем другом не могла. Иногда грустно становилось... Думала, наверняка забыл обо мне, ну кто я для него в самом деле? Но сердце тут же твердило, что Данте выполнит обещание, придет ко мне. И так захотелось быть красивой,

нравиться ему. Я даже купила несколько новых ярких платьев, убедив саму себя, что во время учебы в академии мне необходимо будет хорошо одеваться. Хотя, чего греха таить, истинная причина состояла вовсе не в этом. Мне хотелось, чтобы Данте смотрел на меня с восхищением, как в тот день, на танцах.

Сегодня утром я проснулась в отличном настроении. Меня не покидало ощущение, что случится нечто замечательное! Я тщательно уложила вьющиеся волосы, надела самое красивое изумрудное платье, отделанное кружевом и вышивкой из бисера. Я привыкла одеваться скромно, и перед Данте я появлялась в непримечательных простых нарядах с глухими воротничками и без украшений. Теперь же в зеркале я видела милую девушку с сияющими карими глазами... И дело было не столько в наряде, сколько в предвкушении чуда.

Я повела своих детишек на прогулку в сад. Они бегали, играли, а я сидела на скамейке и наслаждалась солнечным летним днем. Ощущение пришло неожиданно... Такое теплое, обволакивающее, словно объятия... Открыла глаза и увидела Данте. Он стоял, прислонившись к стволу яблони, и внимательно наблюдал за мной. Сначала думала, что это всего лишь видение, вызванное тоской и огромным желанием увидеть доринга. Но видение исчезать не хотело... Мужчина не сводил с меня глаз, а на его губах появилась улыбка. Он рассматривал меня, словно видел впервые. Он любовался... И в мужских глазах я снова видела то самое восхищение, о котором мечтала со дня танцев.

Я пошла к нему, медленно, словно опасаясь, что Данте исчезнет. Доринг двинулся мне на встречу, улыбаясь задорно, как всегда бывало. На нем была дорожная одежда: темно синий костюм с голубой рубашкой и тонкий плащ. Неужели он и вправду приехал ко мне, как только вернулся в столицу, и даже домой не заезжал? Когда Данте приблизился так близко, что можно было дотронуться, я не выдержала... Бросилась к нему, обняла так крепко, как только могла. Мужчина вздохнул с облегчением, словно долго этого ждал, обхватил меня в ответ за талию, приподнял и закружил. Я вцепилась в его плечи изо всех сил. Мне казалось, что если отпущу, то тут же воспарю над землей от переполнявших чувств.

— Амари... феечка моя маленькая, — прошептал Данте. — Как же я по тебе скучал!

Доринг поставил меня на землю, погладил по щеке... Его ладони спустились на плечи, провели вниз по рукам, сомкнулись на талии.

— Какая же ты красивая...

— Я тоже скучала, — шепнула, едва не сгорев от стыда.

Щеки пылали от смущения, а ноги подкашивались. Он рядом и смотрит так, как мне мечталось... И прикасается...

— Я только приехал... Сразу к тебе, как обещал. Смотри...

Данте вынул из кармана что-то маленькое и блестящее, вложил в мою руку. Это оказалась заколка для волос, украшенная мелкими цветами, выложенная из разноцветных сияющих камней. У меня никогда не было украшений... Только цепочка с паучком, да и то я стала носить ее лишь недавно...

— Нравится?

— Очень... Спасибо!

Данте осторожно заколол прядь моих волос, стараясь не причинить боли, ласково погладил по щеке. Детские возгласы вернули меня в реальность. Мои воспитанники окружили нас и во все глаза рассматривали доринга. Данте с готовностью ответил на все детские вопросы, даже покатал на плечах малышей.

— У нянечки Амари жених появился! — шептались девочки постарше и хихикали.

Прекрасный, невероятный сон...

Данте взял меня под руку, отводя от расшалившихся детей, и сказал:

— Встретимся вечером?

Мужчина смотрел с затаенной надеждой, словно опасался, что я откажусь. Но разве я могла? Ничего бы не остановило меня в тот момент: ни предостережения подруги, ни угрозы Стражей. Но что-то на грани сознания, что-то едва уловимое мешало мне, беспокоило...

— Если ты хочешь... — прошептала, опустив глаза.

Данте нахмурился, обхватил пальцами мой подбородок и заставил посмотреть на него.

— Я ужасно по тебе скучал, Амари, — вкрадчиво произнес он. — Постоянно о тебе думал, вспоминал... Любопытное создание... Как же я привязался к тебе...

— Данте, я... тоже... тоже...

Я так и не смогла выразить все, что творилось на душе, да и не смогла бы произнести вслух... Люблю? Наверняка... Уверена, что любовь должна быть именно такой.

— Я приеду за тобой в шесть, идет? — быстро сказал Данте, прикасаясь губами к моей руке.

— Хорошо, — шепнула я.

День как назло тянулся невероятно медленно. Вечер никак не хотел наступать, а я уже вся извелась от нетерпения. Данте, мой Данте... Как же я счастлива, что он появился в моей жизни. А даже если исчезнет, мне будет, что вспомнить холодными одинокими вечерами...

Я увидела экипаж Данте в окно. Взглянула в зеркало, дотронулась до сияющей заколки в волосах, поправили платье. Данте ждал меня, о чем-то разговаривая с кучером. Увидев меня, подошел, поцеловал в щеку и повел по улице, взяв за руку.

— Ты не против прогуляться? — спросил он.

Я лишь улыбнулась, глядя в его глаза, стараясь разгадать, что же он чувствует, когда смотрит на меня? Кого он видит? Неужели любимую девушку? Думать об этом было необычайно приятно, но и страшно одновременно... Привязанность ведь разная бывает. Может, я дорога ему просто как друг. Может, он просто благодарен мне за спасение, за помощь? А может, и вовсе пожалел, услышав мою грустную историю?

— Амари, ты так внимательно смотришь на меня... Что ты стремишься увидеть?

— Хочу понять, что ты чувствуешь...

— Ты можешь спросить. Я весь открыт для тебя...

Данте поднес мою руку к губам и прикоснулся легким поцелуем. Так мы и шли, держась за руки, словно самая обычная пара, болтали и смеялись. Я даже не заметила, как мы оказались около дома доринга. Я немного растерялась... С одной стороны, в этом не было ничего такого, ведь я и раньше бывала с Данте наедине, но для этого всегда находилась какая-то уважительная причина. Сначала уборка, потом спасение несчастного мага от последствий ритуала, потом статус официальной помощницы. А теперь?

— Ты боишься меня, Амари, — спросил Данте, заглядывая мне в глаза. — Не бойся, я ни за что не обижу тебя. Просто позволь мне быть рядом...

Я снова оказалась в его доме, как в сказке. Рассматривала удивительные фрески на стенах, листала древние фолианты в библиотеке. Доринг наблюдал за мной с улыбкой умиления. Что-то рассказывал увлеченно, но я едва понимала, ведь когда смотрела на него, все вокруг теряло смысл.

— Пора поужинать, — объявил он и повел меня на кухню.

— А ты говорил, что проверишь, как я подготовилась к экзаменам.

— Считай, что сегодня у тебя выходной. Кроме того, я и так уверен, что ты отлично подготовилась.

— Все благодаря тебе, — призналась я. — Ты мне столько всего рассказывал, и книги твои... Я столько всего узнала...

Данте замер, глядя на меня. Мы стояли на лестнице: я — на несколько ступенек выше. Мужчина приблизился, и мы оказались с ним на одном уровне, глаза в глаза. Ближе, еще ближе...

— Амари...

Его дыхание обожгло, но сама я дрожала, словно в лихорадке. Он обнял меня осторожно, провел ладонями по спине.

— Ты позволишь мне?

Не понимала, о чем он спрашивает. Не важно... Можно, все можно... Его губы прикоснулись к моим. Я охнула и отшатнулась, потеряв равновесие, но Данте меня удержал. Такая реакция удивила и меня саму, но эмоции настолько затопили меня, что я боялась утонуть в этом водовороте.

— Тише, милая, прости... — зашептал он. — Ты можешь быть счастлива, просто поверь. Боишься Стражей?

Я кивнула, прижимаясь к нему, ища защиты. Мне и правда было тревожно, и даже не столько из-за Стражей... Было чувство, что радость моя не долго продлится, что невозможно для меня счастье, как и предупреждала мойра, хоть и одарила. Чувства мои были с привкусом горечи.

— Не бойся ничего, Амари, я ведь с тобой. Я прогоню их, обещаю... Мы вдвоем, и нам никто не помешает...

Данте провел губами по моей щеке, поцеловал в уголок губ и чуть отстранился, заглядывая мне в глаза, улыбаясь так тепло, что я на мгновение позабыла обо всех страхах.

— Обещаю, я не буду торопиться, — шепнул он, взял меня за руку и повел на кухню, откуда доносился аппетитный запах.

Доринг усадил меня за стол и сам накрыл ужин.

— Ты это все сам приготовил? — удивилась я.

— Слышу в твоем голосе недоверие, Амари, — укоризненно сказал Данте, усаживаясь напротив. — Я, знаешь ли, не только талантливый целитель, но и кулинар неплохой.

— А я думала, ты все же нашел домработницу...

— В этом дом я не хочу видеть других женщин... Кроме тебя, — ответил доринг совершенно серьезно.

Ужин оказался просто замечательным. И вообще казалось таким естественным вот так сидеть с дорингом за одним столом вечером, обсуждать прошедший день... Слушать его увлекательные рассказы, самой делиться чем-то и знать, что он искренне интересуется моими делами, переживаниями. Наверное, это самое ценное, что может быть у человека — другой близкий человек рядом, который так же сильно нуждается в нем. Непередаваемое чувство...

После ужина вернулись в гостиную. За окном уже совсем стемнело, и пора бы мне возвращаться в приют, все-таки приличия... Хотя о каких приличиях может идти речь, если мы с Данте уже едва не поцеловались? И как же не хочется уходить...

— Амари, побудь еще немного, — попросил Данте, заметив перемену в моем

настроении. — Мне так хорошо с тобой... Ведь знаешь, что даже боль проходит, когда ты рядом.

Я подошла к нему, подняла руку и погладила по щеке, рассматривая, запоминая каждую черточку. Какой же он красивый... Никогда не встречала таких красивых мужчин... Данте поймал мою руку, коснулся губами, потянул меня на диван. Я села рядом с ним, касаясь плечом, потому что быть далеко уже не было сил. Несколько секунд мы молчали, а потом доринг притянул меня к себе. Я с готовностью положила голову ему на плечо и прикрыла глаза, как бывало раньше, когда мне было страшно, или я не могла уснуть во время какого-то дела... Все, что было раньше, растворилось, помутнело, оставив только эти волшебные минуты и нас двоих.

— Амари, — шепнул он. — Взгляни на меня...

Мужчина вдруг приподнял меня и усадил к себе на колени. Наши лица оказались так близко, всего одно движение, и губы сомкнутся... Но доринг ведь обещал не торопиться. Его руки блуждали по моему телу, и я чувствовала жар его ладоней сквозь тонкую ткань платья. Ничего непристойного, лишь нежность... Как же я хотела этого, как истосковалась по ласке!

— Моя девочка... Самая нежная, самая сладкая... Как же ты нужна мне...

Я не верила, что он говорит это... Не может такого случиться со мной, никак не может...

— Я только поцелую, обещаю... Позволь мне, милая... Только лишь поцелуй...

Его шепот обжигал, а объятия становились крепче. Я хотела что-то сказать... Остановить его или разрешить? Не знаю... Я тонула в его руках, сходила с ума...

Данте коснулся моих губ. Сначала осторожно, словно пробуя на вкус... Следя за моей реакцией. Потом поцелуй углубился, стал более чувственным, откровенным. Я обняла его, забыв про стеснение, а мужчина судорожно сжимал мою талию и целовал, целовал, целовал... Я потерялась во времени, в пространстве, я растворилась в его ласках.

— Амари, ты фея... ты невероятное волшебное создание...

Я спрятала лицо у него на груди. Мы оба тяжело дышали, но никак не могли разомкнуть объятий.

— Данте, мне пора, — шепнула я.

— Однажды тебе не придется никуда уезжать, — отозвался доринг.

Он отвез меня домой, проводил до дверей и пообещал, что завтра мы обязательно встретимся. Не помню, как добралась до комнаты... Мне было так хорошо, что словами не описать. Кажется, я прилегла, на мгновение прикрыла глаза, стараясь вызвать в памяти свой первый поцелуй, а когда открыла...

Передо мной стоял Страж. На этот раз один, самый высокий из них, в развевающемся сером балахоне на костлявом долговязом теле. Все звуки в мире словно исчезли, а все вокруг укрыл туман. Я смутно видела Эбби, мирно спящую на соседней кровати, видела убранство комнаты, но все казалось бесцветным, размытым, словно я смотрела сквозь мутное стекло.

— Я не боюсь, — сказала, едва расслышав собственный голос. — Не боюсь тебя!

На безликом лице не могло отразиться эмоций. Страж приблизился ко мне легким, плавным движением, склонился надо мной. Я хотела закричать, убежать, но тело меня не слушалось. Он протянул костлявую руку, и моего лба коснулись ледяные пальцы. Голову пронзила резкая боль, а потом перед глазами возникло странное видение. Я увидела комнату, которую освещал огонь камина. В кресле перед ним сидел Данте и смотрел на огонь. В руках у него был бокал вина. Рядом на диване расположился Шерман. Он с

беспокойством смотрел на друга...

— Прошло уже одиннадцать лет, ты представляешь?

Данте горько усмехнулся, сделав глоток вина.

— Вот видишь, пора уже привыкнуть, — отозвался Шерман почти скучающим тоном, словно уже много раз говорил об этом раньше.

— Я не могу привыкнуть, — глухо ответил Данте. — В этот самый день... Одиннадцать лет... Знаешь, когда пришел первый откат... Я не думал, что протяну так долго.

— Ты очень сильный, Данте. Это твое призвание, твоя судьба...

— Нет, не моя судьба! Я этого не просил!

— Но так случилось, и некого винить в этом. Зачастую боги исполняют наши желания не так, как хочется. Я не верю, Данте, что судьба настолько уж тяготит тебя. Ты бесишься, скорее, из чистого упрямства.

— Думаешь, что знаешь меня лучше всех? — грустно спросил Данте.

— А ты ведь никого не подпускаешь близко... Разве только Амари.

При упоминании молоденькой помощницы на лице Данте невольно появилась улыбка. Такая светлая, нежная, удивительная...

— Она ведь дорога тебе? — спросил Шерман, отбирая бокал у друга. — Вот и живи ради этих чувств и прекрати себя мучить.

— Не знаю, дорог ли я ей... Шерман, мне нужен кулон мойры. Только он сможет все изменить!

— Так попроси! Расскажи все, и она поймет!

— Кулон дарят лишь самому близкому человеку... Амари сама должна отдать его мне, а для этого нужно как можно сильнее привязать ее к себе.

— Данте, ты идиот, — прошептал Шерман. — Просто попроси...

— Я уже просил однажды, — ответил доринг, откидываясь на спинку кресла, устало прикрывая глаза. — Просил людей и богов о помощи, а видишь, как вышло? Она должна любить меня, любить безоговорочно, чтоб даже и тени сомнения не возникло. Мне нужна ее любовь...

— Так все же любовь или кулон? — спросил Шерман, усмехнувшись.

Я словно вынырнула из ледяной глубины. Воздуха не хватало, из глаз брызнули слезы. В горле словно комок стоял... Я закашлялась, пытаюсь снова начать нормально дышать. Страж все еще стоял рядом с кроватью. Его лицо, все такое же безликое, не могло отражать эмоций... Но я готова была поклясться, что он надо мной насмехается... Что это вообще было? О чем говорил Данте?

... Любовь или кулон? Заставлю ее полюбить себя... Должна отдать...

Слова звучали в моей голове снова и снова. Я вытащила серебряного паучка из ворота ночной сорочки и рассмотрела... Неужели все, что было сегодня, только из-за него? Кулон так нужен Данте, что ради этого он был готов... Но ведь я чувствовала, что он был искренен! Я ведь не сумасшедшая! Я могу отличить правду от лжи!

Страж медленно покачал головой. Его серые одежды взметнулись, он обратился в туман и скрылся за окном, растворяясь во мраке ночи. А у меня в голове звучали слова Эбби, сказанные давно: «Разобьет он тебе сердце...»

Дар Амари

Слез не было. Лишь странное чувство, будто внутри все покрылось коркой льда. Я так долго жила какой-то волшебной жизнью, что столкновение с реальностью оказалось слишком болезненным, но слез все же не было... Лишь недоумение. Мойра ведь сказала, что ее дары помогут мне, сделают счастливее, а выходит, все наоборот?

Во мне будто боролись две сущности. Одна, влюбленная, твердила, что этого не может быть... Страж обманул меня, зачаровал, заставил поверить, что счастье невозможно. Данте ведь был рядом... Я видела его глаза, он не мог обманывать! Однако разумная часть говорила совсем другое. Все эти поцелуи, ласковые слова... Все это безумие началось, как только он узнал о кулоне. Я ведь так доверяла ему, рассказала обо всем, что храню в душе, а он не захотел со мной делиться. Видимо, посчитал меня недостойной знать его тайну.

Ведь кто я, в сущности? Любопытное создание, так он говорил... Феечка... Я слышала в голове его голос, и меня передергивало от отвращения к самой себе. Забавная глупенькая сиротка, помощница с секретами, обладательница желанного артефакта... Я могла быть для доринга кем угодно, но только не любимой девушкой.

Мужчина ведь никогда не говорил о любви, я все придумала сама. Я придумала Данте как волшебного принца из сказки, который никогда не обидит, не предаст, всегда будет рядом. Не его вина, что он оказался обычным человеком. Меньше надо было строить воздушных замков, сама виновата... Ничего, и это пройдет. Я ведь уже пережила самое страшное в жизни — потеряла семью. Неужели после этого я не смогу пережить потерю мужчины? Я ведь знала, что так будет, готовила себя, что рано или поздно Данте исчезнет из моей жизни. К сожалению, все случилось рано...

Я сидела и смотрела на коробку, которую подарил Данте. Медленно развязала бант, открыла... Открытка с белыми розочками лежала сверху. Я доставала ее каждый день, пока ждала возвращения доринга, рассматривала бесконечно, радовалась, как дурочка... Сняла заколку с волос и кинула туда же. Вчера украшение казалось мне необычайно красивым, а сейчас вызывало лишь глухое раздражение. Так, любовь или кулон? Судя по всему, Данте все же выбрал кулон. А этим, видимо, решил откупиться? Не уж, не нужны мне подачки!

Не вполне соображая, что делаю, закрыла коробку крышкой, завязала ленту узлом, затянула так сильно, не заботясь о том, что тонкая ткань треснула. Кинула коробку на пол и стала топтать ее, словно надеялась вместе с подарками растоптать собственные чувства. Эбби проснулась от шума, вскочила, глядя на меня огромными глазами.

— Амари, ты что? — воскликнула она. — Ты что делаешь?

Подруга обняла меня, оттащила от многострадальной коробки, усадила на кровать. Меня колотило от озноба, а голова ужасно кружилась... Только слез по-прежнему не было. Ну почему, почему я не могу заплакать?

— Что сделал этот подлец? — строго спросила Эбби, продолжая меня обнимать.

Я молчала, тупо разглядывая остатки моей радости на полу.

— Он приставал к тебе? — продолжала вопрошать подруга. — Оскорбил... Ударил?

Версии Эбби становились одна страшнее другой, а я не реагировала. Внутри меня была пустота и холод. Нужно возвращаться к прежней жизни и представить, что никакого доринга и вовсе в ней не существовало. Ничего, свет клином не сошелся!

— А я ведь предупреждала тебя! Он маг, а от них жди беды только! — сокрушалась Эбби, не понимая, что ее слова сейчас совсем ни к чему.

Любящее сердце не убедить доводами разума. Тем более, если оно все еще надеется на

хороший исход. Все еще считает Данте самым лучшим, и уверено, что он все сможет объяснить... Нет уж, хватит! Не интересуют меня его секреты! Хочет кулон — пусть забирает! Я сгребла растоптанные подарки, отнесла в сад в мусорную яму и безжалостно кинула туда под удивленным взглядом нашего садовника. Чтобы ничего больше не осталось. И кулон отдам, потому что злосчастный дар напоминает теперь о доринге! Я даже смотреть на него больше не смогу! Еще деньги на счету... А их я честно заработала! Если бы меня рядом не было, Данте не справился бы ни с одним делом! Еще опытный целитель называется! Как бы я не хотела сохранить гордость, эти деньги и вправду были мне очень нужны. Я пойду учиться, и начнется у меня новая интересная жизнь, и больше никаких целителей!

Оставив детишек на попечение Эбби, отправилась в город проветриться и хоть как-то унять боль. Работник из меня все равно никакой, но сидеть в комнате и страдать казалось еще более худшим вариантом. Сама не заметила, как пришла к своему бывшему дому. Как же я давно здесь не была... Иллюзия новой интересной жизни захватила меня, утянула в водоворот чувств. А на самом деле нет ничего у меня, кроме воспоминаний о детстве, кроме этого дома, кроме силуэта матери, мелькающего за оградой. Просидела так весь день, и уходить совсем не хотелось. Я не могла войти, не могла почувствовать тепло родных, поделиться своими горестями, но все же здесь мне было легче, спокойнее. Какая ирония... Два раза разрушить все по собственной глупости. Ладно, тогда я была ребенком, не подумала о последствиях, а сейчас? Взрослая ведь уже, а поверила в сказку.

К сожалению, пора было возвращаться в приют. Предстоял еще один неприятный разговор с дорингом. В том, что он придет, я абсолютно не сомневалась. Глупенькой сиротке ведь требуется порция мнимой любви, чтобы она совсем растаяла. Вернувшись в приют, узнала, что Данте уже почти час ждет меня в саду. Горько усмехнулась про себя — на все готов, ждать сколько угодно...

Доринг сидел на моей любимой скамейке под яблоней и чему-то улыбался. Я спряталась в тени деревьев, невольно залюбовавшись им. Красивый, просто убийственно красивый... Пошла к нему медленно, сцепив дрожащие руки. Все гневные слова, которые выдумывала весь день, разом испарились из головы, оставив лишь усталость и безразличие. Увидев меня, мужчина кинулся навстречу, попытался обнять, но я оттолкнула его. На его лице появилось выражение недоумения.

— Здравствуй, Амари, — произнес он, осторожно коснувшись моих волос.

— Здравствуйте, светлейший, — едва слышно отозвалась я.

— Я снова светлейший? — спросил Данте, улыбнувшись. — Ты решила поиграть?

— Не смею обращаться к вам иначе...

Я опустила на скамейку, потому что ноги меня уже не держали, откинулась назад, посмотрела на облака. Как бы и я хотела подняться ввысь, улететь далеко-далеко... Несколько секунд Данте молча смотрел на меня, нахмурившись, а потом сел рядом. Заглянув в лицо.

— Амари, что с тобой? — тихо спросил он. — Я тебя чем-то обидел? Где ты пропадала весь день?

Я даже рассмеялась. Обидел? Да, очень точное определение.

— Зачем вы пришли? — спросила, глядя ему прямо в глаза.

Данте опешил от моего вопроса

— Амари, я не понимаю тебя, — произнес он сбивчиво, а в глазах его плескалась

тревога.

Не волнуйся, драгоценный доринг, ты получишь то, зачем пришел...

— Зачем вообще все это? — продолжала спрашивать я. — Зачем подарки, свидания?

— Ты ведь сама знаешь, — шепнул он, дотрагиваясь до моей руки.

Данте потянулся, чтобы поцеловать меня, но я отпрянула. Нельзя больше позволять себе слабостей.

— Знаю, теперь точно знаю, сказала я, нервно теребя серебряного паучка на шее. Взгляд Данте остановился на нем, сделался цепким, внимательным.

— Объясни, что происходит, — попросил доринг, даже не скрывая раздражения. — Я тебя совсем не понимаю. Что ты знаешь?

— Вам ведь это нужно, ведь так? — с вызовом спросила, по-прежнему держа кулон двумя пальцами.

— Мне нужна ты, — прошептал он, но по его глазам я поняла, что он прекрасно знает, о чем я говорю.

— Значит, решили привязать к себе покрепче? Влюбить в себя несчастную дурочку! Думали, я буду прыгать от счастья, стоит лишь влиятельному дорингу обратить на меня внимание?

Лицо Данте потемнело. Он смотрел на меня затравленным взглядом, а руки его дрожали.

— Амари, ты не права...

— Ах, не права? Скажете, все не так? Думаете, я не поняла, в чем дело? Только увидели кулон, так сразу началось... Подарки, внимание... И не лгите, будто я вправду нужна вам! Да такой как вы никогда бы даже не взглянул в мою сторону!

— Ты всегда прекрасно умела рассуждать, — спокойно произнес Данте. — Но сейчас, боюсь, способности подвели тебя. То, что ты говоришь, это безумие... Ну, вспомни, я всегда к тебе так относился, с первого дня... Ты всегда была для меня кем-то большим, просто не хотела замечать этого! Я обнимал тебя, брал за руку, любовался тобой... Я просто боялся поторопиться, напугать тебя. Ты ведь такая хрупкая, нежная...

— Страж показал мне все! — выпалила я. — Я видела эту сцену... Как вы разговаривали с Шерманом о кулоне... Вы говорили, что все сделаете, чтобы его заполучить!

Данте выругался и устало потер лицо ладонью.

— Скажете, не было такого? — спросила я, хватая его за плечо и встряхивая.

Наверное. Если бы он стал все отрицать, я бы поверила. Поверила только для того, чтобы сохранить свой уютный иллюзорный мир. Сказал бы, что это все морок, навешанный магией Стража... Что это был всего лишь страшный сон, привидевшийся из-за моих вечных страхов...

— Мы действительно говорили с Шерманом... Тебе наверняка показали все самое плохое. Понимаешь, Амари, я был пьян. И вообще этот день, годовщина... Каждый раз выбивает меня из колеи. Если я что и сказал, то по глупости...

— По глупости? — возмутилась я. — Значит, для вас все так просто!

Я тут с ума схожу, а для него это, оказывается, просто глупость, недоразумение, не стоящее внимания! Чувствуя, что эмоции вот-вот разорвут меня изнутри, вскочила, хотела уйти, но сильные руки обхватили меня, прижали к себе и не отпустили, как бы я не пыталась вырваться.

— Подожди... Послушай, прошу, я все объясню! Я должен был рассказать раньше,

прости... Прости меня!

— Не хочу ничего слушать!

Данте почти силой усадил меня снова.

— Мне правда нужен кулон, Амари!

Я замерла, прекращая вырываться, и горько улыбнулась. Значит, кулон ему нужен, не я... Я не нужна!

— Это случилось одиннадцать лет назад. Мне тогда едва исполнилось шестнадцать, а брату — десять. Мы тогда жили в крошечном городке, в котором и слыхом не слыхивали ни о каком ковене, а городские целители умели не больше ярмарочных фокусников. У Питера было с детства слабое сердце. Отец брался за любую работу, чтобы купить для него дорогих лекарств или обратиться к очередному заезжему знахарю. Мы жили очень небогато, Амари, едва сводили концы с концами... Я помогал, как мог, все пытался разыскать хоть небольшой заработок, но мальчишку не очень-то стремились брать в работники. Питеру стало совсем плохо, и ничего уже не помогало. Местный доринг заявил, что все бесполезно, и ребенок вот-вот умрет. Ни к чему тратить на него силы... Родители поехали в соседний город к тамошнему целителю, но он заломил такую цену за услуги, что нам бы и за год не заработать.

— Как страшно, — прошептала я. — Не верится даже, что такое могло быть...

— Могло... Возможно, в провинции и сейчас есть, хотя нынешний Император и попытался навести везде порядок. Для Питера не осталось шансов. Он уже не вставал с постели, не ел... Я смотрел на него, и мое сердце разрывалось. Отец тогда пошел по знакомым, по соседям просить помощи, но удалось собрать лишь крохи. Люди оказались черствы к чужому горю. Я тогда обошел все храмы в округе, все молился, просил излечения для брата у богов. Только в полузаброшенном храме мойр я получил отклик. Я ведь просил не для себя, Амари. Ведь боги могут исполнить желание, если просишь за близкого...

— Они исполнили?

Данте поднял на меня взгляд, полный горечи.

— Исполнили... Только почему-то решили изменить мою судьбу, а не Питера. Когда во мне проснулась магия, я думал, что тоже умираю. Меня буквально разрывало изнутри, выворачивало кости, меня мучили судороги... Помнишь, я говорил тебе, что магия — это тепло и легкое покалывание? Да... После нескольких лет тренировок. А стихийная, неуправляемая магия приносил телу лишь страдания. Никаких ритуалов, понятное дело я не знал, но чувствовал, что надо делать. Просто излил на брата целительную энергию, забирая его болезнь, впитывая в себя... Но от этого не наступило облегчения, а стало еще хуже. Откат оказался таким сильным, что хотелось умереть. Видишь ли, если человек рождается со способностями, это естественно, и процесс протекает намного легче, проще. На меня же обрушилось все и сразу. Отцу пришлось вести меня в столицу, в ковен, чтобы меня научили контролировать магию, иначе я бы просто погиб. Таким меня и увидел Шерман... жалким заморышем, трясущимся от боли...

— Мне очень жаль вас, — прошептала, чувствуя, как по щеке скатилась слезинка.

Внутри словно лед растаял, выпуская наружу эмоции.

— Каждый раз эта боль, Амари! Ты ведь видела, что бывает со мной! Это считается нормальным для дорингов, но у меня все намного хуже! Я не хотел этого, не просил... Не просил такой судьбы, этой проклятой магии!

— Вы спасли брата от смерти...

— А моя жизнь разрушилась!

Данте закрыл лицо ладонями, тяжело дыша.

— Вы хотите избавиться от способностей? — тихо спросила я.

— Очень хочу...

— Но ведь вы делаете столько хорошего, помогаете людям. Это ведь самое лучшее — видеть счастливые глаза те, кого спас. Я знаю об этом не понаслышке.

— Это не моя судьба...

— Значит, ради этого все?

Данте повернулся ко мне, взял за руки, с жаром посмотрел в глаза:

— Амари, то, что я сказал... Я был не в себе, пойми! Я бы никогда не посмел сделать тебе больно, использовать для чего-то. Ты ведь самое светлое, что есть для меня в этой жизни, самое дорогое!

— Вы могли бы просто попросить, — прошептала я. — Просто попросить, и я бы все сделала, ведь вы для меня... вы...

Я не договорила, едва не захлебнувшись от нахлынувших чувств. Нет, не буду говорить, не заслужил он моих откровений!

— После всего, что случилось тогда, я решил больше не доверять ни людям, ни богам. Ни от кого я не получил помощи тогда, лишь обрел настоящее проклятье!

— Вы спасли брата, — упрямо повторила я. — Мне, значит, вы тоже решили не доверять?

— Прости меня, прости... — тихо повторял мужчина, судорожно глядя мои руки.

Огромным усилием я заставила себя оторваться от него. Я встала, обхватила себя руками, стараясь сохранить хоть частицу его тепла.

— Мне очень жаль, светлейший, что вы так страдаете, — произнесла я, дернула цепочку, разрывая крошечные звенья, не обращая внимания на боль.

Протянула серебряного паучка Данте. Мужчина бездумно смотрел на него, словно не решаясь взять.

— Я не могу так, Амари, — сказал он, тоже вставая. — Поверь, я не играл никогда. Ты мне нужна, очень нужна... Я... люблю тебя!

Вздрогнула, услышав неожиданное признание, но сейчас оно совсем меня не радовало.

— Ни к чему больше затруднять себя, светлейший, вы и так получите, что хотите, — медленно произнесла, глядя в его голубые глаза.

Данте обхватил мое лицо ладонями и прошептал:

— Я люблю тебя, слышишь? Безумно люблю!

Я оттолкнула его и вновь протянула кулон. Доринг лишь покачал головой, делая шаг назад. Да прекратил он меня мучить, наконец! Я бросила серебряного паучка ему под ноги и сказала:

— В моей жизни нет места любви и счастью, права была мойра. Вы можете изменить свою судьбу, а я нет. Прощайте, светлейший...

Я развернулась и пошла прочь, все надеясь, что Данте бросится за мной, будет умолять, твердить о любви, но он так и остался стоять на месте, смотря мне вслед.

Дар Амари

Слез не было. Лишь странное чувство, будто внутри все покрылось коркой льда. Я так долго жила какой-то волшебной жизнью, что столкновение с реальностью оказалось

слишком болезненным, но слез все же не было... Лишь недоумение. Мойра ведь сказала, что ее дары помогут мне, сделают счастливее, а выходит, все наоборот?

Во мне будто боролись две сущности. Одна, влюбленная, твердила, что этого не может быть... Страж обманул меня, зачаровал, заставил поверить, что счастье невозможно. Данте ведь был рядом... Я видела его глаза, он не мог обманывать! Однако разумная часть говорила совсем другое. Все эти поцелуи, ласковые слова... Все это безумие началось, как только он узнал о кулоне. Я ведь так доверяла ему, рассказала обо всем, что храню в душе, а он не захотел со мной делиться. Видимо, посчитал меня недостойной знать его тайну.

Ведь кто я, в сущности? Любопытное создание, так он говорил... Феечка... Я слышала и голове его голос, и меня передергивало от отвращения к самой себе. Забавная глупенькая сиротка, помощница с секретами, обладательница желанного артефакта... Я могла быть для доринга кем угодно, но только не любимой девушкой.

Мужчина ведь никогда не говорил о любви, я все придумала сама. Я придумала Данте как волшебного принца из сказки, который никогда не обидит, не предаст, всегда будет рядом. Не его вина, что он оказался обычным человеком. Меньше надо было строить воздушных замков, сама виновата... Ничего, и это пройдет. Я ведь уже пережила самое страшное в жизни — потеряла семью. Неужели после этого я не смогу пережить потерю мужчины? Я ведь знала, что так будет, готовила себя, что рано или поздно Данте исчезнет из моей жизни. К сожалению, все случилось рано...

Я сидела и смотрела на коробку, которую подарил Данте. Медленно развязала бант, открыла... Открытка с белыми розочками лежала сверху. Я доставала ее каждый день, пока ждала возвращения доринга, рассматривала бесконечно, радовалась, как дурочка... Сняла заколку с волос и кинула туда же. Вчера украшение казалось мне необычайно красивым, а сейчас вызывало лишь глухое раздражение. Так, любовь или кулон? Судя по всему, Данте все же выбрал кулон. А этим, видимо, решил откупиться? Не уж, не нужны мне подачки!

Не вполне соображая, что делаю, закрыла коробку крышкой, завязала ленту узлом, затянула так сильно, не заботясь о том, что тонкая ткань треснула. Кинула коробку на пол и стала топтать ее, словно надеялась вместе с подарками растоптать собственные чувства. Эбби проснулась от шума, вскочила, глядя на меня огромными глазами.

— Амари, ты что? — воскликнула она. — Ты что делаешь?

Подруга обняла меня, оттащила от многострадальной коробки, усадила на кровать. Меня колотило от озноба, а голова ужасно кружилась... Только слез по-прежнему не было. Ну почему, почему я не могу заплакать?

— Что сделал этот подлец? — строго спросила Эбби, продолжая меня обнимать.

Я молчала, тупо разглядывая остатки моей радости на полу.

— Он приставал к тебе? — продолжала вопрошать подруга. — Оскорбил... Ударил?

Версии Эбби становились одна страшнее другой, а я не реагировала. Внутри меня была пустота и холод. Нужно возвращаться к прежней жизни и представить, что никакого доринга и вовсе в ней не существовало. Ничего, свет клином не сошелся!

— А я ведь предупреждала тебя! Он маг, а от них жди беды только! — сокрушалась Эбби, не понимая, что ее слова сейчас совсем ни к чему.

Любящее сердце не убедить доводами разума. Тем более, если оно все еще надеется на хороший исход. Все еще считает Данте самым лучшим, и уверено, что он все сможет объяснить... Нет уж, хватит! Не интересуют меня его секреты! Хочет кулон — пусть забирает! Я сгребла растоптанные подарки, отнесла в сад в мусорную яму и безжалостно

кинула туда под удивленным взглядом нашего садовника. Чтобы ничего больше не осталось. И кулон отдам, потому что злосчастный дар напоминает теперь о доринге! Я даже смотреть на него больше не смогу! Еще деньги на счету... А их я честно заработала! Если бы меня рядом не было, Данте не справился бы ни с одним делом! Еще опытный целитель называется! Как бы я не хотела сохранить гордость, эти деньги и вправду были мне очень нужны. Я пойду учиться, и начнется у меня новая интересная жизнь, и больше никаких целителей!

Оставив детишек на попечение Эбби, отправилась в город проветриться и хоть как-то унять боль. Работник из меня все равно никакой, но сидеть в комнате и страдать казалось еще более худшим вариантом. Сама не заметила, как пришла к своему бывшему дому. Как же я давно здесь не была... Иллюзия новой интересной жизни захватила меня, утянула в водоворот чувств. А на самом деле нет ничего у меня, кроме воспоминаний о детстве, кроме этого дома, кроме силуэта матери, мелькающего за оградой. Просидела так весь день, и уходить совсем не хотелось. Я не могла войти, не могла почувствовать тепло родных, поделиться своими горестями, но все же здесь мне было легче, спокойнее. Какая ирония... Два раза разрушить все по собственной глупости. Ладно, тогда я была ребенком, не подумала о последствиях, а сейчас? Взрослая ведь уже, а поверила в сказку.

К сожалению, пора было возвращаться в приют. Предстоял еще один неприятный разговор с дорингом. В том, что он придет, я абсолютно не сомневалась. Глупенькой сиротке ведь требуется порция мнимой любви, чтобы она совсем растаяла. Вернувшись в приют, узнала, что Данте уже почти час ждет меня в саду. Горько усмехнулась про себя — на все готов, ждать сколько угодно...

Доринг сидел на моей любимой скамейке под яблоней и чему-то улыбался. Я спряталась в тени деревьев, невольно залюбовавшись им. Красивый, просто убийственно красивый... Пошла к нему медленно, сцепив дрожащие руки. Все гневные слова, которые выдумывала весь день, разом испарились из головы, оставив лишь усталость и безразличие. Увидев меня, мужчина кинулся навстречу, попытался обнять, но я оттолкнула его. На его лице появилось выражение недоумения.

— Здравствуй, Амари, — произнес он, осторожно коснувшись моих волос.

— Здравствуйте, светлейший, — едва слышно отозвалась я.

— Я снова светлейший? — спросил Данте, улыбнувшись. — Ты решила поиграть?

— Не смею обращаться к вам иначе...

Я опустила на скамейку, потому что ноги меня уже не держали, откинулась назад, посмотрела на облака. Как бы и я хотела подняться ввысь, улететь далеко-далеко... Несколько секунд Данте молча смотрел на меня, нахмурившись, а потом сел рядом. Заглянув в лицо.

— Амари, что с тобой? — тихо спросил он. — Я тебя чем-то обидел? Где ты пропадала весь день?

Я даже рассмеялась. Обидел? Да, очень точное определение.

— Зачем вы пришли? — спросила, глядя ему прямо в глаза.

Данте опешил от моего вопроса

— Амари, я не понимаю тебя, — произнес он сбивчиво, а в глазах его плескалась тревога.

Не волнуйся, драгоценный доринг, ты получишь то, зачем пришел...

— Зачем вообще все это? — продолжала спрашивать я. — Зачем подарки, свидания?

— Ты ведь сама знаешь, — шепнул он, дотрагиваясь до моей руки.

Данте потянулся, чтобы поцеловать меня, но я отпрянула. Нельзя больше позволять себе слабостей.

— Знаю, теперь точно знаю, сказала я, нервно теребя серебряного паучка на шее. Взгляд Данте остановился на нем, сделался цепким, внимательным.

— Объясни, что происходит, — попросил доринг, даже не скрывая раздражения. — Я тебя совсем не понимаю. Что ты знаешь?

— Вам ведь это нужно, ведь так? — с вызовом спросила, по-прежнему держа кулон двумя пальцами.

— Мне нужна ты, — прошептал он, но по его глазам я поняла, что он прекрасно знает, о чем я говорю.

— Значит, решили привязать к себе покрепче? Влюбить в себя несчастную дурочку! Думали, я буду прыгать от счастья, стоит лишь влиятельному дорингу обратить на меня внимание?

Лицо Данте потемнело. Он смотрел на меня затравленным взглядом, а руки его дрожали.

— Амари, ты не права...

— Ах, не права? Скажете, все не так? Думаете, я не поняла, в чем дело? Только увидели кулон, так сразу началось... Подарки, внимание... И не лгите, будто я вправду нужна вам! Да такой как вы никогда бы даже не взглянул в мою сторону!

— Ты всегда прекрасно умела рассуждать, — спокойно произнес Данте. — Но сейчас, боюсь, способности подвели тебя. То, что ты говоришь, это безумие... Ну, вспомни, я всегда к тебе так относился, с первого дня... Ты всегда была для меня кем-то большим, просто не хотела замечать этого! Я обнимал тебя, брал за руку, любовался тобой... Я просто боялся поторопиться, напугать тебя. Ты ведь такая хрупкая, нежная...

— Страж показал мне все! — выпалила я. — Я видела эту сцену... Как вы разговаривали с Шерманом о кулоне... Вы говорили, что все сделаете, чтобы его заполучить!

Данте выругался и устало потер лицо ладонью.

— Скажете, не было такого? — спросила я, хватая его за плечо и встряхивая.

Наверное. Если бы он стал все отрицать, я бы поверила. Поверила только для того, чтобы сохранить свой уютный иллюзорный мир. Сказал бы, что это все морок, навешанный магией Стража... Что это был всего лишь страшный сон, привидевшийся из-за моих вечных страхов...

— Мы действительно говорили с Шерманом... Тебе наверняка показали все самое плохое. Понимаешь, Амари, я был пьян. И вообще этот день, годовщина... Каждый раз выбивает меня из колеи. Если я что и сказал, то по глупости...

— По глупости? — возмутилась я. — Значит, для вас все так просто!

Я тут с ума схожу, а для него это, оказывается, просто глупость, недоразумение, не стоящее внимания! Чувствуя, что эмоции вот-вот разорвут меня изнутри, вскочила, хотела уйти, но сильные руки обхватили меня, прижали к себе и не отпустили, как бы я не пыталась вырваться.

— Подожди... Послушай, прошу, я все объясню! Я должен был рассказать раньше, прости... Прости меня!

— Не хочу ничего слушать!

Данте почти силой усадил меня снова.

— Мне правда нужен кулон, Амари!

Я замерла, прекращая вырываться, и горько улыбнулась. Значит, кулон ему нужен, не я... Я не нужна!

— Это случилось одиннадцать лет назад. Мне тогда едва исполнилось шестнадцать, а брату — десять. Мы тогда жили в крошечном городке, в котором и слыхом не слыхивали ни о каком ковене, а городские целители умели не больше ярмарочных фокусников. У Питера было с детства слабое сердце. Отец брался за любую работу, чтобы купить для него дорогих лекарств или обратиться к очередному заезжему знахарю. Мы жили очень небогато, Амари, едва сводили концы с концами... Я помогал, как мог, все пытался разыскать хоть небольшой заработок, но мальчишку не очень-то стремились брать в работники. Питеру стало совсем плохо, и ничего уже не помогало. Местный доринг заявил, что все бесполезно, и ребенок вот-вот умрет. Ни к чему тратить на него силы... Родители поехали в соседний город к тамошнему целителю, но он заломил такую цену за услуги, что нам бы и за год не заработать.

— Как страшно, — прошептала я. — Не верится даже, что такое могло быть...

— Могло... Возможно, в провинции и сейчас есть, хотя нынешний Император и попытался навести везде порядок. Для Питера не осталось шансов. Он уже не вставал с постели, не ел... Я смотрел на него, и мое сердце разрывалось. Отец тогда пошел по знакомым, по соседям просить помощи, но удалось собрать лишь крохи. Люди оказались черствы к чужому горю. Я тогда обошел все храмы в округе, все молился, просил излечения для брата у богов. Только в полузаброшенном храме мойр я получил отклик. Я ведь просил не для себя, Амари. Ведь боги могут исполнить желание, если просишь за близкого...

— Они исполнили?

Данте поднял на меня взгляд, полный горечи.

— Исполнили... Только почему-то решили изменить мою судьбу, а не Питера. Когда во мне проснулась магия, я думал, что тоже умираю. Меня буквально разрывало изнутри, выворачивало кости, меня мучили судороги... Помнишь, я говорил тебе, что магия — это тепло и легкое покалывание? Да... После нескольких лет тренировок. А стихийная, неуправляемая магия приносил телу лишь страдания. Никаких ритуалов, понятное дело я не знал, но чувствовал, что надо делать. Просто излил на брата целительную энергию, забирая его болезнь, впитывая в себя... Но от этого не наступило облегчения, а стало еще хуже. Откат оказался таким сильным, что хотелось умереть. Видишь ли, если человек рождается со способностями, это естественно, и процесс протекает намного легче, проще. На меня же обрушилось все и сразу. Отцу пришлось вести меня в столицу, в ковен, чтобы меня научили контролировать магию, иначе я бы просто погиб. Таким меня и увидел Шерман... жалким заморышем, трясущимся от боли...

— Мне очень жаль вас, — прошептала, чувствуя, как по щеке скатилась слезинка.

Внутри словно лед растаял, выпуская наружу эмоции.

— Каждый раз эта боль, Амари! Ты ведь видела, что бывает со мной! Это считается нормальным для дорингов, но у меня все намного хуже! Я не хотел этого, не просил... Не просил такой судьбы, этой проклятой магии!

— Вы спасли брата от смерти...

— А моя жизнь разрушилась!

Данте закрыл лицо ладонями, тяжело дыша.

— Вы хотите избавиться от способностей? — тихо спросила я.

— Очень хочу...

— Но ведь вы делаете столько хорошего, помогаете людям. Это ведь самое лучшее — видеть счастливые глаза те, кого спас. Я знаю об этом не понаслышке.

— Это не моя судьба...

— Значит, ради этого все?

Данте повернулся ко мне, взял за руки, с жаром посмотрел в глаза:

— Амари, то, что я сказал... Я был не в себе, пойми! Я бы никогда не посмел сделать тебе больно, использовать для чего-то. Ты ведь самое светлое, что есть для меня в этой жизни, самое дорогое!

— Вы могли бы просто попросить, — прошептала я. — Просто попросить, и я бы все сделала, ведь вы для меня... вы...

Я не договорила, едва не захлебнувшись от нахлынувших чувств. Нет, не буду говорить, не заслужил он моих откровений!

— После всего, что случилось тогда, я решил больше не доверять ни людям, ни богам. Ни от кого я не получил помощи тогда, лишь обрел настоящее проклятье!

— Вы спасли брата, — упрямо повторила я. — Мне, значит, вы тоже решили не доверять?

— Прости меня, прости... — тихо повторял мужчина, судорожно глядя мои руки.

Огромным усилием я заставила себя оторваться от него. Я встала, обхватила себя руками, стараясь сохранить хоть частицу его тепла.

— Мне очень жаль, светлейший, что вы так страдаете, — произнесла я, дернула цепочку, разрывая крошечные звенья, не обращая внимания на боль.

Протянула серебряного паучка Данте. Мужчина бездумно смотрел на него, словно не решаясь взять.

— Я не могу так, Амари, — сказал он, тоже вставая. — Поверь, я не играл никогда. Ты мне нужна, очень нужна... Я... люблю тебя!

Вздрогнула, услышав неожиданное признание, но сейчас оно совсем меня не радовало.

— Ни к чему больше затруднять себя, светлейший, вы и так получите, что хотите, — медленно произнесла, глядя в его голубые глаза.

Данте обхватил мое лицо ладонями и прошептал:

— Я люблю тебя, слышишь? Безумно люблю!

Я оттолкнула его и вновь протянула кулон. Доринг лишь покачал головой, делая шаг назад. Да прекратил он меня мучить, наконец! Я бросила серебряного паучка ему под ноги и сказала:

— В моей жизни нет места любви и счастью, права была мойра. Вы можете изменить свою судьбу, а я нет. Прощайте, светлейший...

Я развернулась и пошла прочь, все надеясь, что Данте бросится за мной, будет умолять, твердить о любви, но он так и остался стоять на месте, смотря мне вслед.

Заветное желание

С глаз долой — из сердца вон. Врет поговорка... Можно не видеть дорогого человека, можно быть обиженной на него, но забыть не так просто. Невозможно, наверное. Хотя Эбби меня не поддерживала в этой мысли. Говорила, мол, ерунда, еще мало времени прошло, обязательно забуду. Она вот бывших кавалеров забывала на раз. А как же быть, если это не

просто кавалер, а любовь, прочно засевшая в сердце, не дававшая дышать нормально? Да, забыть я не могла, но можно было привыкнуть, научиться с этим жить. Я научусь, обязательно, ведь уже не так больно... Тоска словно притаилась где-то внутри души.

Раз, два, три, четыре... Семь дней я не видела доринга, не говорила с ним, не смотрела в голубые глаза. Не чувствовала счастья... Хотя, я ведь понятия не имею, кто теперь Данте. Он ведь так мечтал избавиться от способностей целителя, никогда больше не чувствовать боли. Интересно, он счастлив теперь? Жизнь без магии приносит ему радость? А жизнь без меня?

Много вопросов, которые я раз за разом прокручивала в голове и не находила ответов. Данте больше не приходил, и я не искала встречи. Пусть все останется, как есть... Я выполнила завет мойры и отдала кулон самому близкому человеку. Вот только беда в том, что близкие люди имеют обыкновение исчезать из моей жизни. Я все вспоминала наш последний разговор, повторяла про себя его слова о любви.

... Я люблю тебя, слышишь? Безумно люблю!

Правда или ложь это, не знаю, но слова грели душу, вызывали невольную улыбку и чуть ободряли, когда совсем грустно становилось. Люди уходят, но остаются светлые воспоминания. Я сохраню все хорошее, что было с нами, наши разговоры, путешествия, приключения. Это все только мое, сокровенное, драгоценное... Спрячу в глубине души вместе с болью.

Тем вечером я долго плакала и никак не могла остановиться, словно разом решила истратить весь запас слез. Данте не бросился вслед за мной, не стал умолять о прощении, не клялся больше в любви, а мне хотелось этого, наверное... Его глаза горели странной решимостью, когда он смотрел на серебряного паучка, лежавшего у его ног, словно... словно он получил все, что хотел. Хотел не меня, а волшебный кулон мойры.

... Так все же любовь или кулон?

Данте не пошел за мной, и слезы сменила злость и раздражение. Не хочу его видеть больше никогда! Пусть начинает свою желанную новую жизнь, а обо мне забудет, как и я о нем! Ведь забуду наверняка! Забуду... Память — самый страшный враг. Если бы существовало заклинание, с помощью которого можно было бы избавиться от воспоминаний, причинявших боль. Вот так просто забыть, что Данте был в моей жизни, вычеркнуть, выкинуть из головы. Если бы все было так просто...

Семь дней... Мне нельзя было об этом думать, иначе я бы сошла с ума от тоски. Мне нужно было чем-то занять себя, ни на минуту не оставаться без дела. Я занималась с детьми, помогала уборщицам и кухаркам, бралась за любую работу, а вечерами занималась. Сходила в университет, все разузнала про экзамены, взяла в библиотеке учебники и читала, читала. Пусть выпускникам приюта и будут особые привилегии при поступлении, мне все равно хотелось показать себя с лучшей стороны. Я убеждала себя, что скоро начнется новая жизнь, наполненная впечатлениями, знакомствами. Экзамены уже на следующей неделе, а там мне должны были выделить комнату в студенческом кампусе. Нужно было готовиться к переезду, собирать вещи, но я никак не могла заставить себя, а только купила письменные принадлежности взамен тех, что дарил Данте.

В очередной раз намывала коридоры на втором этаже. Было уже много времени, а я так устала, и мне безумно хотелось спать. Уборщица предложила мне уже пойти отдыхать, мол, сама все здесь закончит, но я не согласилась. Мне нужно лишь пару минут передохнуть. Ведь оказавшись в четырех стенах комнаты, я снова невольно начну вспоминать, думать, а мне этого совсем не хотелось.

Я устало опустилась на скамейку, поставив рядом ведро и швабру, и прикрыла глаза. Совсем немножко отдохну, чуть-чуть... Кажется, я все-таки задремала и очнулась, будто от толчка. Надо мной склонилась нянечка Роза.

— Что-то вы сегодня припозднились, госпожа Брайт, — произнесла она.

Спросонья я не сразу сообразила, что говорит нянечка. Осознание приходило медленно, накатывало волнами. С чего бы ей звать меня госпожой, да еще и прежней фамилией? Да и вообще откуда она ее узнала? Я ведь уже семь лет, как Амари Тай-Лин...

— Дорогая, вы не заболели? — спросила заботливо Роза, усаживаясь рядом и беря меня за руку. — Идите домой, уже поздно. Сегодня дети совсем утомили вас.

— Домой? — бездумно переспросила я. — А уборка?

Я глянула под ноги, но швабра и ведро куда-то исчезли. Нянечка же смотрела на меня, как на умалишенную.

— Пойдемте, милая, я вас провожу.

Она помогла мне встать, взяла под руку и повела по коридору. Что за безумие творится? Это что, розыгрыш какой-то?

— Нянечка, что происходит? Я ничего не понимаю... — шептала я, но Роза лишь вздыхала да трогала мой лоб ладонью, проверяя, нет ли у меня жара.

— Завтра не приходите, Амари, отдохните пару дней, а то совсем замучились с нашими сорванцами...

Роза говорила еще что-то, но я решительно не понимала, что происходит. Женщина вела меня вовсе не в мою комнату, а к выходу. И куда же я пойду? Домой? В холле висело большое старинное зеркало. Я мельком увидела себя в нем да так и застыла, не веря своим глазам. На мне было надето потрясающей красоты платье из дорогого темно-красного бархата, сшитое по последней моде — пышная юбка, рукава, округлый вырез со шнуровкой, подчеркивающий красивую грудь. Сверху на мне был надет плащ с объемным капюшоном, отделанным кружевом. Да я такой красоты сроду не носила! Даже те нарядные платья, что я позволила себе купить на деньги доринга, не могли сравниться с этим... Мои выющиеся волосы, с которыми я всегда с трудом справлялась, теперь ложились на плечи аккуратными волнами. Еще я обнаружила на шее золотую цепочку с рубином-капелькой, а в ушах такие же сережки. Определенно, я все еще сплю... Не может быть... Этого не может быть!

— Благодарю вас за все, госпожа Брайт, — сказала Роза, раскланиваясь. — До свидания, всего вам хорошего!

— До свидания... — растерянно произнесла я и вышла на крыльцо.

Тяжелая дверь захлопнулась за моей спиной, и я оказалась во власти вечернего города. Мыслей не было... В голове словно туман, ничего не соображала. Домой так домой... Спустившись с крыльца, вышла за ворота и медленно пошла по улице. Что со мной произошло? Может быть, я умерла и попала в другой мир? Конечно, я о таком не слышала прежде, но чего в жизни не бывает? Уж мне-то после истории с мойрой глупо чему-то удивляться. Госпожа Брайт... Домой... В голове вдруг стали возникать воспоминания, словно вспышки. Какая-то параллельная жизнь, которой никак не могло существовать в реальности. Учеба в школе... Моей прежней школе, не приютской! Я помнила все подробности, даже выпускной. Одна из лучших учениц, удостоившаяся императорской грамоты за успехи. Разве это я?

Родной дом, родители, брат... Вот мы едем в на север острова в далекий город на свадьбу Танаи... Вот сестра приезжает в гости с маленьким сыном. Я с удовольствием

воююсь с племянником, балую его... Поступление в университет... С экзаменами проблем не было, ведь рекомендации самого Императора сделали свое дело. С деньгами проблем тоже нет, ведь дело отца процветает. Я помогаю ему на каникулах, раскладываю товар в лавках, а еще хожу в приют, занимаюсь с детишками, ведь отец мой — самый известный меценат в столице. А Эбби и правда моя подружка. Познакомились, когда я стала к детям ходить... Я уже закончила первый курс! Учеба дается легко, друзей много, даже на свидания бегаю... И место в кампусе мне не нужно, ведь я замечательно живу в родительском доме...

Я остановилась, тяжело дыша, прислонилась к какому-то дереву... Воспоминания об этой прекрасной неведомой жизни не желали оставлять меня, пополнялись все новыми подробностями. А моя прежняя жизнь в приюте, переживания, слезы, Стражи, доринг, несчастная любовь — все это казалось теперь блеклым, почти нереальным. Не может быть... Почему я вдруг попала в прежнюю нить судьбы? Как такое вообще могло случиться.

Я в нерешительности остановилась перед воротами дома, который... снова стал моим? Руки дрожали, ноги подкашивались, и я с трудом могла дышать. Неужели я вот так просто смогу войти туда? Осторожно открыла калитку, вошла... Сделала пару шагов по дорожке, выложенной голубым камнем, остановилась в нерешительности. Сейчас родители увидят меня и выгонят, а то и вовсе констеблем позовут... Но новые воспоминания упорно подсказывали мне, что так я возвращаюсь домой каждый вечер! Пошла дальше, нервно оглядываясь по сторонам. Вот уже крыльцо близко, дверь со старинной кованой ручкой...

— Привет, Амари! Ты сегодня поздно...

Я повернулась и увидела Морриса. Он сидел на скамейке под раскидистой елью и читал книгу. Погруженная в свои мысли, я даже не заметила его...

— Моррис, — прошептала, разглядывая брата.

Как же он вырос! Настоящий жених! Высокий, статный, с густыми темными волосами и огромными карими глазами. Весь в папу... Небось, все девчонки в округе по нему сохнут. Шестнадцать лет ведь парню... А в голове уже билась совсем другая мысль — он назвал меня по имени, узнал меня! Я бросилась к нему, обняла крепко-крепко, расцеловала. Моррис запыхтел сердито, отстранился.

— Ты чего обниматься лезешь? — спросил он, а потом взглянул куда-то мне за спину и крикнул:

— Мама, убери ее от меня! Она чокнулась, похоже!

Я оглянулась и увидела маму. Она стояла на крыльце, приветливо улыбаясь мне. Я, как замороженная, пошла к ней, с трудом передвигая ноги, вспоминая тот день много лет назад, когда так же искала защиты, а мама меня не узнала... Воспоминания о двух разных жизнях путались в голове, не давая нормально соображать.

Обняла маму, прижалась к ней, совсем, как в детстве, ища поддержки, стремясь укрыться ото всех горестей.

... Деточка, ты откуда? Заблудилась, наверное... Как тебя зовут, милая?

Воспоминание больно кольнуло, и я едва не расплакалась. Но мама вдруг обняла меня в ответ, поцеловала в щеку.

— Амари, ты что? — встревожено спросила она. — Ты почему плачешь?

— Я не плачу, мамочка, — ответила, украдкой утирая слезы. — Просто устала...

Она посмотрела на меня, улыбнулась своей невероятной лучистой улыбкой, которой мне так не хватало, погладила по голове. И только тогда я поверила, что все происходит со мной наяву. Может, боги все же сжалились и вернули меня в прежнюю реальность? Если

так, то я буду усердно молиться до конца своих дней...

А потом мы ужинали всей семьей, как бывало в детстве... Как бывало в моей новой жизни. Я все помнила, и от этого становилось радостно на душе. Вот папа, как всегда улыбочивый, веселый... Спрашивает, смогу ли я завтра помочь ему, если не занята... Конечно, смогу, ведь до начала учебы еще целых две недели... Вот мама, выговаривающая Моррису, что он ерундой все лето прозанимался, а за книжки взялся только сейчас. И как учиться собрался, скоро ведь в школу опять... Брал бы пример со старшей сестры... Это было счастье... Настоящее, удивительное, невообразимое...

А еще был страх. Вдруг я и впрямь сошла с ума? Может, все — иллюзия, которая рассеется с рассветом, и моя жизнь вновь станет серой и безрадостной. Я все помнила из новой жизни, вот только Данте в ней не было... Воспоминания о доринге отзывались болью в душе, а еще щемящей нежностью.

Я не спала этой ночью, потому что боялась проснуться и обнаружить, что все исчезло. Сидела на подоконнике, завернувшись в плед, смотрела на ночную столицу. Неужели это происходит со мной?

— Мойра... — прошептала я. — Ты меня слышишь? Прошу, поговори со мной...

Воздух пошел рябью, и я увидела полупрозрачный светящийся женский силуэт.

— Здравствуй, Амари...

Мелодичный женский голос убаюкивал, навевал сладкую дрему. Я столько хотела спросить, но веки смыкались, а тело наполнялось легкостью...

— Помнишь, я говорила, что ничего не случается просто так? Ты изменила свою судьбу по глупости, как думала, но на самом деле ты была нужна ему... Несчастному дорингу, который тоже однажды решил поиграть с судьбой и потом страдал всю жизнь. Вы нужны друг другу, как воздух, вы связаны божественным проведением — два человека, которые изменили собственные судьбы. Вам суждено обрести счастье, Амари...

— Данте... — прошептала я. — Где же он, скажи?

— Он уже потратил волшебную силу кулона, Амари, исполнил свое заветное желание. Ты знаешь, какое?

— Избавиться от магии? — глухо ответила я, чувствуя ком в горле.

— Нет, милая, Данте пожелал тебе прежней судьбы.

Сон как рукой сняло. Я соскочила с подоконника, бросилась к мойре. Будь она материальна, я бы вцепилась в нее наверняка, требуя ответа...

— Данте истратил свое заветное желание на меня?

— Он выбрал любовь, — ответила мойра и тепло улыбнулась.

— Я еще увижу его?

— Конечно, он придет скоро, не тревожься. Данте пожелал, чтобы ты была счастлива, но твое счастье невозможно в одиночестве. Да и он недолго выдержит разлуки...

— Он правда любит меня? — спросила с замиранием сердца.

— Подумай сама, девочка...

Мойра рассмеялась и исчезла, оставив меня наедине с мыслями. Любит, конечно любит! Данте вернул мне жизнь, он все исправил! Первым порывом моим было бежать к нему сейчас же, прижаться крепко-крепко, вновь почувствовать тепло, и я с трудом себя остановила. Придет, он придет... Мойра ведь никогда меня не обманывала.

Доринг появился следующим вечером. В доме уже все спали, кроме меня, разумеется. Меня переполняло столько эмоций от новой жизни, что я не могла до сих пор успокоиться.

А еще ждала его... Ждала и надеялась.

Меня будто кольнуло что-то... Странное чувство, щемящее, глубокое. Отложила книгу и подошла к окну... Данте стоял внизу, в саду и смотрел на меня снизу вверх. Сначала я даже не поверила, что он настоящий, а потом накинула шаль и тихо покинула дом, стараясь никого не разбудить. Сад освещала только луна, но я все равно отчетливо видела Данте, словно воздух вокруг него светился. Я смотрела на него, не решаясь подойти. В его глазах отражалось множество чувств, и у меня внутри все переворачивалось.

— Здравствуй, Амари...

Он подошел, остановившись в паре шагов от меня, словно боялся подходить ближе.

— Здравствуй... Как ты попал сюда?

— Шерман помог, — ответил он, улыбнувшись. — Портал — замечательная штука...

— Почему раньше не приходил?

— Боялся, что прогонишь...

Данте все же подошел, ласково провел ладонью по моей щеке, как делал раньше, и сердце мое забилося сильнее.

— Я все испортил, да? — глухо спросил он, не отводя от моего лица цепкого взгляда.

— Ты вернул меня к жизни, — прошептала я. — У меня нет слов, чтобы выразить, как я благодарна тебе за такой подарок...

— Ты заслужила это, — произнес Данте. — Мне ничего не нужно, Амари, лишь бы тебе было хорошо. Я понял, что ничего не хочу менять. Да, я страдал, жалел обо всем долгое время, но когда появилась ты... Я понял, что мне больше ничего не нужно. Рядом с тобой даже боль отступает... Ты — мой подарок и самое заветное желание. Твои восхищенные глаза, твоя заинтересованность так захватили меня, что я перестал относиться к своему дару как к обузе. Амари, ты помогла мне осознать, что магия — прекрасно. Да, сорвался, да, наговорил Шерману глупостей... Я просто непроходимый идиот! Не захотел тебе довериться, рассказать все... Ты простишь меня когда-нибудь?

— Уже простила, — прошептала, беря его за руку. — То, что ты сделал для меня — настоящее чудо...

— Но мне недостаточно просто прощения.

В голосе мужчины появилась дрожь. Он перехватил мою руку, прикоснулся губами, и у меня мурашки побежали по коже.

— Амари, теперь ты веришь, что нужна мне? Я все сделаю, чтобы ты была рядом. Всегда рядом...

Данте мягко привлек меня к себе, судорожно вздохнул, провел ладонью по волосам.

— Я люблю тебя, Амари, безумно люблю...

Я прижалась щекой к мужской груди, прикрыла глаза, наслаждаясь таким желанным теплом, которое вернулось ко мне. Данте обнимал меня, шептал ласковые слова, а я плавилась в его руках, улетала далеко-далеко, туда, где нет больше тоски и печали. Он выбрал меня, подарил новую жизнь... Он меня любит, правда любит...

— Амари, будь добра, разбери вон ту корзину!

— Да, папа, сейчас!

Отец улыбнулся, поцеловал меня в макушку и скрылся в подсобке. Я поставила большую плетеную корзину на прилавок и принялась сортировать артефакты, чтобы потом разложить по полкам. Рабочий день подходил к концу, и покупателей уже не было. Оставалось разложить товар, прибрать и закрыть лавку. Отец с удовольствием доверял мне такое ответственное дело и не уставал повторять, что я его самая главная помощница. Что ж, не он первый так говорил... Я привычно улыбнулся, вспоминая наши приключения с Данте.

Колокольчик над входной дверью звякнул, и я пошла встречать припозднившегося покупателя. Однако, на пороге я увидела улыбающегося Данте, который держал в руке небольшой букет лиловых гербер. Я привычно залюбовалась им, покраснела, ведь за все это время так и не смогла привыкнуть до конца, что за мной ухаживает такой красивый мужчина. Я ведь теперь не просто помощница и не просто друг... Я теперь любимая девушка, и от осознания этого внутри привычно разлилось тепло.

— Здравствуй, милая, — шепнул Данте, поцеловал меня и вручил букет.

Я смотрела на мужчину и не могла наглядеться. В себя пришла, услышав демонстративный кашель отца. Обернувшись, прижала к себе букет. Уже несколько дней прошло с нашего счастливого соединения, а я все никак не решалась рассказать о доринге родным. Похоже, Данте решил исправить это собственными методами.

— Добрый вечер, молодой человек, — протянул папа, подозрительно рассматривая Данте.

Впрочем, подозрительно он смотрел на всех моих кавалеров, которых было немного, если честно. Подумаешь, до дому провожали после занятий... Данте — совсем другое дело. Его я люблю... В любой реальности, в любой линии судьбы... Что бы ни случилось.

— Добрый вечер, господин Брайт, — вежливо сказал Данте, обходя меня и протягивая руку отцу. — Меня зовут Данте Мэйверс.

Немного помешкав, папа пожал ему руку в ответ и вопросительно взглянул на меня. Я хотела объяснить все, но Данте меня опередил.

— Господин Брайт, я люблю вашу дочь и хотел бы попросить у вас разрешения ухаживать за ней.

Доринг сейчас напоминал смущенного мальчишку, а не взрослого опытного мужчину. Надо же, решил сделать все по правилам, пришел к отцу.

— Ухаживать, значит, — повторил папа. — А ты что скажешь, Амари?

Наконец получив слово, я бросилась к нему, обняла за шею и прошептала:

— Папочка, я тоже его люблю! Очень сильно люблю! Он такой хороший, ты себе не представляешь... Он доринг!

Последний аргумент показался мне невероятно весомым. Папа рассмеялся, чмокнул меня в щеку и поставил на пол и вновь взглянул на Данте.

— Ну что ж, рад знакомству, светлейший. Раз дочь выбрала вас, значит, человек вы достойный.

— Благодарю за доверие, — ответил Данте, чуть поклонившись.

Я смущенно подергала отца за рукав.

— Ладно, иди уже, влюбленная...

Я расцеловала отца, и мы с Данте пошли рядышком по вечерней улице, наслаждаясь прохладой и обществом друг друга.

— Вот видишь, совсем не страшно, — сказал Данте, улыбнувшись. — Думаю, я ему понравился.

— Главное, что ты нравишься мне, — заметила, многозначительно посмотрев на мужчину. — Скоро учеба начнется... Как же хочется еще побездельничать!

— Ничего страшного, Амари, вечерами-то я весь твой. Буду следить, чтобы ты все учила, сам буду проверять. А еще всех твоих ухажеров разгонять.

Данте притворно нахмурил брови.

— Уже страшно, — рассмеялась я. — Обещаю учиться прилежно, мой господин. К тому же, я уже все вспомнила. Знаешь, так странно помнить сразу две жизни...

Данте остановился и взял меня за руки.

— У нас будет новая жизнь, Амари, только наша, — прошептал мужчина. — Считай, что сегодня была репетиция...

— Репетиция чего? — удивленно спросила я.

— Однажды я также приду к твоему отцу просить твоей руки.

Я замерла, заморожено глядя в голубые глаза. Данте прикоснулся к моим губам легким поцелуем и спросил:

— Что бы ты ответила мне, Амари? Скажи...

— Конечно, да!

Больше книг на сайте - Knigolub.net